

Юрий Ладнов

**ЧЕЛОВЕК
С ПЛАНЕТЫ НИБИРУ**

Хроники Нибиру: 2012

Юрий Ладнов

Человек с планеты Нибиру

<https://litres.ru/74294082>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь человека — это мозаика судеб, вплетённая в Бесконечность. Главный герой проживает несколько жизней, меняя обличье, в разные времена, эпохи, на разных планетах, стремясь достичь совершенства. Пройдя через множество испытаний, герой проверяет, станет ли Любовь тем спасительным кругом, который удерживает на плаву жизненного круговорота, и сохранит ли человек свое «я», распахнув окно из душевной комнаты земной жизни в безграничную Вечность Неба. Прошлое и будущее, жизнь и смерть — почти синонимы тайны, неуловимой и манящей. Пусть говорят, что эти тайны непостижимы: прочтите книгу и убедитесь в обратном!

Содержание

ГЛАВА 1	5
В ПОИСКАХ ОЩУЩЕНИЙ	5
ГЛАВА 2	27
НА ЗАРЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ	27
ГЛАВА 3	161
АЛЕКСАНДР — БЕЗВОЛЬНЫЙ	161
ПРАВИТЕЛЬ	
ГЛАВА 4	276
РАБ СОБСТВЕННЫХ ДЕТЕЙ	276
Конец ознакомительного фрагмента.	293

Юрий Ладнов

Человек с планеты Нибиру

Эта книга, как мне кажется, отвечает на вопрос «Что ждет человека после смерти?» и показывает, что у каждого поступка есть свои последствия, а у любой ситуации есть свои причины. За все наши жизни мы сменили множество костюмов и отыграли ровно столько же ролей. Мы жили по совершенно не похожим между собой сценариям и играли самых разных персонажей, только бы добиться своей цели. А цель эта — научиться Любви, несмотря ни на какие трудности, соблазны и преграды, поставленные перед нами кем-то сверху. У этого «кем-то» есть множество имен, но в этой книге я называл его Игроком и Управляющей Структурой.

Одной из основных задач было показать людям всевозможную гамму чувств, испытываемых каждым за время жизни, и понять, что нет плохих чувств и событий, а есть опыт, который всегда ценен.

Для вдумчивого читателя определенный урок, опыт будет нести каждая глава-рассказ, сжатая до самостоятельного произведения.

Юрий Ладнов

Благодарю за помощь в создании книги Александра Никитина.

ГЛАВА 1

В ПОИСКАХ ОЩУЩЕНИЙ

Он сидел на камне у отвесной стены обрыва. С высоты птичьего полета перед взором открывались просторы родного леса. Черно-красноватые деревья стояли неподвижно, словно затаив дыхание и ожидая каких-то необратимых перемен. Будто было понимание, что некогда высоко духовная раса пришла в упадок и должно пройти еще много тысячелетий, прежде чем она обретет былое величие. Солнце уже заходило за горизонт, и редкие лучи, попадавшие на спутник, который сопровождал планету, делали поля, скалы и даже воздух золотистым.

Где-то там, внизу, остались те, кого он знал, любил. Энлиль закрыл глаза и погрузился в медитацию. Черная свободная хламида не сковывала движений. Чувства в области солнечного сплетения усиливались, и он уже видел огромный, светящийся, золотой шар в центре груди, каждой клеточкой тела ощущая исходящее из него тепло.

— Пора. Все уже собрались, — услышал он голос спускающегося с горы товарища.

— Да. Иду. Дай мне еще минуту, — ответил Энлиль, не открывая глаз.

— Не задерживайся. Мы ждем тебя в древнем храме на скале, — сказал приятель и поспешил удалиться.

К этому моменту уже все тело Энлиля прониклось теплом и глубокими чувствами. Поднявшись с камня, он напоследок бросил взгляд на стоящий в ожидании перемен лес и направился в сторону храма.

На самой вершине огромной крутой скалы находился храм. Возвышавшийся над лесами, он находился на самой вершине высокой скалы. Основание храма являлось вершиной скалы, а его верхушка была сложена из множества грубых прямоугольных несимметрично сложенных камней, покрытых наростами. А основанием служила вершина скалы. Создавалось впечатление, что этот древний храм как бы вырастал из скалы и парил высоко над лесом. Здесь не было ни лестницы, ни какой-либо другой дороги. Но для Энлиля и других нефилимов, жителей этой планеты, это была не проблема. На руках их было по три пальца, каждый из которых был оснащен огромным круглым когтем, слегка загнутым внутрь. Эти огромные крепкие когти впивались в скальную породу и позволяли прочно крепиться своему хозяину.

Взобравшись на вершину, Энлиль вошел в храм. Единственное, на чем можно было остановить взгляд, была винтовая лестница.

«Видимо, мне сюда», — подумал про себя Энлиль. Он прошел два полных оборота по лестнице, прежде чем оказаться в единственном имеющем какой-то смысл помеще-

нии. Войдя, он очутился на открытом полукруглом балконе. Прямо перед ним, метрах в двух, возвышался небольшой подиум, уходивший в звездное небо. Солнце уже зашло за горизонт, а вращающийся спутник давно уже летел по ту сторону планеты. В центре подиума находилось нечто, похожее на треногу с основанием пирамиды на вершине. На этом основании стоял огромный кристалл, светящийся изнутри синеватым пламенем.

Энлиль осмотрелся. Справа от него стояли все те, с кем он собрался совершить этот беспрецедентный для остальных жителей планеты Мардук поступок: учитель и еще два ученика. Старшего ученика звали Ишон. Он был на несколько тысяч лет старше Энлиля. А младший, Ануш, примерно, настолько же младше его. Учитель же был очень стар, даже для расы нефилимов. Собравшиеся были последними, кто уйдет с этой планеты. Остальные, оставшиеся в лесу, давно стали деградировать, и к этому моменту растеряли свои умения и знания. Они не верили никому и ни во что. Их сознание уже было не способно принимать новую информацию. Эти жители планеты Мардук решили остаться, так и не поверив тому, кого Ишон, Энлиль и Ануш называли учителем. Раса нефилимов достигла апогея в своем технократическом развитии, обрекая себя на самоуничтожение.

— Пора, — сказал учитель спокойным голосом. Он был уверен в правильности своих действий.

Товарищи подошли к огромному мерцающему синеватым

пламенем кристаллу, и учитель по очереди посмотрел в глаза каждого из учеников. Он пытался уловить сомнения относительно правильности совершаемого ими поступка.

Энлиль это заметил.

— Я доверяю тебе так же, как и своим собственным чувствам, — сказал он, не отводя глаз от кристалла.

Учитель молча кивнул и положил нижние руки на кристалл. Его примеру последовал Энлиль, потом Ишон и Ануш. Едва последний коснулся кристалла, как вспышка ослепила нефилимов, и Энлиль почувствовал сильнейший толчок в грудь. Пролетев несколько метров, он ощутил себя парящим в воздухе. Вокруг него на бешеной скорости вращалась Мер-Ка-Ба, которую он активизировал в течение многих дней.

Не чувствуя боли, он осмотрел свою нынешнюю форму бытия. Энергетический двойник в точности повторял его физическое тело: все тот же рост, около четырех метров, стройная фигура, узкая талия, не очень широкие плечи, красивые ноги с огромными когтями. Изыщные верхние руки имели три когтя. Они были предназначены для передачи информации, которую нельзя было передать вербально. Когти скрежетали друг об друга при разных наклонах, издавая таким образом звуки, похожие на стрекот.

Крепкие, накаченные нижние руки, оснащенные тремя пальцами с когтями, при помощи которых нефилимы лазили по скалам, деревьям, преодолевали разного рода препят-

ствия: нижние — для физической работы, верхние — были немного короче нижних.

Удовлетворившись своей внешностью, Энлиль посмотрел в сторону храма, где еще пару мгновений назад он, два его товарища и учитель совершили вынужденное самоубийство. С ними все было в порядке. Удивительно, несмотря на столь мощный взрыв, этот древний храм остался без изменения.

Придя в себя и слегка привыкнув к новому способу существования, все трое летели в сторону Энлиля. Они также ничуть не изменились: вытянутая назад голова, говорившая о высоком уровне сознания, черные широко посаженные глаза, носовые, слуховые и ротовая щели. Справа и слева от ротовой щели находились жевала. Благодаря жевалам нефилимы перетирали пищу, которая затем попадала в жевательный мешок, сохраняя таким образом вкусовые ощущения еще долгое время. Все было без изменений.

С этого момента все их общение происходило исключительно на телепатическом уровне.

— Ну как? Все в порядке? — спросил учитель у подопечных.

— В полном! Только слегка непривычно чувствовать себя сгустком энергии, — ответил Ануш, младший ученик, пытаясь освоить управление новым телом. Возможно, где-то в глубине души у него были сомнения относительно возможности существования вне физического тела, но сейчас от них не осталось и следа.

— Ничего, привыкнешь. Ко всему привыкаешь, и к этому привыкнешь. Когда-то это должно было случиться, — подбодрил его старший ученик, хранивший молчание до этого момента.

Ишон огляделся по сторонам. Сейчас они находились в своем родном четвертом измерении, но уже ином обертоне.

Учитель знал, что на каждой планете существует сто сорок четыре мира: двенадцать измерений или октав, по двенадцать параллельных миров или обертонов в каждом. Чем выше измерение и обертон, тем более высоко духовные сущности там обитают. Он всегда твердил, что все во Вселенной можно рассматривать двумя способами: во-первых, как предмет, состоящий из мельчайших частиц, таких, как атомы, во-вторых, как предмет, имеющий свою вибрацию или, другими словами, имеющий определенную длину волны. Этими словами учитель пытался привить ученикам не только неординарное мышление в восприятии мира, основанного на плотных физических составляющих, но и чувство движения энергии. Так и уровни измерений, о которых так часто говорил учитель, были ничем иным, как различной длины волнами. Чем больше расстояние между двумя волнами, тем выше уровень измерения. Все, что относится к одному измерению или обертону, например, третьему обертону третьего измерения, где обитают созданные нефилимами дети, имеет базовую длину волны, с расстоянием между двумя волнами равным 7, 23см. И соответственно вибрация находящихся в

этом измерении предметов, в том числе и живых существ, колеблется в пределах этой базовой длины волны. Чем выше обертон, тем шире базовая длина волны.

Учитель повел учеников за собой, оставив тела лежать возле кристалла. На огромной скорости, создаваемой Мер-Ка-Ба, они вылетели из атмосферы планеты Мардук и оказались в Космосе. Благодаря Мер-Ка-Ба, нефилимы могли развивать скорость во много раз превышающую скорость света, не затрачивая собственную энергию.

Учитель держал курс прямо на созвездие «Пояс Ориона», но долетев до определенной точки, развернулся под углом более чем 45 градусов и полетел вправо по наклону вниз. Остальные следовали за ним. Долетев до еще одного ориентира, видимого только учителем, они совершили очередной поворот и полетели в направлении созвездия «Рыбья сеть». Прodelав такой зигзаг, они сделали последний поворот и оказались у цели. Перед ними возвышались две циклопические колонны, и еще одна такая же колонна лежала сверху. Это было похоже на огромные врата, висевшие в открытом Космосе.

На обеих колоннах были выгравированы письмена в виде иероглифов. Энлиль подлетел ближе к одной из колонн и начал рассматривать ее. Остальные же остались любоваться этим построенным кем-то чудом со стороны. Язык, на котором были написаны письмена, был настолько древний, что даже нефилим не мог с точностью определить смысл напи-

санного. Сумев прочитав лишь пару символов, он бросил это бесполезное занятие и, облетев вокруг колонн, увидел, что эти рисунки были по всей их площади.

— Это и есть звездные врата? — спросил Ануш своего учителя.

— Что-то вроде того, но не совсем. Это не врата между цивилизациями, а врата между измерениями. Наша Вселенная имеет структуру как у рыболовной сети: каждая Солнечная система соответствует одной ячейке, а ячейки в этой сети имеют определенные границы, между которыми можно проходить, если использовать так называемый «магический знак». В нем изображают двухмерный символ Мер-Ка-Ба, пишут определенные письмена и заключают в три круга. Таким образом, получается универсальный ключ, подходящий ко всем измерениям, — пояснил учитель.

— Значит, имея ключ, мы сможем пройти сквозь эти врата?

— Даже если бы у нас был магический знак, мы бы не смогли войти в них. В них нет никакой преграды. Только пустота. Единственный способ войти в эти врата — это активизировать чувства, над развитием которых вы работали в течение многих лет. Эти чувства — ваш ключ в другое измерение. Это похоже на гамму вибраций, которая набирается как нотная палитра. Вызывая в себе все эти чувства, вы набираете как раз эту палитру. Все эти чувства в целом вводят вас в определенную вибрацию, приобретая которую, вы смо-

жете пройти сквозь эти звездные врата, — ответил учитель.

Приняв положение напротив звездных врат, Энлиль начал вызывать в своем сердце чувство Безусловной Любви. Он мысленно сконцентрировался в области груди и ощутил приятное тепло, расплывавшееся по всему телу. Каждая фибра души оказалась окутана этим божественным чувством. Он любил все вокруг: природу своей родной планеты, и самые далекие звезды со всеми их обитателями. Он любил их не за что-то конкретное, а просто за то, что они есть.

Следующим паттерном для входа в звездные врата было чувство Истины. Вызвав в себе это ощущение, он почувствовал, что источник находится уже не в груди, а поднялся немного выше и уже оттуда вещает этим разрозненным чувством. Добро и Зло чередовались в своей истинности, то одерживая победу, то падая в поражениях. Источник паттерна Красоты находился еще выше, но он не вызывал противоречивых чувств, пришедших из его прошлого. Во всем, встречаемом во Вселенной, он видел точные геометрические пропорции и идеально выдержанные формы. Зафиксировав и это ощущение, Энлиль стал вызывать Доверие. Этот паттерн пришел сразу, нашедший свое место в общей палитре. Паттерн Гармонии был важен, и его источник приятно отзывался в голове идиллией и чувством повсеместной сочетаемости. Какое-то время нефилим парил в воздухе напротив врат, закрепляя в себе этот паттерн, прежде чем перешел к следующему. Паттерн Мира был одним из последних, но от

этого важность его возрастала. В этих дуальных мирах требовалось укротить Добро и Зло, примирив их в одном целом, и в этом-то и заключалась главное понимание многих реальностей, существующих в огромном космическом пространстве. Завершающим же было чувство Благоговения перед Богом. Вызвав и его, Энлиль объединил их в одну палитру. Активизировав, как ему показалось, все необходимые для прохода в другое измерение чувства, он совершил движение через врата. Но, пролетев сквозь них, увидел: ничего не изменилось. Он оставался в том же космическом пространстве четвертого измерения.

— В чем дело? Почему я не прошел? — огорченный своей неудачей, спросил он учителя.

— Скорее всего, тебя подвела слабая концентрация чувства «Благоговение перед Создателем». Вспомни многолетние тренировки. Ты так и не усвоил один из главнейших уроков. В Бога можно верить, можно не верить, но от этого Он не перестанет Быть! Он создал тебя, меня и все остальное, что ты видишь и не видишь. И даже более. Он находится в тебе, во мне, в каждом дереве, кусте, в каждой планете. Он связывает абсолютно все в нашей Солнечной системе. Тебе следует выражать глубочайшее почтение перед Ним. Если бы не Он, ничего бы не было, — ответил учитель. — Попробуй еще раз. Только сейчас постарайся как можно ярче ощутить Благоговение перед Богом, поблагодари Создателя за все сделанное для нас.

Повторно вызвав в себе все чувства, уделив особое внимание «Благоговению перед Создателем», Энлиль приблизил-ся к пустоте, находящейся между колоннами. Он начал вытягивать вперед свою нижнюю правую руку и, к своей радости, заметил, что она исчезает. Палитра была полна. А в том месте, где она проникала в другое измерение, образовывалась рябь, расходившаяся по всей площади врат, как от брошен-ного в воду камня. Он продолжил движение и оказался в со-всем другом мире, где его уже ждал Ишон, прошедший сюда ранее. В скором времени появились и Ануш с учителем.

— Сейчас мы находимся в тамбуре-переходнике пято-го измерения. Сюда попадают все те, кто смог пройти че-рез звездные врата. Миновать этот тамбур невозможно. По-павшие сюда сущности проходят своеобразное обучение, и именно здесь они настраивают свои энергоцентры перед тем, как пойти дальше. Правильно настроив энергоцентры, они будут полноправными членами того общества, в которое по-падут, — пояснил учитель.

Путники осмотрелись. Они находились в круглом, слег-ка вытянутом пространстве. Слева находился выступ в бо-лее низшие измерения. По всему тамбуру было расставлено множество огромных кристаллов разного цвета и с разным количеством граней.

— Вам следует поместить свое сознание в каждый из этих кристаллов по очереди и слиться с ним, а они настроят вашу энергетику и ваши энергоцентры на частоту того кристалла,

с которым вы будете работать, — сказал учитель.

Задача оказалась не из легких. С первого раза ни один из учеников-нефилимов не справился с ней. Несмотря на высокий уровень развития и огромный практический опыт в области медитаций, их сознание вырывало из кристаллов. Но после небольшой тренировки все четверо были готовы к завершению обучения.

— А для чего предназначен этот? — спросил Энлиль, указывая на стоящий в стороне от других коричневатый четырехгранный кристалл, находящийся на углу выступа, ведущего в низшие измерения, и никто из присутствующих не обращал внимания на него до этого момента.

— А ты сконцентрируйся на нем, и сам все уви дишь, — ответил учитель.

Энлиль подлетел ближе и сконцентрировался на кристалле. Своим внутренним взором он увидел, что одна из цивилизаций, находившаяся в третьем измерении, достигнет уровня Перехода в следующее измерение и перейдет в него. Но по какой-то совсем непонятной причине в четвертое измерение перешли все сущности. Принцип «Много званых, но мало призванных» не сработал, и наряду с просветленными и высоко духовными существами, полными любви и гармонии, перешли и убогие сознанием, маниакальные сущности, внутри которых кипела агрессия и жажда насилия.

«Скорее всего всю эту цивилизацию что-то объединяет, раз этот сброд оказался здесь. Возможно, благодаря высоко-

развитым душам в четвертое измерение были перетянуты и все эти деградирующие сущности», — подумал про себя Энлиль.

Продолжив наблюдение, он увидел, что эта цивилизация удержится в четвертом измерении лишь на несколько месяцев, а затем будет сброшена обратно. Но и эти несколько месяцев были потрясающей возможностью провести время в четвертом измерении, наполненном формами мыслеобразов и потрясающей творческой самореализацией.

— Учитель, — обратился Энлиль к наставнику, — не будешь ли ты возражать, если я покину тебя на некоторое время и проведу его с той цивилизацией, которую я видел в кристалле?

— Исключено! — отрезал учитель. — Мы должны стремиться вверх, а не опускаться до уровня четвертого измерения. Нам необходимо еще много работать, прежде чем мы обречем бессмертие.

— А куда нам спешить? У нас в запасе минимум двести тысяч лет, — вмешался в беседу Ануш.

— У вас в запасе, — поправил его учитель, понимая, что ему самому столько не прожить.

— Мы будем находиться в четвертом измерении всего несколько месяцев. Это меньше мгновения для мироздания. А перед тем, как та цивилизация начнет падать обратно в третье измерение, мы уйдем отсюда и вернемся сюда, — добавил Энлиль.

— Не переживай, учитель. Ничего страшного не произойдет. Совсем скоро мы вернемся и продолжим наше обучение, — подключился к разговору Ишон, также заинтересовавшийся возможностью посещения четвертого измерения.

Понимая, что эти несколько месяцев ничего не решат, учитель пошел ученикам навстречу.

— Но если вы опоздаете и не успеете улететь с планеты до того, как вся остальная цивилизация будет сброшена вниз, вы окажетесь в заточении и будете вынуждены скитаться там до следующего Перехода. А это ни много ни мало — шестнадцать тысяч лет. И где гарантия, что вы не растеряете все свои знания и навыки за это время?

При этой мысли учитель пожалел, что разрешил своим подопечным эту прогулку, но тут же успокоил себя мыслью о том, что немного отдыха им не повредит перед предстоящим путешествием.

Довольные исходом переговоров, нефилимы вылетели из звездных врат, используя те же паттерны, что и для входа, и активизировав свои Мер-Ка-Ба, двинулись в сторону планеты Земля.

Очень стремительно, словно прыжком, они переместились к земной атмосфере. Далеко под ними была Земля. Медленно, используя для передвижения собственную энергию, они приблизились к её поверхности и приземлились за высоким зданием. Теперь они были в четвертом измерении планеты Земля, где и хотели немного отдохнуть.

— Надо бы сменить наш облик! — предложил Ишон. — Существа, живущие здесь, совсем не похожи на нас. Наш внешний вид может привлечь совсем не нужное внимание.

Сконцентрировавшись на сердечной чакре и шишковидной железе одновременно, Энлиль почувствовал, как с его телом начинает происходить метаморфоза. Оно стало принимать облик существа этой планеты: его рост уменьшался, а тело становилось все более и более плотным, руки срослись, вытянутая назад голова приняла чуть более округлую форму. При помощи своих мыслей Энлиль создал себе выющиеся темные волосы, свисавшие до плеч, прямой острый нос, слегка заостренный подбородок и карие глаза. Примерно такой же образ создали себе и его товарищи.

Оказавшись в человеческом теле, Энлиль тут же приступил к его освоению. Подпрыгнув вверх, он попытался сделать сальто назад, но тут же упал на спину. Острая боль, которую не испытывал с тех пор, как покинул тело нефилима, пронзила только что созданную оболочку.

— Что за неуклюжее тело?! Зачем им пять пальцев, когда вполне достаточно и трех? Зачем эти пластины на пальцах, которые не нужны? — возмутился Энлиль, встав на ноги и осмотрев руку.

Тут же он попытался вцепиться ногтями в находившееся рядом здание, как делал это на своей родной планете. И вновь неудача. Он сорвал ноготь на большом пальце правой руки. К счастью для друзей, метаморфоза произошла только

с их телами, а не их внутренней сущностью. Благодаря знаниям, полученным на родной планете, Энлилю не составило труда за несколько минут нарастить потерянный при попытках освоить тело ноготь.

Поняв, как работает это несовершенное для нефилимов тело, только что прибывшие спутники отправились осваивать планету. Перед ними простиралась степь, на которой были видны результаты мыслеформ обитающей здесь цивилизации.

— Нельзя же наделять всех без разбора такой силой! — вслух рассуждал Ануш. — Каждый творит вокруг себя то, что представляет из себя их внутренняя сущность.

— Это их проблемы! Я люблю людей, но я не обязан любить их продукты жизнедеятельности, — холодно прокомментировал Ишон. — У нас остается мало времени на освоение этого места. Давайте не будем терять его!

У нефилимов была пара месяцев на вполне заслуженный отдых, и они разошлись. Им предстояло встретиться вновь через несколько месяцев, чтобы покинуть планету, прежде чем ее жители будут сброшены назад, в третье измерение.

В назначенное время Ишон и Энлиль были на том же месте, куда приземлились несколькими месяцами ранее. Времени им как раз хватало на то, чтобы трансформироваться обратно в нефилимов и, сбросив физические тела, лететь на встречу с учителем, который, наверняка, их уже ждал. Время шло, а Ануша все не было.

— Ну, где же он? — с нетерпением твердил Ишон, нервно прохаживаясь вдоль высокого здания.

— Не знаю. За все время нашего пребывания здесь он мне ни разу не встретился, — ответил Энлиль более спокойным голосом.

— Вон же он идет! — воскликнул Ишон. — Ну, наконец-то! — и он указал пальцем на двух людей, идущих в их сторону.

— Здравствуйте, друзья. Как я рад вас видеть! — сиял Ануш. Счастливая улыбка не сходила с его лица. Решив не дожидаться расспросов заждавшихся товарищей, он перешел сразу к главному. — Я хочу, чтобы она пошла с нами! — и указал на пришедшую с ним молодую девушку. — Без нее я никуда не пойду!

Этими словами он застал остальных врасплох.

— Что значит «с нами»? Что значит «не пойду»? — с трудом выдавил из себя Ишон.

— Мы не можем взять ее с собой. Даже если представить, что мы и возьмем ее, она не сможет пройти через звездные врата. Ее уровень сознания слишком низок, — добавил Энлиль, прибывая в состоянии стопора.

— Тогда я остаюсь с ней здесь, на Земле. Я помогу ей обрести знания и умения, а через шестнадцать тысяч лет, во время следующего Перехода, мы к вам присоединимся, — голос Ануша звучал уверенно, и было понятно, что он уже все решил для себя.

— Ты что спятил? — заорал старший товарищ, понимая, что именно ему придется объясняться с учителем. — Магнитное поле Земли очень мощное. Оно будет удерживать твою память. Тебе бы самому не забыть, кто ты есть на самом деле!

Сейчас Ануш был уже не так счастлив, как при первой встрече с товарищами после короткого отдыха. Он совсем забыл, что его возлюбленная совсем не похожа на него самого. Но, любовь...

— Я никуда без нее не пойду! Я люблю ее! — еще раз повторил Ануш и обнял свою избранницу.

«Он все забыл. Он забыл, что может управлять своими чувствами. А может, не забыл? Просто не хочет? Решил пойти навстречу ощущениям, сказав себе, что не стоит их контролировать. Как же объяснить, что она ему не нужна?» — размышлял Энлиль.

— Брось ее! Полетели! Времени совсем мало! — сказал Ишон и начал трансформацию своего облика.

— Я все сказал! Или мы берем ее с собой, или я остаюсь здесь, — настаивал на своем влюбленный нефилим.

— Ну и оставайся! — выругался Ишон и взглянул на виновницу сложившейся ситуации.

Девушка испуганно отвернулась и уткнулась лицом в плечо Ануша.

— Давай догоняй меня. Не хватало еще из-за него здесь остаться! — обратился Ишон к Энлилю и взмыл в небо.

— Лети. Не отговаривай меня. Бесполезно. Я останусь с ней до следующего Перехода. Я решил. Я люблю ее! — Младший ученик произнес это с такой уверенностью и настойчивостью, что Энлиль понял — отговорить его не удастся.

— Ну, как хочешь, а я полетел! — махнул он рукой, отчаявшись вернуть товарища домой.

Совсем не оставалось времени, чтобы трансформировать человеческое тело в нефилимское. Энлиль решил лететь в теле человека и совершить трансформацию за пределами земной атмосферы. С огромной скоростью он устремился в небо. В ушах свистело, земные объекты становились все меньше и меньше, но... Но этого было недостаточно! Слишком слаба оказалась Мер-Ка-Ба людей, и слишком уж стремительно надвигался Переход, готовый сбросить инволюционную цивилизацию, а вместе с ней и «отдыхающих» в третье измерение. Из всех сил старался он покинуть эту, обреченную на неизвестность, планету. Если он не успеет, она станет его домом на следующие сотни, тысячи, а может, и миллионы лет.

Энлиль спешил, как мог. Оставалось чуть-чуть. Он почти вылетел за пределы атмосферы Земли, когда увидел огромный темно-синий поток, с грохотом надвигающийся на него. Через мгновение этот навес накрыл нефилима, и врезавшийся в него на огромной скорости Энлиль, начал падать вниз.

На большой скорости плотное тело Энлиля приближалось

к поверхности планеты. Падая, он прокручивал в голове последние события жизни, пока мысли не вернули его к первому опыту в теле человека, когда он больно ударился при попытке сделать сальто. Воспоминания болевых ощущений отрезвило его разум, и автоматически он запрограммировал Мер-Ка-Ба смягчить удар, но было поздно.

Лежа на земле и корчась от боли, Энлиль увидел, как в воздухе стали появляться вертикально расположенные воронки прозрачного цвета. О том, что это воронки, можно было определить по движению воздуха, создававшего такой эффект. Эти воронки появлялись рядом с живыми существами и всасывали их в низшее измерение. Этой участи не избежал и лежащий на земле нефилим.

Всех, оказавшихся в третьем измерении, встречал Игрок — Управляющая Структура Солнечной системы. Это именно Он пишет варианты судеб Земли и всех ее жителей. Именно Он решает, когда сущность должна прийти на землю, а когда покинуть ее. Определяет эпоху великих открытий и назначает время войн и время катастроф — абсолютно все, находящееся в этой Солнечной системе, находится в Его власти.

Что-то невидимое колпаком накрыло Энлиля, и он ощутил себя запертым в замкнутом пространстве. Недалеко от него находился Ануш, отчаянно пытавшийся вырваться из подобной западни. Он был один, без своей возлюбленной, и тщетно наносил удары руками по невидимому препятствию.

Непривыкший к такому обращению, Энлиль в ярости разорвал сковывающее его пространство и помог освободиться товарищу. Уже вместе они полетели навстречу Игроку.

Несмотря на человеческий облик, Игрок узнал нефилимов по энергетической структуре. Он был явно удивлен появлению незваных гостей, да еще и столь высокого уровня.

— Приветствую вас на Земле! — на правах хозяина начал Игрок. Конечно, Он знал, что Энлиль недоволен сложившейся ситуацией. — Ты знаешь правила этой Игры. И они для всех одинаковы, — тут же продолжил Он.

— Но в твоих силах сократить длительность Игры. Ты ведь можешь сделать так, чтобы мы поскорее закончили её? — спросил Энлиль. Он знал, что правила для всех одинаковы, и Игрок не позволит пренебречь ими.

— Обычно жители планеты в этом измерении рождаются вновь через пять земных лет после смерти физического тела, но здесь я готов сделать для вас исключение. Буду перебрасывать вас вперед лет на сто или сто пятьдесят после смерти. Так вы быстрее подойдете к черте, за которой будет четвертое измерение. Также я могу подыскать для вас наиболее короткие жизни. Вы будете умирать на пике энергетики, которую сможете получить в том воплощении, и за счет этого будете подходить к финалу с высоким уровнем энергии. Устроит?

— Вполне. Благодарю тебя, — обрадовался Энлиль.

Между Игроком и нефилимами был заключен договор, по

которому Игрок предоставлял жизни, и когда нефилимы набирали максимальные из возможных в этой жизни бонусы энергии Любви, он давал им быструю и легкую смерть.

Для Энлиля это была замечательная возможность провести еще время на Земле, а затем, совершив Переход, вернуться к Ишону и учителю, потеряв совсем немного времени.

— Да, и еще кое-что, — добавил Игрок, обращаясь к Энлилю, — должен тебя предупредить: здесь на Земле ты можешь быть отличным воином, поэтом, жрецом, но ты никогда не будешь земледельцем. Ты с другой планеты, и твой союз с Землей изначально обречен на неудачу.

— Это не проблема! — заявил Энлиль. Он был уже в предвкушении физической жизни.

— Ну что? Тогда входите в Игру! — торжественно объявил Игрок.

Разве мог Энлиль предположить в тот момент, через какое несметное количество испытаний ему предстоит пройти, прежде чем он завершит эту Игру. И что, дойдя до конца, он будет иметь пренеприятную возможность еще раз вернуться на Землю, чтобы сдержать обещание.

ГЛАВА 2

НА ЗАРЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Величайшие потрясения переживал Египет незадолго до повествуемых событий. Взошедший в 1372 году до н. э. на престол Эхнатон, стал первым фараоном в истории этого великого государства. Устоявшиеся веками многобожие и оккультные верования были сломлены. На их место была поставлена вера в Единого Бога. По всей стране прокатилась волна возмущения со стороны жрецов, которые теперь не занимали центральное место в системе религиозных верований, а соответственно потеряли власть над страной, и военных, которые вынуждены были сидеть дома без дела, дожидаясь нападений со стороны.

Заявление Эхнатона о том, что Бог один и находится внутри каждого, вызвало больше паники, чем понимания. Люди были привязаны к своим маленьким религиям, и им по душе было поклонение собственным божествам. А пантеон богов Египта был огромен. Большинство египтян полагали, что поклоняются разным богам, и лишь немногие из жрецов понимали, что это не соответствует реальности. Те немногие

верили в Единого Бога, но в разные моменты времени они называли его по-разному. Когда говорили об искусстве, его называли Пта. Когда о божественном разуме — Эмеф. Когда о добре, всем на ум приходил образ Осириса. Как бы не был велик пантеон богов Египта, все они были и остаются частью Одного, Единого Бога.

Пришедший к власти Эхнатон, создал школу мистерий «Закон Единого», или, как ее еще называли, «Египетская школа мистерий Эхнатона». Эта школа включала в себя три пути обучения: Левый Глаз Гора, Правый Глаз Гора и Средний Глаз Гора.

Школа Левого Глаза Гора считалась женской школой. Выбрав женский путь познания мира, ученики исследовали природу человеческих чувств и эмоций, сексуальную энергию, рождение и смерть, определенную психическую энергию и все, что не поддается логике, развивали в себе интуитивные чувства. Обучение в школе Левого Глаза Гора проходило в двенадцати главных храмах Египта, расположенных вдоль Нила. По одному году обучения в каждом. А завершалось в Великой Пирамиде.

Правый Глаз Гора считался мужской школой. Этот путь познания проходил через логическое понимание реальности. Обучение проводилось только один раз в устной форме, а единственный письменный источник информации был выгравирован в стене под Великой Пирамидой — в проходе, ведущим в Зал Свидетельств.

Средний же Глаз Гора символизировал ребенка или просто жизнь. По мнению египтян, всё, что случается в этой жизни, является уроком, готовящим их для более высоких уровней существования, которые в обычном мире называют смертью. Вся жизнь — это обучение и узнавание — имела для египтян глубокий тайный смысл.

В 1317 году до н. э., спустя 34 года после смерти Эхнатона, в городе Буси-риса, родился мальчик. Родители назвали его Шери. В возрасте трех лет он уже был приверженцем школы Среднего Глаза Гора. Эта школа включала в себя знания как мужского пути познания мира, так и женского. Прекрасно справившись с изучением мира при помощи логики, Шери пытался уравновесить свой внутренний мир эмоций и чувств. Несмотря на юный возраст, он хорошо понимал, что без Любви, сострадания и здорового эмоционального тела, духовное развитие будет стоять на месте. С самого раннего детства что-то внутри подталкивало его к Свету, и следующим шагом на пути к нему, являлось обучение в храмах школы Левого Глаза Гора.

Построенные вдоль Нила храмы, символизировали двенадцатичакровую систему человека, где каждый храм отождествлялся с соответствующей ему чакрой. Все эти храмы являлись площадкой для тренировки по преодолению страха. Проходящих инициацию египтян помещали в обстановку ужаса, где обучающийся учился преодолевать свой страх. В каждом храме для иницируемого создавались искусствен-

ные экстремальные ситуации, проходя через которые, он накапливал опыт их преодоления и впоследствии легче справлялся с подобными проблемами в повседневной жизни.

Бывший правитель Египта Эхнатон очень хорошо осознавал важность искоренения страха из сердец людей. Ведь на протяжении тысячелетий именно страх тормозил движение человека на пути к Свету. Забегая вперед, следует заметить: несмотря на тот факт, что со временем жрецы вернули себе свой статус и положение, Эхнатон все же заложил зерно единогобожия для его дальнейшего роста.

Храм, находившийся в Кам Омбо, символизировал сексуальную чакру. Это была вторая из двенадцати ступеней обучения. Тринадцатой и завершающей ступенью была и остается Великая Пирамида.

Пройдя через множество медитаций, тренировок и испытаний в течение года, Шери был допущен к заключительному экзамену. Теперь только от него зависела его дальнейшая судьба. Либо он проходит это испытание и поднимается на следующую ступень обучения, проходившую в следующем храме, либо, провалив экзамен, остаётся еще на неопределенное время в Ком Омбо.

Проснувшись утром, Шери погрузился в медитацию, настраивая себя и свое тело на предстоящую работу. Ближе к вечеру к нему подошел верховный жрец и позвал за собой. Он провел неофита в самую священную часть храма, куда разрешался вход лишь немногим. За год пребывания в хра-

ме Шери впервые попал сюда. Одетый в белое жрец провел его через стражу, и они оказались в небольшой комнате, пол и стены которой были выложены камнем. Подведя Шери к небольшому квадратному отверстию, наполненному водой, он удалился.

Оставшись в одиночестве, иницилируемый еще раз взглянул на отверстие в полу, заполненное мутной водой.

В душу забрался страх. Страх перед неизвестностью. Он начал пожирать Шери изнутри, вызывая желание развернуться, уйти и жить жизнью обычного человека, не думая ни о ком, кроме себя. Но Шери решил остаться, понимая, что малейшая ошибка будет стоить ему жизни и здоровья.

У него был только один выход из этого испытания, находившийся неизвестно где, и один вдох. Опасные тренировки научили осторожности в незнакомых ситуациях. Аккуратно спустившись в воду, он набрал воздуха и нырнул в неизвестность. Мутная вода заставляла плыть на ощупь. Проплыв пару метров вниз, он наткнулся на каменный выступ, расположившийся прямо под входом в отверстие, в которое он нырнул. Шери несколько приободрился, понимая, что с первым невидимым испытанием он справился. Ведь если бы он прыгнул в воду, то обязательно ударился об этот выступ. Обогнув его, Шери продолжил движение, ощупывая руками скользкие холодные стены. На какое-то время он потерялся в пространстве и не знал, где низ, где верх. Чувство паники подкралось вновь, но тут ему на помощь пришли пробивав-

шиеся откуда-то лучики света. К тому моменту, как он доплыл до них, над ним было не меньше шести метров воды. Вода больно давила на уши и голову, но ни боль, ни глубина его сейчас не интересовали.

Казалось, он нашел выход. Шери нырнул в отсек, из которого пробивались лучи света, как вдруг..., от радостного настроения не осталось и следа. При виде плавающего над ним аллигатора сердце неопита заколотилось с бешеной силой, а выброшенная в кровь порция адреналина заставила забыть о воздухе, большая часть которого была уже израсходована. Увидев выход и расположившегося рядом с ним второго крокодила не меньших размеров, Шери решил еще поискать возможные выходы. Плывая по дну бассейна, он обратил внимание на дополнительный отсек. Зная, что чем страшнее испытание, тем приятней будет победа, Шери не задумываясь нырнул туда. Воздуха совсем не оставалось. Помня о выступе в самом начале испытания, он ощупывал каменные стены, поднимаясь все выше и выше, пока не уперся в преграду.

«А вдруг это ложный выход?» — подумал Шери.

Воздуха не оставалось, чтобы плыть обратно, и он судорожно стал ощупывать преграду над головой, пока не ощутил какую-то лазейку. Шери юркнул в нее и, пробравшись через узкий проем, увидел свет. Еще никогда в своей короткой жизни он не был так рад лучам солнца. Судорожно перебирая ногами, он вынырнул на поверхность и принялся жадно хватать воздух ртом. Едва отдышавшись, он заметил, что

рядом с ним стоит верховный жрец.

— Поздравляю, Шери! Ты с честью прошел испытание! Ты единственный, завершивший его с первого раза! — сказал человек, приведший его к отверстию с мутной водой пару минут назад, казавшиеся для Шери вечностью.

Следующие десять лет Шери провел в оставшихся десяти храмах, приобретая новые способности.

Преодолев все возможные страхи, лишения, боль, он оказался здесь — у подножия Великой Пирамиды. Несколько дней шел он в сопровождении жрецов через пустыню и жару, пока не вышел к реке. Влажный воздух был приятен, и в любой момент можно было подойти к холодной проточной воде, умыться или искупаться, погрузив себя в холодную субстанцию. Облака плыли над головой замысловатыми формами. Там, за рекой, была страна мертвых. Тонкие небожители проплывали над водой, пересекая реку, и уходили в страну, где нашли последнее пристанище тела власть имущих египтян. Полоса воды отделяла живых от мертвых. Путники подходили все ближе к пирамиде, возвышавшейся над территорией живых. Шери оставалось пройти последнее испытание, путь к которому сравним с длиной его жизни. Это был уже не пятнадцатилетний мальчик, боявшийся мутной воды и аллигаторов. У входа в Пирамиду стоял бесстрашный двадцатисемилетний юноша. Правильно нанесенный макияж подчеркивал мужественные черты лица. В его взгляде чувствовалась колоссальная мощь внутренней энергии. Черные ко-

роткие волосы, тонкий нос, большие глаза. На стройное загорелое тело падали лучи солнца, обнажавшие шрамы, напоминавшие о неудачах. Но, несмотря на все трудности, он подошел к последней черте. Великая Пирамида была прямо перед ним: огромное, могущественное, величественное, рукотворное, часть которого была сделана миллионы лет назад предыдущими цивилизациями строение, возвышающее на многие десятки локтей* в небо. Совершенно гладкая, словно отполированная, поверхность пирамиды светилась под солнечными лучами и отражающиеся от неё лучи резали глаза.

Поднимаясь по высокой лестнице к входу в Пирамиду, Шери невольно съежился. Её размеры будоражили воображение. Смотря на неё снизу-вверх, приходило ясное понимание, что это не просто построенное из огромных камней сооружение, а нечто большее. Казалось, что Пирамида — это живое существо со своей душой, характером и собственной судьбой.

Поднявшись, Шери оглянулся назад. Весь Египет был у него на ладони — пустыня... Река... Деревья... Город... У самой реки гордо лежал сфинкс — страж Пирамиды. Многие века он лежит готовый совершить прыжок и растерзать каждого, посягнувшего на своего хозяина.

Оказавшись съеденным Пирамидой, неофит начал спуск вниз по длинной лестнице, а мощная энергия пульсировала вокруг него. Сопровождающие служители Пирамиды несли перед ним факелы, освещая лестницу, конца которой не бы-

ло видно. Чем глубже он спускался в Пирамиду, тем ярче ощущал новые вибрации, идущие сквозь тело. Тело трясло, и на какой-то момент он даже потерял равновесие. Падая прямо на лестнице, он шаркнул спиной стену и удержался. Совершенно гладкая, отполированная, без единой шероховатости стена не оставила и царапины.

* Локоть — мера длины в Древнем Египте, абсолютная величина равна 52,3см.

Шери провели в Камеру Фараона, в центре которой стоял огромный саркофаг, сделанный из цельного камня. Иницируемый обратил внимание, что его размеры явно превышают размеры прохода. Именно здесь Шери придется совместить знания, полученные в школе Левого Глаза Гора — интуицию и в школе Правого Глаза Гора — логику. Он лег в саркофаг и почувствовал, как невидимый луч, диаметром около пяти сантиметров, входит в затылок, проходит через шишковидную железу и устремляется по спирали вверх. Сконцентрировавшись на этом луче, Шери ясно осознал, что мужская энергия белого света движется снизу вверх по спирали и доходит до центра Галактики, а женская, темная, совершает движение по спирали сверху вниз и уходит в центр Земли. Таким образом, Шери лежал на пути, соединяющем центр Земли с центром нашей Галактики.

Крышку саркофага закрыли, и Шери очутился в крошечной темноте. Ему предстояло провести в нем следующие три дня. Закрыв глаза, он расслабился до такой степени, что пе-

рестал чувствовать свое тело и, сконцентрировав сознание на потоке белой энергии, проходившей через шишковидную железу, позволил духу выйти через десятую чакру. Выйдя из тела, Шери направился вверх, следуя мужской прямолинейной девяносто градусной энергии, идущей по Спирали Золотого сечения вверх. Вскоре он оказался в Космосе. С того места, где он очутился, пирамида имела значительно меньшую проекцию, чем казалась с земли. Вокруг него было нечто большее, чем чернота. Он находился внутри необъятного пространства с миллионами звезд! Это была Вселенная. Шери слился с ней. Теперь он и есть Вселенная! Это было великолепно! Сконцентрировавшись на окружающем его пространстве, он увидел, что не один здесь. Вокруг в радостном полете, кружили похожие на него или принявшие форму шара сущности. Они звали к себе.

— Зачем тебе возвращаться на Землю? Остайся здесь! Будь с нами! Ты ведь видишь, как здесь прекрасно! Ты ведь чувствуешь! — уговаривали они.

Он действительно все чувствовал. Ощущения были неподобны! Эти ощущения нельзя передать ни словом, ни письмом. Но у него на Земле был долг. И не только тот, к которому его готовили много лет путем тренировок.

Жрецы говорили всем собравшимся проходить инициацию: «Ваш долг нести просвещение людям. После этой инициации сознание ваше изменится, и вы внесете свой вклад в общее сознание планеты, изменяя его капля за каплей. Каж-

дый из вас капля. Каждая капля изменяет океан энергии планеты. Вы нужны Земле для будущего. Для её сынов и дочерей».

Но не каждый испытываемый возвращался назад, на Землю. Процент вернувшихся был очень мал: только трое из пяти. Тогда жрецы не говорили, почему так происходит, но теперь Шери все понял сам. Очень велик был соблазн.

Души, летавшие вокруг него, манили к себе:

— Посмотри, что будет с тобой, и ты все поймешь. Поймешь, что тебе лучше остаться здесь.

— Как мне это сделать? — спросил Шери, послав телепатический образ.

— Сконцентрируйся на вершине пирамиды, — подсказывали они, — войди в неё и вместе с ней обратным потоком пошли свое сознание вверх, к Хроникам, где записаны все события прошлого и будущего.

Шери так и поступил. Его сознание, находившееся в пространстве, как будто получило глаза, двигавшиеся независимо от него. Он увидел события, которые будут, и ту, ради которой, его интуиция заставляла вернуться назад.

Меньше всего хотелось спускаться на Землю. Достаточно было сказать себе «остаюсь здесь», и он остался бы в том состоянии сознания, а тело умерло бы в саркофаге. Но Шери понимал — останься он здесь, все двадцать семь лет его жизни на Земле пройдут зря, и он так и не встретится с девушкой, которую безумно любит.

Собрав всю свою волю воедино, он двинулся вниз. Чтобы не заблудиться, Шери начал движение с направляющейся вниз по изогнутой спирали темной энергии, спирали Фибоначчи, проходившей на пути к центру Земли через его тело. Сейчас он понимал, что строители вкладывали свои силы в строительство Великой Пирамиды только для одного — открыть человечеству врата к звездам, дав всем жаждущим возможность пройти инициацию.

Вернувшегося в тело Шери спустили в Камеру царицы, где жрецы стабилизировали память. Его миссия была выполнена. Своим возвращением, Шери внес вклад в развитие человеческого сознания.

Рамзес Второй одарил Шери богатствами и возвел в сословие жрецов. Так поступали со всеми, прошедшими столь важный для человечества путь. Теперь перед ним встал выбор: посвятить свою жизнь себе и жить в свое удовольствие или помочь другим неопитам на пути к Свету. И, конечно же, второй путь Шери счел более важным.

Внутренний голос подсказывал: надо идти служить в храм, посвященный Осирису, построенный в Та Уре. Строительство этого грандиозного по своим размерам и удивительного по красоте храма начал Сети Первый, а заканчивал уже его сын, фараон Рамзес Второй. И так как это был один из самых больших и красивейших храмов во всем Египте, Шери без раздумий направился туда.

Через неделю пути просторный обнесенный стеной город,

с храмами, некрополями, рынками и дворцами, открыл свои ворота для новоиспеченного жреца, принесшего с собой пласт знаний. Без всякого сомнения, Та Ур был мегаполисом того времени.

Войдя в огромные ворота, Шери двинулся по главной улице напрямик в храм. Узкие улочки отходили от неё во все стороны, как энергетические каналы отходят от меридианов. Продвигаясь все глубже в город, он миновал рынок, дворец и наконец, увидел храм, представший перед ним во всей своей красе.

Огромный храм с величественными в надписях колоннами встречал своего гостя. Пройдя по храмовому двору, Шери поднялся по лестнице, рассматривая яркие письма, сияющие под лучами солнца. Тут его остановила стража. Протянув свиток, он продолжал изучать надписи на колоннах. Один из стражей внимательно прочел письма и, поприветствовав нового жреца, провел в храм.

Свежей прохладой встретил храм своего гостя. Навстречу Шери вышел человек в одеяниях жреца и, разведя руки в стороны, поздоровался.

— Мы ждем тебя, постигший таинства мира и посвященный третьей степени.

Шери улыбнулся и в знак приветствия слегка кивнул головой.

Жрец поблагодарил стража и отпустил его.

— Как ты чувствуешь себя после длительного странствия?

— поинтересовался жрец.

— Очень хорошо, спасибо.

— Сейчас я отведу тебя в твою комнату, и там ты можешь отдохнуть после дороги, — он показал рукой, приглашая следовать за ним.

— Меня зовут Аменемиби. Я один из жрецов в этом храме, — представился он, уже направляясь к комнате Шери.

Огромные колонны, державшие свод храма, были так же, как и снаружи испещрены текстами, и Шери с огромным интересом изучал их.

— После того как отдохнешь, я представлю тебя Бакенхонсу. Он покажет тебе храм и познакомит со всеми, — сказал Аменемиби, заметив, с каким интересом рассматривал юный жрец свой новый дом.

— Поскорее бы это случилось! — обрадовался Шери, — придется потратить не один день, чтобы рассмотреть его, а уж чтобы познать, не хватит и жизни!

— Ну, у тебя их еще много впереди! — засмеялся жрец. — А вообще ты прав. Это действительно самый большой и красивейший храм в обоих Египтах, и на то, чтобы даже просто рассмотреть его, уйдет масса времени. А оно у тебя будет. Думаю, нескольких дней на освоение для начала будет достаточно. Бакенхонсу все это время будет рядом... Ну, а вообще, можешь обращаться с вопросами ко всем, кого встретишь. Хотя на самом-то деле, это мы должны обращаться к тебе с вопросами. Ты постиг такие тайны, которые многим

и во сне не являлись.

С присущей скромностью Шери что-то невнятно ответил и смущенно отвел глаза, переведя взгляд на одну из колонн.

— Вот мы и пришли, — сказал Аменемиби, останавливаясь перед деревянной дверью.

— Благодарю тебя за помощь и гостеприимство, — сказал Шери и зашел в комнату.

— Найди меня после того, как отдохнешь, — напомнил Аменемиби и оставил Шери одного.

Небольшая, но очень уютная комната с бамбуковым настилом на полу, низеньким столиком для письма и низкой, сплетенной из тростника скамейкой, была теперь его личной комнатой. На столе лежали листы папируса и гусиное перо. Из окна пробивались лучи теплого солнца, и Шери весь в предвкушении предстоящей экскурсии лег на пол. Волнение и тяга к новому теребили его, и Шери уже почти поддался им, но в последний момент решил, что отдохнувшим он лучше усвоит материал, и снова лег на настил. Устроившись таким образом, чтобы нежные лучи ласкали его лицо, а тело оставалось в тени, Шери расслабился и вскоре уснул.

Когда он проснулся, лучи были по-прежнему яркие и день продолжался. Поднявшись, Шери вышел из комнаты и отправился на поиски Аменемиби.

Вновь яркие завораживающие картины притянули взор. Шери видел множество подобных писаний, и сам записывал увиденное в видениях неоднократно, но в этих было что-

то магическое, заставляющее любоваться ими и притягивающее взгляд снова и снова. Возможно, этим магическим свойством была информация, спрятанная под яркими, но скупыми иероглифами.

Навстречу шел молодой человек, и Шери попросил его подсказать, где найти Аменемиби. Вместо ответа, юноша попросил Шери идти следом и привел в большой зал, где Аменемиби разговаривал с мужчиной примерно своего возраста. Незнакомец поглаживал заплетенную в косу бородку и первым увидел направлявшегося к ним Шери. Голова незнакомца была налысо брита, как и у Аменемиби.

Незнакомец выпрямился и поклонился, показывая свое уважение. Шери в свою очередь ответил тем же.

— Как отдохнул? — спросил обернувшийся Аменемиби.

— Просто замечательно!

После сна Шери чувствовал себя полным сил и энергии. Он был готов к знакомству с храмом и с нетерпением ждал этого.

— Мы все очень рады, что такой мастер, как ты, будет служить в этом храме рядом с нами. Мы все благодарны тебе за желание нести Свет людям.

— Не благодарите меня за то, что является моим долгом! Я вас очень прошу! — попросил Шери, обращаясь к Аменемиби.

— Ты и впрямь светел, молодой человек. Все как я и предвидел. Ты достиг многого к своим не многим годам жизни

в этой оболочке, и твоя скромность — яркое тому подтверждение, — и Аменемиби поклонился вновь.

— Это Бакенхонсу, — представил жрец незнакомца после недолгой паузы, — я говорил тебе о нём.

Шери молча кивнул.

— Он поможет тебе освоиться в твоём новом доме.

— Спасибо, — ответил Шери.

— А сейчас не буду отвлекать вас. Вам многое нужно посмотреть, — сказал Аменемиби и удалился.

Повисла секундная пауза. Бакенхонсу изучал нового знакомого спокойным взглядом, но Шери ощущал в нём глубокое уважение.

— Как ты смотришь на то, чтобы начать осматривать храм с кухни? Заодно и проверишь, как вкусно у нас готовят, — предложил новый знакомый, поняв, что пауза затянулась и ему на правах старожилы нужно что-то сказать или сделать.

— Звучит заманчиво. Я не возражаю что-нибудь съесть.

Шери не ел со вчерашнего вечера, а сейчас шла уже вторая половина дня. Желание узнать храм и волнение, заставляли голод молчать, однако теперь, после напоминаний о еде, молчавший желудок моментально заявил о себе и завел урчащую песню. Бакенхонсу повел его на кухню, ведя по храму, словно по лабиринту. Один зал сменялся другим, двери сменялись лестницами, и вскоре тонкое обоняние Шери уловило приятнейший запах свежееиспеченного хлеба. С каждым шагом запах усиливался, и Шери глубоко втягивал ноздрями

воздух, а вместе с ним и запах еды.

В теплой кухне им подали еще горячий хлеб с хрустящей корочкой и темное пиво. Шери тут же отломил кусок хлеба и положил в рот. Сочный, пропитанный маслом, хлеб так и таял на языке. Прожевав его, Шери размешал соломинкой осадок в пиве и начал пить. Густое пиво тянулось, смягчая горло. Отпив треть кружки, Шери поставил его на стол и взглянул на собеседника.

— У вас пекут на удивление вкусный хлеб и варят потрясающее пиво! — воскликнул он.

Бакенхонсу молча улыбнулся и продолжил наблюдать за тем, как молодой жрец уплетает еду.

Съев хлеб и выпив пиво, Шери хотел было попросить еще, но остановил себя. Он решил, что съев более, его потянет ко сну, и он не сможет должным образом узнать храм.

— А теперь давай пройдем в прачечную. Для тебя уже готова одежда, — сказал Бакенхонсу, увидев, что Шери закончил есть.

Они прошли в прачечную, где Шери получил новую пару тонких одеяний, и, занеся их в свою комнату, они направились осматривать храм. Бакенхонсу показывал зал за залом, пока Шери не обратил внимание на одного из служителя храма, который аккуратно отбивал от стен уже сделанные надписи.

— Зачем они это делают? — удивился Шери.

— Эти надписи мы называем «Письменами времени».

Изучая их, ты сможешь узнать многими забытое прошлое и далеко идущее будущее.

— То есть?

— Как ты видишь, надписи начинаются у самого пола и идут почти до потолка. Вернее сказать, они будут до потолка, когда туда перенесут новые познания. Внизу — это относящееся к прошлому нашей планеты. То, что ты видишь прямо перед собой, — и он указал рукой на надписи, которые сбивал египтянин, — это настоящее. А все, что выше, — это уже будущее. И чем дальше это будущее находится от нашего времени, тем оно выше.

Шери подошел к стене и провел рукой по глубоким выбитым в стене полосам.

— Мы ведем исчисление событий путем сбивания уже пройденных. Таким образом, даже непосвященный может увидеть предстоящие события и подготовиться к ним, — продолжал Бакенхонсу.

Шери посмотрел на уровень стены, который был ближе к полу. Рассматривая эти древние священные писания, сердце Шери застучало, и легкое головокружение застало врасплох. Слегка пошатнувшись, он оперся на стену.

— Что с тобой? — забеспокоился Бакенхонсу.

— Ничего страшного, — ответил Шери, и принялся дышать полным дыханием, стараясь привести себя в чувства.

Через несколько полных глубоких вдохов и выдохов головокружение отступило, и Шери был готов вновь слушать

рассказы Бакенхонсу.

— Мы не сбивали эту информацию, потому что она произошла до строительства храма, и мы оставляем её для следующих поколений. Она прольет свет на прошлое далеко в будущем, — пояснил Бакенхонсу, увидев, что беспокоиться не о чем и молодой жрец уже хорошо себя чувствует.

— Ты говоришь, что знаками будет украшена вся стена, когда туда нанесут новые познания. О каких познаниях ты говоришь?

— О познаниях, которые хранит в себе Поле Времени.

— Поле Времени? Никогда ничего подобного не слышал, — удивился Шери.

— Странно. Если уж ты прошел инициацию в Пирамиде, ты должен знать о них.

— Может быть, и знаю, — задумчиво проговорил Шери.

— Возможно, мы называем одно и то же явление разными словами?

— Возможно. Такое часто случается, — и Бакенхонсу потербил бородку, словно в раздумьях, с чего бы начать описание Поля Времени.

— Знаешь, — начал он, закрыв глаза и что-то вспоминая, — это похоже на картину невероятно огромных размеров, только на ней нет изображения царей или церемоний. Эта картина как будто живая. Она постоянно немного меняет свой вид, но смысл её неизменен. Если смотреть на неё издали, то ты видишь всю картину с событиями этой реаль-

ности, но стоит сконцентрироваться на каком-то фрагменте, как он увеличивается в размерах и показывает только тот момент времени, который ты хочешь увидеть, но более четко. Это изображение постоянно видоизменяется, однако у него есть свои границы во времени. Есть начало времен, и есть конец времен.

Шери вспомнил, где он видел подобное. Там, когда кружил над пирамидой и спустился, чтобы посмотреть свое будущее. Души назвали это место «Хрониками, в которых хранится все, что было и что будет». Если вначале описания он еще и сомневался, что это именно то место, то после случайно брошенного от Бакенхонсу образа, сомнений не осталось.

— Ты был там? — спросил Шери.

— Да. Я был там однажды.

— А почему только однажды?

— Не знаю. Сколько я не пытался туда еще раз попасть, никак не мог.

— Как ты думаешь, что это за «Поле»?

— Я долго размышлял над этим и пришел к выводу, что это показано время, как оно есть. И ты знаешь, оно неподвижно! Изменяются только события, идущие во времени или по времени, как тебе будет понятнее, но не время. Время стоит на одном месте, а наше сознание двигается в нем по течению. Причем двигается только вперед.

Для Шери такое предположение Бакенхонсу не было открытием. Он познал секреты времени уже давно, ещё будучи

восемнадцатилетним юношей.

— Думаю, тебе предстоит еще оставить здесь послания для человечества, — сказал Бакенхонсу, указывая рукой на стену.

Шери молча кивнул, чувствуя, что так тому и быть, и они продолжили знакомство с храмом.

— Бакенхонсу, а почему храм имеет такую необычную форму? Все храмы, которые я встречал прежде, прямоугольной формы, а этот храм не является таковым.

— Это давняя история. Когда Сети Первый разрабатывал проект храма, он решил, что храм будет обычной прямоугольной формы, как и все храмы в Египте. Он просчитал все таким образом, что задняя часть храма выйдет прямо к первоначальному храму Осириса. Да, да. Есть еще один храм, и он очень древний. Когда начались уже земляные работы, выяснилось, что перед древним храмом, к которому должен был примкнуть этот, находится еще один храм. И он древнее первого. Таким образом, получалось, что наш храм должен был быть построен на этом древнейшем храме. И чтобы избежать разрушения древнего храма, Сети Первый изменил план постройки и сместил часть храма в сторону. В свое время этот первый храм считался самым сакральным местом во всем Египте. И как утверждают некоторые жрецы, именно в нем пережил воскрешение Осирис и именно в нем приказал захоронить себя правитель Джосер.

— А что ты знаешь о том храме, который раскопали в мо-

мент строительства этого храма? — Шери хотел знать все.

— Я даже не могу сказать, сколько ему лет, но он очень стар. Мне рассказывали, что когда вели земляные работы, этот храм выглядел как небольшой холмик, и только когда его решили выровнять, выяснилось, что это храм. Ты только представь, сколько прошло лет с момента его постройки, если уже к началу строительства нашего храма уровень земли дошел почти до самой крыши!

Экскурсия продолжалась до глубокой ночи. Бакенхонсу оказался на редкость интересным рассказчиком. Он настолько ярко, живо и во всех подробностях рассказывал о храме, что Шери получил огромное удовольствие и пользу от общения с ним.

Уже поздней ночью Шери вернулся в комнату. Спать ему не хотелось, а луна уже ярко светила за окном, и в объятиях прохладного воздуха он лег в постель. Натянув на себя тонкое одеяло, он начал медленно расслабляться. Повинуясь интуиции, он двигался словно по невидимой дороге, перескакивая из измерения в измерение, пока не оказался в незнакомом для себя месте. Огромная живая картина развернулась, словно из ничего, вернее сказать, Шери появился в этом месте «из ниоткуда». Это было похоже даже не на картину, а на огромное полотно с неровными краями. Шери находился на одном из двух островков, расположенных рядом с перетекающим пространством, а панорама развернулась чуть выше перед ним. Изогнутая в месте конца времени, простирающая-

яся к Шери, она была похожа на разложенный где-то в кювете живой ковер, разрисованный дальновидным художником. Если бы Шери смотрел на неё с более отдаленного расстояния, то увидел бы её как огромное трубообразное пространство грязно-голубого цвета. Внутри это пространство состояло из множества более мелких трубообразных пространств, переплетенных между собой, как мышечные волокна переплетаются в мышце, которые, в свою очередь, вмещали в себя еще трубообразные пространства, а те — еще. Дороги текли слева направо, перетекали из одной в другую, видоизменяя последующие события.

Шери находился на островке, или на одном из двух наблюдательных пространств, этим сравнением тоже можно попытаться описать то, что словами описать невозможно, и одним только своим желанием мог приблизить интересующий временной отрезок. В этот момент его словно разделяло надвое. Одна часть оставалась в наблюдательном пространстве, а внимание переносилось в грязно-голубой временной поток. Оказавшись в интересующем времени, Шери мог не только смотреть на разворачивающиеся вокруг него события, но и двигаться сквозь время, заглядывая в последствия тех или иных действий, и даже вселяться в тела действующих персонажей, людей, и испытывать на себе их ощущения, мысли, разве что он не мог управлять их действиями. Было в этом месте что-то знакомое из собственных переживаний и описываемых кем-то событий.

Ну, конечно же, это то самое, что Бакенхонсу называл Полем Времени, и с чем столкнулся Шери во время инициации.

Перенеся свое внимание к последнему отрезку пространства, за которым оно поворачивало и уходило, начиная новый отсчет, Шери сосредоточился на нем, и «Поле» увеличило перед ним свои секреты.

Страшная, неведомая картина открылась его взору. Бегущие страшные люди... Крик... Железные насекомые, похожие на стрекоз... Грохот... Огромные животные быстро ползают по земле... Огромные птицы летают над землей... Огромные жуки шипят и кидаются на себе подобных... Везде огонь... Боль... Страх... Смерть... В пространстве плотной стеной стоит ужас... Повсюду грохот... грохот... грохот...

Эти события никак не могут коснуться его, наблюдавшего за ними со стороны, однако противное чувство ужаса и неизбежности въелось в его сущность, несмотря на много лет подготовки.

Это был не страх. Нет, нет, Шери не испугался. Его с детства учили — не бояться. Это была обида за собственную беспомощность, за то, что не мог он крикнуть, заговорить во все пространство, чтобы его услышали.

— Остановитесь! Это все иллюзия! Вы выше того, чтобы страдать!

Он не мог помочь этим беспомощным, загнавшим себя в угол людям.

Боль заставила его мгновенно вернуться в тело, не запомнив дорогу к Полю Времени.

Только сейчас, лежа на постели, он осознал свою беспомощность перед будущим. Резко вскочив на ноги, Шери почти бегом направился в комнату Аменемиби, обдумывая по дороге причину своего появления в столь необычном месте.

Скорее всего желание вновь оказаться там где он был во время парения в Космосе было столь велико, что он сам того не желая, подсознательно настроил себя на возвращение к тому месту. И вот какая-то непознанная путеводная ниточка притянула вновь к тому месту, дорога к которому была стерта из его памяти.

Дойдя до нужной двери, Шери несколько раз постучал в дверь и прошел внутрь.

Аменемиби спал.

— Простите, что потревожил Вас, но у меня есть кое-что важное, — сказал Шери, подойдя к постели.

Открыв глаза, Аменемиби сел на постель. Судя по его виду, можно было предположить, что и сам он где-то пребывал до этого момента.

— Да, конечно, Шери. Я прекрасно понимаю, что ты бы не стал никого будить по пустякам. Что случилось? Я слушаю тебя, — спросил он, слегка массируя грудь в области сердца.

— Сегодня ночью я лег спать и оказался в том месте, которое Бакенхонсу называет Полем Времени. Я подошел к последней черте, за которой увидел следующую ступень.

Аменемиби поднялся с постели и подошел к столу. Он смотрел в окно и был готов слушать рассказ.

— Продолжай, Шери. Что ты там увидел?

На время Шери задумался. А ведь он и вправду ничего не увидел за чертой! Там было что-то, но Шери даже не проявил к нему интереса. Все его внимание было сосредоточено на последнем отрезке Настоящей ступени, и заглянуть на начальный отрезок Будущего он даже не подумал.

— По правде говоря, ничего.

— Как? — удивился Аменемиби.

— Я видел наше далекое будущее и, к моему стыду, не смог справиться с переполнившими меня чувствами. Я поддался эмоциям, и меня вернуло обратно в тело.

Аменемиби молча покивал головой.

— Такое бывает! Не вини себя!

— Я так и не понял, что там происходило, я только видел неизвестных мне существ и чувствовал атмосферу ужаса.

— наших познаний не хватает, чтобы объяснить многое из увиденного там! — согласился Аменемиби.

— Надо предупредить человечество об этом. Быть может, они смогут избежать этих ужасов, если прислушаются к нашей цивилизации и...

— Наша цивилизация будет забыта! — резко, но с грустью сказал Аменемиби и повернулся к Шери. — Я лично видел это!

В его словах была абсолютная уверенность в своей право-

те.

— Как? Почему?

Глаза Шери больно резанули слезы, но усилием воли ему удалось сдержать их. Столько веков египетский народ нес Свет людям, жертвуя своим здоровьем, силою и наконец, жизнями, для того, чтобы быть забытыми?

— Все движется по спирали, ты ведь знаешь. Всему когда-то приходит конец, — Аменемибиде надолго замолчал. — Всё когда-то меркнет, для того чтобы затем, спустя сотни, тысячи и десятки тысяч лет, разгореться вновь с новой силой, — он сел на стул и, набрав в себя воздух, продолжил. — Больно признавать, что все это будет намеренно уничтожено временем и человеком. Все, во что мы вкладываем столько сил и знаний, будет уничтожено нам же подобными. Желание властвовать окажется сильнее здравого смысла, и все эти дворцы будут разграблены и сожжены. Именно поэтому храмы построены так основательно, чтобы вечно нести хотя бы напоминания о нашей цивилизации и наших знаниях. Наша цивилизация — всего лишь переходный этап от одного к другому. У неё есть предшественники и есть последователи.

— Все в нашей жизни является переходным этапом. Даже наша жизнь — это переходный этап от одной жизни к другой, — согласился Шери.

— Верно.

— Значит, наша задача во многом сводится к тому, чтобы сделать переходный этап менее болезненным для других?

— Нет. Каждый сам должен делать выбор. Мы лишь можем показать будущим поколениям, что мы знаем, а уже им самим придется решать, кому и во что верить.

— Я считаю своим долгом нести Свет и Знания людям, пусть даже наши потомки и оттолкнут их, но я буду спокоен, зная что сделал все от меня зависящее. Я хочу запечатлеть знания в Письменах времени.

— Тебе никто не может запретить сделать это. Ты Знающий, и ни у кого не вызовет сомнений правдивость твоего путешествия к Полю Времени.

Шери стоял, прислонившись к холодной стене, и думал обо всем, неожиданно рухнувшем на него.

— Знаешь, Шери, ты заставил меня вспомнить то, что я так долго и с огромным желанием хотел забыть. Эти знания о будущем я несу в себе и никому их не раскрываю, ибо знаю, что причинят они многим вред и страдания, — и в глазах Аменемиби блеснула слеза.

— Прости, Аменемиби, что потерял еще не затянувшуюся рану.

— Ничего. Правда, она так часто бывает не по душе.

Шери оставил Аменемиби одного и вернулся в свою комнату.

В окне луна грустно смотрела на него. На мгновение он остановился и посмотрел в окно.

— Все меняется, а она остается! Этот страж Земли давно наблюдает за нами, и только она способна рассказать следу-

ющим поколениям о нас. Но она нема..., к сожалению, а может, и к счастью.

Когда первые лучи солнца облизали Шери, он проснулся и сразу же воссоздал картину прошедшей ночи. Потом умылся, позавтракал и, вооружившись колышком и молоточком, отправился в зал с Письменами времени.

Кроме массивных колонн, украшенных письменами и державших крышу храма, в зале никого не было. Подставив взятую по дороге высокую деревянную лестницу к одной из колонн, Шери аккуратно взобрался по ней под самый потолок. Именно там, где должны были находить последние этапы настоящего будущего, Шери как смог изобразил увиденное прошлой ночью.

Изредка проходившие через зал служители храма с интересом наблюдали за его действиями, но вопросы не слетали с их уст.

Несколько часов Шери терпеливо выбивал иероглифы на твердой поверхности камня. За это время колышек несколько раз падал вниз, но он спускался за ним, потом поднимался и вновь продолжал работу.

Закончив выбивать послание потомкам, уставший, но удовлетворенный своим действием, он пообедал и вернулся в свою комнату.

Погружаясь в медитацию, он стал терять окружающий мир, уходя в приятную темноту. Звуки стихли, тело расслабилось, ход мыслей остановился. Пространство вокруг него

вращалось с огромной скоростью в противоположных направлениях, взаимодействуя с его духом и телом. Огромная Любовь ко всему живому, зародившаяся в груди, растекалась по нему и выходила за его пределы, наполняя окружающее пространство. Делая полные вдохи и выдохи, он чувствовал, как энергия приятно расплывается по телу.

Шери глубоко погрузился в Любовь, когда дверь в его комнату открылась, и мальчик лет семи зашел внутрь. Этот мальчик так же, как когда-то и сам Шери, проходил длинный путь познания. Увидев, что жрец занят, мальчик уже собрался уходить, но Шери, ощутив чистую детскую вибрацию, остановил его.

— Проходи, дитя Света, — сказал он, слегка приоткрыв глаза. — Что ты хочешь услышать от меня?

— Правду, — уверенно произнес мальчик. — Я хочу познать Законы Бездны и обрести неиссякаемый Свет в душе моей.

Шери вспомнил себя в его возрасте — такой же жаждущий Знаний и снятий завес с тайн.

— Знания — это огромная сила, но в тоже время это ответственность и печаль. Знание идет рука об руку с силой и отбрасывает тень в виде печали. Знание без печали невозможно. Знай это! Но если ты стремишься к Свету, то Любовь должна быть началом и концом в твоём сердце на протяжении всего пути, пока не вернешься ты к своему источнику. Не возгордись в своей мудрости. Мудрость через пережива-

ния и волю приходит к тому, кто ищет. На своем жизненном пути ты встретишь немало глупцов, убеждающих себя в обратном. Они будут красиво и во всеуслышание заявлять о своих знаниях. Не слушай их. За их красивыми словами скрывается незнание и страх. Тот, кто знает, молчит, ибо в молчании заключается мудрость. Открой свои Знания только тем, кто в действительности хочет знать. А теперь ступай, продолжай занятия.

Мальчик поблагодарил жреца и вышел из комнаты.

— Помни, дитя Света! Знание — это печаль. Всегда как награду принимай страдания, ибо они и есть результат твоего поиска, — сказал Шери на прощание.

Второй его день в храме прошел на удивление быстро и плодотворно. Вторую половину дня Бакенхонсу показывал Шери оставшуюся часть храма, радуя его новыми рассказами.

Вечером Шери лег спать, и образы поплыли перед его внутренним взором. Отогнав все мысли, Шери стал наблюдать за разворачивающимися событиями. Спокойствие и беззаботность вновь овладели его разумом.

Он открыл глаза и приподнялся. Образ начал ускользать из его памяти, словно его там никогда и не было. Испугавшись забыть его, Шери быстро соскочил с кровати и схватил папирус. Уже сидя за столом, он взял гусиное перо и поднес его к разложенному перед ним листу.

В попытках вновь соединиться с ускользающими образа-

ми, Шери закрыл глаза и расслабился, вспоминая ощущения, вызванные увиденным образом. Рука сама начала вырисовывать текст на папирусе, проецируя образы, плавающие перед внутренним взором. Некоторое время спустя Шери отложил перо и открыл глаза. Не всматриваясь в лист, он отошел от стола и прошелся по комнате. Попытки вспомнить то, что он увидел, не увенчались успехом. Черная завеса прикрыла его память, пряча некоторые из своих секретов. Ответ на этот секрет находился только на листе папируса, и Шери не сумел сразу справиться с волнением и заглянуть в него сразу после написания. Ведь если этот секрет хотели от него скрыть, значит, в нем было что-то, с чем его сознание еще не могло справиться, или же это было ему просто ни к чему.

Тот факт, что он мог увидеть информацию, с которой его сознание могло не справиться, будоражил его. Неужели есть что-то, что непостижимо для его расширенного сознания. Шери всегда хотел знать все, абсолютно все. Ему была интересна каждая мелочь, он хотел разобраться в каждом своем видении, в каждом проявлении Божественности.

— Все имеет какойто смысл, — говорил он себе, — и мне нужно до него добраться и постичь.

Такие попытки запечатлеть увиденное случались крайне редко, тем-то и было вызвано такое волнение перед полученной информацией.

Поборов волнение, он подошел к столу и бросил взгляд на листок. Стихи, звучавшие в его голове, иероглифами про-

ещировались на папирусе. Некоторые из них были немного смазаны, ведь писал он их закрытыми глазами, некоторые наскакивали на соседние, но смысл был понятен. Шери всмотрелся в них и начал читать. Уже, казалось, навеки ускользнувшие слова вновь вспыхнули в голове в виде стихов.

Что-то было прошлой ночью,

То ли сон, а то ли нет.

Пролетело над горою,

Принесло немало бед.

Ярким светом осветила.

Человечество сожгла.

Коих водою умыла,

Коих в небо подняла.

Бог Апофис возвратился,

Не был дома много лет.

Свет надежд не оправдался,

На людей обрушил гнев.

Шери прочел свои писания несколько раз, но так ничего и не понял. Это больше походило на посланный кем-то ребус. Немного разочаровавшись, он прочел написанное еще раз, а потом отложил папирус на край стола и вышел.

Через неделю Шери стоял в огромном храмовом зале, ожидая начало церемонии. Все уже давно собрались, и сейчас ждали верховную жрицу, с которой ему еще ни разу не удалось увидеться за время пребывания в храме.

Шери был расслаблен. Глаза закрыты. Вибрация тела достигла необходимой для этой церемонии частоты, а ум, лишённый земных мыслей, был ясен и чист. Словно подчиняясь какой-то заранее написанной программе, Шери открыл глаза, и что-то внутри грудной клетки пробудилось, посылая волны, волнения по телу во всех направлениях, словно камень, брошенный в спокойную воду пруда, посылает волны, будоража размеренную жизнь его обитателей. Онемевшее тело стало слегка потрясывать, а сердце колотилось с такой силой, что волны посылаемые им, отдавались в ушах ничего не понимающего Шери. Казалось, пройди ещё мгновение, и он потеряет сознание от мощи этих новых для него чувств. «Что же это такое?» — судорожно вращалось в его голове. Уровень знаний был слишком высок, чтобы понять, что всему есть причины и абсолютно ничего просто так не происходит, а тем более, если это касается внутренних ощущений. Именно они всегда подсказывали и предупреждали Шери в переломные минуты его жизни.

Все наши спонтанные чувства — это попытка нашего подсознания донести какую-то информацию до нас посредством нашего же собственного тела. И чем сильнее чувства, тем важнее информация, идущая из глубины нашей памяти, или подсознания.

Весь этот поток чувств, приведший в недоумение Шери, вызвала вошедшая в зал жрица. Это была Анхесенамон, верховная жрица храма. Не успел Шери привыкнуть к вызван-

ным этой девушкой чувствам, как его сразила её внешность. Её волосы были совсем белые, а кожа настолько светла, что по цвету могла сравниться с ракушкой.

Жрица шла по залу в направлении предназначенного ей места, когда их взгляды встретились, и второй, более мощный поток воспоминаний, пробил преграду, называемую памятью, вливаясь в активную часть мозга Шери. Их взгляды пересеклись на несколько ударов сердца, но этого оказалось достаточно, чтобы вспомнить все, что связывало его с этой девушкой.

Блеснула вспышка воспоминаний, пространство вокруг Шери исказилось, и ощущение втягивания внутрь самого себя зародилось в нем. Ощутив себя парящим над землей в незнакомом месте, он не успел оглядеться, как его внимание привлек человек высокого роста. Он был значительно выше девушки, стоящей рядом. Но парящий над землей Шери, понимал, что этот человек не такой, как остальные люди. Его тело было физически более сильным и совершенным, не знающим болезней и старости. Это был он сам. Многолетние медитации расширили его сознание и, конечно, помогли вспомнить, кем он является в действительности, но то, что он сейчас наблюдал, никогда не было ему показано прежде. Мельком он вспомнил огромные сооружения, стоящие в степях на высоких сваях и названные Дворцами богов. В этих сооружениях, спрятанных от людских глаз, в огромных саркофагах лежали тела нефилимов. Когда они прилетели на

Землю во второй раз, люди уже забыли о своих создателях, и непривычный вид пугал их. Во избежание дальнейшей паники людям было поручено построить эти строения, где нефилемы оставались какое-то время после прилета и где они создали себе тела, похожие на людские, но более совершенные. Усовершенствование тела было достигнуто путем увеличения числа хромосом, добавлением в них частиц собственного тела. Дворцы состояли из множества комнат, с расположенными внутри алтарями, похожими на столы. Не находясь долгое время без физического тела, душа нефилимов в кратчайшие сроки перемещалась из привычного тела, лежащего на одном алтаре, в новое человеческое тело, на другом, и начинала перемещаться по планете в новом образе, но сохранив прежнюю память.

Шери находился рядом с собой в теле, когда-то созданном нефилимами, но переживаемые чувства каким-то странным образом передавались ему, парящему в воздухе. Рядом с высоким мужчиной стояла девушка. Она казалась маленькой, совсем миниатюрной, на его фоне. Вместе выглядели они вполне гармонично. Шери ощутил трепет, испытываемый душой нефилима в человеческом теле, перед этой девушке. Это существо безумно любило её и готово было пойти на все. Парящий над землей Шери пригляделся к незнакомке и, несмотря на внешнее отличие, узнал её на уровне внутренних чувств. Это была та же девушка, что только что вошла в зал.

Увидев все это, чувство любви проснулось в Шери с новой силой, и даже магнитное поле, так хорошо справлявшееся со своей задачей до этого момента, было не в силах удерживать такие воспоминания.

Память удерживается у людей во время каждого нового физического воплощения не только для того, чтобы Игра была интересней, но и для того, чтобы люди играли новую, отведенную им роль с чистого листа, не отталкиваясь и не держась за прошлые воплощения, прошлые обиды и прошлые чувства. Представьте, два человека, мужчина и женщина, которые были вместе не одну жизнь, всем сердцем любили друг друга, встречаются в новой жизни, и струнка симпатии начинает наигрывать приятную мелодию, пробуждая в них забытые чувства — чем сильнее была любовь в прошлом, тем ярче будут ощущения в настоящем. Они каждый день проходят мимо друг друга. Внутри каждого из них играют ощущения, у кого-то волнение, у кого-то ноги подкашиваются, у каждого свои собственные ощущения, не похожие на ощущения другого, но люди, не обращая внимания на эти внутренние позывы, живут каждый своей новой жизнью, не вмешиваясь в судьбу когда-то в прошлом близкого человека. Но стоит только одному из них, например, мужчине, вспомнить хотя бы крупицу прошлых событий, как его чувства, которые он испытывал к девушке ранее, вспыхивают с новой силой, нанося отпечаток на его судьбу. Хорошо, когда только один помнит и страдает. А когда оба? Ведь не обязательно

вспоминать кусок прошлой жизни, чтобы всплыли воспоминания чувств. Порой достаточно одному из них просто сказать другому «мы были раньше вместе», как в подсознании получившего эту старую новую информацию начинает что-то шевелиться и выбираться на поверхность, пусть не визуальными образами, но чувствами. И совсем не важно, верит ли этот человек в перерождение, сглазы, магию или движение энергии. Закон для всех одинаков, верующих в него и неверующих.

Вспомнив все это, чувства вновь пробудились в Шери с такой же силой, как и много лет назад. Весь оставшийся день Шери провел словно под туманным колпаком — абстракция, отчуждение, а ночь — в бессонном, полусознательном состоянии. Лик этой необычной девушки стоял перед внутренним взором и не давал сосредоточиться ни на чем, кроме себя. Сердце колотилось в груди, а кровь пульсировала возле виска. Лежа в постели, он ворочался под тонкой простынею и смотрел то на луну за окном, то в потолок, пока не повернулся на другой бок. Уткнувшись в стену, он ощутил дикую тоску по Анхесенамон, но монотонность и однотипность голых стен поспособствовали незаметно подкрадшемуся сну, и глаза Шери стали слипаться, а глаза жрицы по-прежнему смотрели на него из воображаемого образа, пока сознание и вовсе не отключилось.

Сознание его включилось немного позже, чем когда природа включила солнце, которое успело залить светом всю

комнату. Отследив причину тоскливых нот в груди, Шери мгновенно восстановил события вчерашнего дня, и решил, не теряя времени отправиться к жрице. Но сначала он умылся и позавтракал — хотел хорошо выглядеть при встрече с девушкой, в одночасье ставшей любимой.

Завтрака было достаточно, чтобы придумать повод для встречи, и, словно на крыльях, Шери порхал из зала в зал, пока не оказался у Аменемиби. К своему удивлению, он не обнаружил его ни в комнате, ни позднее в других залах. Делать ничего не оставалось, как вернуться в комнату и остаться один на один с собственными мыслями.

— Здравствуй, Шери, — послышался знакомый голос из-за спины, когда Шери подошел к своей комнате. — Мне необходимо поговорить с тобой.

Шери обернулся и увидел улыбающегося Аменемиби.

— Да, конечно.

Они прошли в комнату к Шери и сели за стол.

Шери решил не рассказывать Аменемиби, что искал его, а послушать, что он скажет.

— У меня многие расспрашивают о запечатленных тобой изображениях под потолком. У тебя по-прежнему нет никаких предположений на этот счет?

— Совсем никаких. Я запечатлел именно то, что видел: птиц, стрекоз и шипящих жуков — хотя они совсем не похожи на наших.

— Да, уж, — произнес Аменемиби, и неожиданно его

взгляд лег на папирус с изображенными на нем письменами.

— Что это? — поинтересовался он.

— Не знаю, — ответил Шери. — Недавно я лег спать, и неожиданно образы поплыли перед взором. Я занес их на листок, однако что они означают, я пока не могу ответить. Жаль, что бумага не может передавать звук, а только изображение. Увиденные события я переложил на стихи, но они так и остались только в моей памяти. Хочешь, расскажу?

И Шери почитал стих.

— Очень интересно, — задумчиво произнес Аменемиби, — что бы это значило?

— Мне интересно знать это не меньше, чем тебе, однако ответа на этот вопрос у меня еще нет. И я даже не знаю человека, который мне сможет в этом помочь. Разве что, — и Шери затянул паузу.

Аменемиби с интересом смотрел на Шери.

— О чем ты задумался?

— Я думаю... Может Анхесенамон, жрица, которая присутствовала вчера на церемонии, может помочь мне в разгадке.

— Анхесенамон? Она верховная жрица храма, как ты знаешь... Думаю, вам нужно встретиться.

Сердце Шери заколотилось вновь от того, что он стал на шаг ближе к встрече с любимой.

— А как с ней можно встретиться?

— Я скажу страже, чтобы они провели тебя к ней.

— Спасибо, Аменемиби.

Они проговорили еще какое-то время, и потом Аменемиби удалился. А спустя еще некоторое время пришли стражи и попросили следовать за ними. Они повели Шери в ту часть храма, где Шери еще не был. По рассказам Бакенхонсу, где-то за пределами этого храма должно располагаться самое сакральное место во всем сооружении — еще один храм. Бакенхонсу рассказывал, что этот огромный величественный храм был построен рядом с двумя другими храмами. У Шери еще не было возможности изучить их, но он надеялся, что в ближайшее время сможет сделать это.

Стражи не повели Шери в старый храм, как он предполагал, а свернули в ответвленную часть и, пройдя еще через несколько залов, остановились возле охраняемой двери. Сердце влюбленного жреца колотилось как никогда прежде, руки тряслись, ноги подкашивались, дыхание сбилось. Стражи распахнули дверь, и Шери сразу увидел объект своей любви. Она сидела к нему спиной в калазирисе,* надетом ниже груди и держащемся на одной широкой бретельке, а белые волосы аккуратно лежали на её плечах. Попадавшие из окна лучи солнца золотили их, притягивая взгляд.

Услышав звук открывающейся двери, жрица поднялась и повернулась. Выразительные глаза смотрели на Шери с неким удивлением и восторгом. Не в силах отвести взгляд дрожащий от волнения юноша своими глазами любовался лицом, преследовавшим его всю ночь.

— Оставьте нас, — сказала верховная жрица, и стражи послушно удалились.

Двое смотрели друг на друга и не могли проронить и слова. Анхесенамон ощущала знакомую энергию, идущую от нового жреца, но её память была частично заблокирована и ограничивалась знанием о том, что они уже были знакомы в прошлом, но при каких обстоятельствах произошло это знакомство, она не помнила.

* Калазирис — плотно облегающее тело женское платье, сшитое из одного или двух кусков ткани.

Глаза в глаза... Шаг навстречу друг другу... Касание ладонями... И тишина... Тишина вокруг... По всей Вселенной тишина... Жизнь замерла... Притаилась... Наблюдает... Ждет... Ждет, что будет дальше... А дальше только глаза в глаза... Тяжелое дыхание... Бьющиеся в такт удары сердца... Непонятно, откуда нарастающее волнение... Закрывающиеся глаза Анхесенамон...

Прошли секунды, прежде чем Шери понял, что его любимая теряет сознание, и, подхватив её за тонкую талию, взял на руки. Волнение сменилось ответственностью, и ноги уверенно привели к бамбуковой скамье, на которую он и положил Анхесенамон, не справившуюся с накатившими вибрациями.

Магическая церемония помогла привести жрицу в чувства. Не поднимаясь со скамьи, она смотрела на стоявшего над ней жреца, и её уверенность в знакомстве с этим челове-

ком все глубже пускала корни. Нашедшиеся спустя множество столетий души вновь слились в одну, став единым. Слова были лишними. Их чувства и взгляды не нуждались в них.

Через несколько минут торжественного любования Анхесенамон встала со скамьи и пошла в сторону двери. Шери последовал за ней. Оба смотрели друг на друга все это время, боясь отвести взгляд, словно полагая, что это все мираж и стоит только отвернуться, как он растворится. Влюбленные прошли мимо стражей и, миновав высокие храмовые залы, направились в сторону пирса. Шли они молча. Тенистая прохлада сменилась горячими лучами зенитного солнца, смягчавшихся лишь под легким дуновением ветерка и речной влаги, обволакивавшей тело.

Внутри все играло приятными чувствами любви, и мир вокруг был прекрасен и чист. Двое вышли из храма, едва соприкасаясь плечами, и от этих прикосновений сладкое ощущение в груди играло еще громче и чище. Энергетические поля сближались, сливаясь между собой, возрождая забытые чувства восторга и восхищения. Что-то приятно играло в крови, учащая удары сердца. Все вокруг улыбались, и всё вокруг улыбалось.

Молча они стояли и смотрели на приплывающие лодки и занятых разгрузкой людей, но мысли их были заняты только ближним.

Небо... На небе облака... Верхушка пальмы на фоне облачного неба... Крики птиц... Шум реки... Плечом к плечу

с любимым человеком... Приятное подсасывание в груди...

Её тонкие пальчики коснулись кисти Шери, и в этот момент мир замер в душевном блаженстве. Стерлись временные грани. Слегка трясущейся рукой он ответил на её нежные прикосновения. И вот рука в руке, и мир, по-прежнему застывший вокруг: река остановила нескончаемый поток лодок, шумные торговцы и рыбаки замерли в горячих спорах, и даже солнце перестало испепелять влюбленных горячими лучами. Вот и вновь они вместе.

Долго они стояли в размытых временных рамках. Окружающий мир потерял всякое значение и смысл. Прошло много времени, прежде чем грани реальности стали постепенно восстанавливаться: река начала медленно двигать лодки, рыбаки начали плавно шевелиться, и сквозь глухое пространство стали все отчетливее и отчетливее пробиваться их голоса. Громкий крик птиц, прямо над головами, заставил окончательно вернуться их в ставший родным мир.

Руки с неохотой расцепились, и очнувшаяся от произошедшего Анхесенамон направилась в храм, позвав за собой Шери. А дальше были залы... попадавшие навстречу люди... знакомая дорога к комнате Анхесенамон... стража у дверей... комната, наполненная металлом богов... и... первый поцелуй...

Очень быстро Шери и Анхесенамон привыкли друг к другу и провели весь оставшийся день на одном коротком дыхании, словно и не было этих столетий разлуки. Каждый из

них почувствовал, что наконец-то обрел частичку себя.

Во избежание вопросов и подозрений влюбленные условились говорить другим, что изучают сакральные надписи в древнем храме и поэтому проводят много времени вместе.

Любовь с головой окутала двух египтян. Шли недели, за ними месяцы. С момента встречи Анхесенамон жизнь Шери изменилась. Он больше не мог существовать без этой девушки. Жизнь становилась похожа на лишенный воды кустарник. Шери засыхал, когда её не было рядом. В такие дни он чувствовал себя пленником царства Осириса и Анубиса, танцующих вокруг него танец смерти.

Бывало время, когда влюбленные не виделись по несколько дней, и все это время они скучали друг по другу. Их общение длилось уже долгое время, и им хотелось чего-то большего, чем просто быть рядом. В тяжелые дни разлук желание физической близости магнитом притягивала две половинки одной любви.

Большинство религий полагает, что секс ведет к смерти, но только не древние египтяне. Они знали, что правильное управление сексуальной энергией благотворно сказывается на Мер-Ка-Ба и даже позволяет обрести бессмертие за счет невысвобожденной энергии. Большинство людей чувствуют, как во время оргазма энергия, образованная в сексуальной чакре, находящейся в области пупка, поднимается по позвоночному столбу, минуя все вышерасположенные чакры, и уходит из тела через чакру, расположенную над головой, без-

возвратно. Это приводит к потере жизненно важной для человека энергии. Древние египтяне нашли выход из этой ситуации, и за счет управления энергией при помощи сознания они заставляли энергию циркулировать в теле, не давая ей покинуть его.

Будучи адептом, Шери изучал эту сексуальную технику в одном из храмов. Помогали в этом ему и другим неопитам наложницы, специально содержащиеся в храме для таких целей.

Насколько длинна или коротка наша жизнь, мы испытываем на её протяжении массу ощущений, сопровождающих нас от рождения и до смерти. Испытываемые ощущения передаются быстро, и наша натура просит от нас всегда чего-то нового, неиспробованного, подталкивая нас к краю пропасти или к вершинам духовных наслаждений. В желании испытать что-то новое люди придумывают и пробуют способы, кажущиеся многим невозможными и безумными.

Скользя в пространстве, Шери приближался к комнате Анхесенамон. Пока стражи смотрели сквозь него, он двигался к двери и, с легкостью пройдя препятствие, оказался внутри. Почти ничего не изменилось с того момента, как он был здесь в последний раз.

Анхесенамон мирно спала в своей кровати, а не путешествовала по Другим Мирам. Трепет волнами прокатывался по всей сущности Шери, продолжая свое движение в пространстве. Подойдя к постели, он раскрыл её тонкие тела и

вытащил сущность из физического тела. Поднявшись, она обернулась, взглянув на лежащее тело, и, вновь повернувшись к Шери, протянула руки. Две сущности слились в единое целое. Никогда в физическом мире им не было так хорошо, как в Ближних Мирах. Секундные, почти мимолетные оргазмы не могли сравниться с этими долгими прекрасными, наполненными всей палитрой позитивных чувств переживаниями и осознанием себя единым. Это могло продолжаться сколько угодно. Не было никаких ограничений и запретов. Только здесь, накинув на себя плащи невидимости, они были незаметны даже для Аменемби, часто путешествовавшего по Другим Мирам и наблюдавшего за ночной жизнью храма.

Вдоволь насладившись друг другом, Анхесенамон вернулась в тело, а Шери вылетел из комнаты мимо спящей стражи, поднялся над городом и, сделав несколько кругов, вернулся в тело.

В мучительные дни разлук, когда влюбленные не виделись и о физической близости не могло быть и речи, такие, скрытые от плотного мира, свидания были единственным спасением для скучающих душ. Однако как бы ни были прекрасны эти свидания, им хотелось чаще видиться физически. Однажды, не выдержав, Анхесенамон сама попросила Аменемби пригласить Шери. Когда Аменемби подошел к Шери и сказал, что его ожидает жрица, радости влюбленного египтянина не было предела. Он, как ребенок, радовался в душе и приложил всю волю, чтобы сохранить видимое безразли-

чие.

Когда двое зашли в комнату, жрица стояла рядом со статуэткой, изображающей Ра, и делала вид, что что-то изучает. Анхесенамон была как всегда мила и очаровательна, будоражила сердце, затуманивала рассудок. По всей вероятности, Аменемиби поверил этой уловке, но только не Шери. Он чувствовал, как её внимание скользит по нему, несмотря на то, что она не оборачивалась и, возможно, еще даже не поняла, что они находятся в комнате. Шери чувствовал, как по его биополю проходит сканирование, словно невидимые щупальца, идущие от Акси, нежно касаются его. Аменемиби поклонился, отдав дань уважения верховной жрице. Анхесенамон думала, что находится одна, и, когда услышала голос, выпрямилась и обернулась.

— Спасибо, — поблагодарила она Аменемиби и попросила оставить их наедине.

Анхесенамон взяла со стола анх и сделала вид, что жрец приглашен для проведения церемонии, ну, или, по крайней мере, для мистической беседы. Жрец поклонился и вышел. Едва дверь за ним закрылась, красивое лицо девушки расплылось в счастливой улыбке. Шери подошел вплотную и обнял возлюбленную за талию. В ответ тоненькие ручки обхватили его шею и со всей своей силой, насколько могли это сделать, прижали к себе. Юноша был готов замурлыкать от удовольствия. Он слегка отвел голову в сторону и посмотрел на лицо Анхесенамон. Глаза были закрыты, и счастливая

улыбка сияла на нем. Мир потерял всякое значение. Влюбленные обнимались, прижимаясь друг к другу.

— Как же я люблю тебя, мой дорогой! — произнесла Акси, не открывая глаз.

— Боюсь, что твоя любовь несравнима с моей! Ведь моя объемнее и многомернее, — ответил Шери.

Раздался легкий очаровательный смех возлюбленной.

— Как ты можешь говорить такое, даже не представляя, как сильно я тебя люблю? Давай сойдемся на том, что мы оба безгранично любим друг друга!

— Как скажешь, родная, — ответил Шери, и их губы сомкнулись в страстном поцелуе.

Нежный мягкий язычок скользил во рту Шери, соприкасаясь с его, вызывая волну расслабляющих ощущений. Шери таял как снег, под лучами горячего солнца, и пришлось приложить большие усилия, чтобы устоять на ногах.

— Ну, казалось бы, всего один поцелуй, а как много силы забирает, — сказал Шери.

— Это все от того, что мы с тобой любим друг друга, — произнесла она и играючи коснулась своим мягким язычком его губ.

Окна в комнату были зашторены, и никто не мог увидеть этой большой взаимной любви. Анхесенамон нехотя опустила руки, скользя по его шее, и отошла к позолоченной скамье, положив ладонь рядом, прося возлюбленного сесть подле. Шери подошел к ней и обнял за талию.

— Почему все так глупо устроено? — грустно сказала девушка, опустив края губ вниз. — Почему все люди как люди, любят друг друга, не боясь быть замеченными, гуляют, обнимаются у всех на виду, а мы так не можем? Ведь это неправильно.

— Я знаю, любимая, но пока так, наверное, нужно.

— Кому нужно? Кто знает, что мне нужно, а что нет? Знаю только, что мне нужна твоя любовь.

— Я думаю, что в глубине души ты ведь тоже понимаешь, что все эти обычаи и нормы — ерунда, но их нужно придерживаться.

— Но я не хочу их придерживаться. Любовь — это божественное чувство. Тогда почему мы должны им пренебрегать? Пусть эта не та любовь, которой мы учим, но это любовь, основанная на уважении, — сказала Анхесенамон. — Любимый, а, может, нам бросить все и уйти из храма? — и она заглянула ему в глаза.

— Мы не можем так поступить, Акси. Наша первостепенная задача заключается в служении людям. Сейчас я вижу, что надвигается время сумерек для нашей цивилизации. Людей, знающих Истину, мало. Неужели ты готова пожертвовать ради человечества этой земной любовью, которая по большому счету ничемна в размерах Вселенной?

Девушка промолчала. И действительно, надвигались темные времена, когда Истина будет забыта, а Правду назовут ложью.

— Надо оставить после себя какие-то Знания, — продолжал Шери. — Быть может, через много-много лет люди увидят это, и хоть для кого-то это станет толчком к развитию. Кому-то эти Знания окажутся жизненно необходимы. Пойми, мы должны жертвовать даже таким прекрасным чувством ради всеобщего блага человечества. Нам нужно положить нашу любовь на жертвенный алтарь. Порой я жалею, что взял эту тяжкую ношу, и мечтаю быть обычным человеком, пусть даже рабом. Раб и тот более свободен, чем я.

— Зато, если бы ты был рабом, мы бы с тобой не познакомились.

— Верно. Если бы не одно «но», — задорно начал Шери, — и ты тоже не была бы рабыней. Если бы я был рабом, ты рабыней, то все было бы прекрасно. Мы могли бы жить и радоваться.

Анхесенамон согласилась, и вместе они поддались приятным мечтаниям, совсем не рабской любви между рабами. Они говорили о чем-то, и девушка поигрывала золотым браслетом, идущим от запястья почти до самого локтя и очень изящно смотрящимся на её тонкой руке. Был этот жест произвольным или нет, но он натолкнул на мысль, что и вправду она готова была пожертвовать всем ради любви. Несмотря на это, Шери не осуждал её, но сам так поступить не мог, чувствуя на себе ответственность, давящую тяжелой ношей.

Слегка отодвинувшись, Шери лег на скамью и положил

голову на колени любимой, обхватив руками тонкую талию. Он смотрел вверх и видел, как красивое лицо любовно склонилось над ним. Одна тоненькая ручка лежала у него на груди, а вторую Анхесенамон положила ему на голову.

— Что-то нас на грустные нотки потянуло, — произнес Шери и, улыбнувшись, попытался её слегка растормошить. — Ну и ладно, все равно мы будем вместе столько, сколько нужно.

— А я хочу быть вместе с тобой всегда.

— Если нужно, чтобы мы всегда были с тобой вместе, мы будем, — сказал Шери и поцеловал её в живот. — Какая ты у меня хорошая, Акси! — и он обнял её крепче. — Во всем мире нет девушки лучше!

Анхесенамон улыбнулась и почувствовала, как ощущения в груди расплылись и поплыли вниз живота. Её рука гладила его живот, спускаясь ниже. Чувствуя приятные ощущения, юноша закрыл глаза и губами показал, что хочет её поцеловать. Девушка ответила тем же и положила левую руку на щеку, поглаживая большим пальцем, как обычно это делал он, когда голова возлюбленной лежала или на груди, или на коленях, так же, как сейчас его лежит у неё. Ожерелье, сделанное из металла богов, поблескивая, висело на её груди.

Шери поднялся и зашел за спину возлюбленной. Руки легли на плечи и начали массировать жрице шею, переходя на плечи. Он касался белых волос, нежной шеи — все это доставляло Анхесенамон непередаваемое удовольствие. Рас-

стегнувшись, ожерелье соскользнуло с груди и упало на пол. Испытывая физическое удовольствие, девушка даже не заметила этого и, закрыв глаза, опустила голову вниз. Вдох выпорхнул из её груди, и руки Шери стали массировать нежное, но чувственное, словно доходя до какой-то конкретной фазы. Этот вдох был подобен сигналу, говорившему: все замечательно, мне хорошо. Руки пошли вдоль позвоночника вниз, перебирая пальцами каждый позвонок, и надавливая на расслабляющие точки, заставляя жрицу прогибаться и тянуть. Губы юноши целовали голову, и постепенно переходили на верхнюю часть уха. У жрицы создалось впечатление, что сейчас она взорвется от этих скопом навалившихся физических ощущений, распирающих грудь, и ладошки сжались в кулачки, вцепившись в платье. Запах тела Анхесенамон был божественен. Поиграв языком с верхней части уха, губы Шери скользнули вниз на шею и продолжили движение вниз, покрывая поцелуями нежную спину. Шери целовал её, спускаясь неравномерно и не в определенной последовательности, а вразнобой, заставляя Акси угадывать, в какое место ляжет следующий поцелуй. Стоя на коленях, он целовал её спину, а руки обхватили её талию, прижав к себе. Потом влюбленные поднялись вверх. В этот момент раздался еще один звук долгоиграющего блаженства, и девушка обхватила своими руками кисти возлюбленного, заключив свои груди в двойной обхват.

Шери вдыхал приятный, слегка сладковатый запах её те-

ла. Не зная, как еще доставить возлюбленной удовольствие, он начал языком касаться нежной кожи, чередуя их с поцелуями. На своих руках он ощутил, как тело девушки обмякло и расслабилось до предела. Стараясь удержать её, он поднял и перенес девушку на кровать. Анхесенамон словно находилась в другой реальности, наполненной блаженством и радостью. Шери хотелось, чтобы нежные руки вновь заскользили по его телу, а нежный мягкий язычок коснулся его губ, но жрица была не в состоянии это сделать. Тело находилось в приятной истоме, и не было сил, чтобы собраться и пустить в ход свои орудия любви.

Анхесенамон приоткрыла глаза, и сквозь приоткрывающиеся губы Шери услышал важные для себя слова, шепчущие о её любви к нему. Таких слов было достаточно, чтобы позабыть о физическом влечении и, поцеловав её в губы, лечь рядом, обняв нежное тело, по-прежнему продолжая ощущать зуд внизу живота. Сексуальное возбуждение можно было подавить, но он осознанно этого не делал, стараясь абстрагироваться от физических потребностей в пользу душевных ощущений. Страсть, в его понимании, не была плоха сама по себе, а была неотъемлемой частью земной любви между двумя людьми, но и давать ей власть над собой он не собирался.

Он лежал рядом и понимал, что слишком долгое его пребывание в комнате жрицы может вызвать подозрение, чего нельзя было допустить. Поцеловав задремавшую возлюблен-

ную, он вышел, надеясь на скорую встречу.

И правда, следующая встреча произошла уже на следующий день. Шери сидел в медитации, когда вновь вошел Аменемиби.

— Здравствуй, Шери, — сказал он, улыбаясь. — Как твоё настроение? Сегодня принесут тело знатного человека нашего города. Его родственники просили, чтобы именно ты и верховная жрица провели все процедуры перед погребением. Они наслышаны о тебе и считают, что только ты сможешь оказать должным образом последние почести усопшему.

— Хорошо, я проведу церемонию, — ответил Шери, не открывая глаз.

Аменемиби окинул взглядом комнату и вышел.

Разум был чист, и Шери не хотелось выходить из этого приятного состояния. Глаза закатились в блаженстве, тело совсем не ощущалось, и только воспоминание о том, что церемонию придется проводить вместе с любимой, вернуло его сознание в обыденное состояние. Он поднялся и пошел в зал для церемоний. Уже подходя к дверям, он ощутил знакомую вибрацию и понял, что Анхесенамон внутри. Когда дверь отворилась, обворожительная девушка предстала перед ним. Набедренная цепочка, надетая под прозрачным платьем и плиссированной накидкой, подчеркивала все изгибы изящной фигуры. Большие золотые серьги, браслеты на руках, ожерелье — красавица была неотразима, а красота её была неповторима.

Глаза влюбленных на мгновение встретились, и ток прошел через тела. Белокурая красавица стараясь не вызвать поздозрение, отвернулась начав приготовления. Кроме них, в комнате были еще три жреца первой степени посвящения*, принимавшие участие в предпогребальном обряде. У стены стоял арсенал погребальной магии: амулеты, изображения частей тела, уменьшенные модели разных предметов, и иероглифы, обозначающие богов, человека, жизнь. Шери волнительно осмотрел стройную спину возлюбленной и, сохраняя в памяти милый сердцу образ, перевел взгляд на стол с лежащим на нем Сах*.

* Посвящение первой степени имела большая часть младшего храмового персонала, такие люди хоть раз в жизни испытывали непреднамеренный астральный выход. В этот момент их душа сохраняла память об увиденном после возвращения в физическое тело. Посвященные второй степени могли по собственному желанию выходить из тела, имея такую способность от природы или в результате особых упражнений. Посвященные третьей степени имели способность не только осознанно совершать астральный выход, но и помогать душам других людей совершать эти выходы. Считалось, что их такой способностью одарили сами боги. Разница между посвящением второй и третьей степени была велика, поскольку только посвященный третьей степени имел достаточно знаний и опыта, чтобы помогать другим совершать выходы на высшие уровни астрального плана.

Это был мужчина около сорока лет. Он был наг, и по состоянию тела было видно, что при жизни он был человеком значимым и почитаемым, никогда не знал физической работы. Привыкшая к маслам кожа была гладкая и нежная, а ногти аккуратно подстрижены и обработаны. Исходя из благосостояния усопшего, родственники выбрали наиболее дорогостоящий способ бальзамирования, и жрецам предстояло приложить все усилия, чтобы те не остались разочарованными. Были еще два способа мумификации, и они были проще, а соответственно и дешевле.

Все было готово. Анхесенамон закончила приготовления и стояла рядом с Сах, выжидательно поглядывая на возлюбленного. Шери подошел к столу, и началась церемония мумификации. Сначала железным крючком через ноздри удалили большую часть мозга. Для удаления остальной Анхесенамон взяла чашу с растворяющим раствором и впрыснула его через нос внутрь. Раствор должен был растворить оставшиеся мягкие ткани в очень короткий промежуток времени. Все это время, один из жрецов придерживал голову умершего, чтобы она не запрокидывалась и опытным жрецам было удобнее выполнять работу.

Анхесенамон стояла рядом и тяжело дышала, наблюдая за работой возлюбленного. Его вибрации волновали её и вызывали трепет.

Шери взял со стола острый эфиопский камень и сделал разрез в паху. Через это небольшое отверстие он принялся

аккуратно извлекать кишечник все тем же железным крючком. Делать это было непросто, и человек, не знакомый с анатомией, не справился бы, но у Шери как у посвященного, знающего устройство человеческого тела, получилось. Рядом уже стоял жрец и держал в руках каноп с изображением Кебехсенуф. Именно в таком канопе необходимо было хранить кишечник. Для каждого органа был свой сосуд с изображенным на нем божеством. Все изображенные божества были «детьми Гора»: Имсет — хранитель канопы с печенью, Хапи — хранитель канопы с легкими, и Дуамутеф — хранитель канопы с желудком. Потом Шери удалил желудок, потом печень, и в последнюю очередь легкие. Все это он складывал в канопы, которые жрецы составляли в ряд. Вычистив полость, оставив в ней только сердце, Шери отошел от стола и вымыл руки. Анхесенамон сменила его, взяв большой глиняный кувшин с пальмовым вином, и начала промывать полость.

* Сах — физическое тело, одно из семи тел существа. В целостное тело существа, по мнению древних египтян, входят еще Ка — эфирное тело, Ба — астральное тело, Иб — ментальное тело, Эб — казуальное или кармическое тело, отражающее причинно-следственную связь, Эб — интуитивное, Ах — духовное тело.

Всю сложную работу по бальзамированию тела выполняли только жрецы третьей степени, имеющие знания, опыт и высокое духовное развитие.

Промыв полость, Анхесенамон вновь прочистила её растертыми благовониями и вместе с Шери наполнила тело чистой растительной миррой, кассией и прочими благовониями. Потом Сах зашили. Жрецы подняли со стола тело и положили в натровый щелок, где ему предстояло пролежать семьдесят дней.

Все от себя зависящее жрецы сделали. Теперь по истечении семидесяти дней тело должны были обмыть, высушить особым образом, обвязать пеленами из тонкого полотна виссона и скрепить повязки камедью вместо клея, предварительно положив меж погребальными пеленами амулет в виде Ока Уджат, а на сердце амулет в виде скарабея. После финальных процедур родственники забирали тело и помещали мумию в изготовленный деревянный саркофаг в виде человеческого фигуры. После этого саркофагу предстояло занять место в семейной усыпальнице, приставленной стоймя к стене.

Прежде чем научиться бальзамировать подобным образом, Шери долго изучал анатомию и начинал свое мастерство бальзамирования с самых простых способов, которыми бальзамировали бедняков. В брюшную полость таких людей заливали сок редьки и помещали тело в натровый щелок на семьдесят дней. После чего вынимали, высушивали и возвращали родным для погребения в обычной земляной могиле.

Анхесенамон подошла к умывальнику, когда ощутила на

себе любящий взгляд Шери, изучающий её спину. Взгляд скользил со спины на бедра, и с бедер на затылочек. Как же ей захотелось броситься ему на шею и прижать крепко-крепко, но рядом находились другие жрецы, и поэтому приходилось сдерживать свои эмоции, от чего девушке захотелось плакать. Любовь должна быть сильнее всех мыслимых запретов, но жрица подавляла их в себе, вызывая мучительную боль. Подавляла не потому, что не любила юношу, а как раз наоборот, она любила его всем сердцем, и не хотела причинить вред, поскольку наказан был бы в первую очередь он, не смотря на свой уровень посвящения. Она обернулась, и Шери увидел в её глазах грусть от беспомощности и невозможности привознемогать разлуку, позволяющей радоваться лишь недолгим встречам, вместо того, чтобы не отходить от оплота своей любви ни на шаг в течение дней и ночей. Женские губы аккуратно прошептали: «Я тебя люблю», пока внимание жрецов было приковано к канопам, и Шери, поняв всё по их движению, улыбнулся.

— А почему тело должно лежать в натровом щелоке в течение семидесяти дней? — спросил Шери один из жрецов, помогавший проводить церемонию.

— Дело в том, что Исида в течение семидесяти дней собирала фрагменты тела Осириса и мумифицировала его, — наскоро ответил он и вновь устремил взгляд к прекрасной жрице, смотрящей на него грустными глазами.

Наступил поздний вечер. Разбросанные по небу звезды

светились ярким светом на ночном безоблачном небе. Влюбленные ускользнули от любопытных глаз через древний храм и, миновав город, вышли за его пределы. Небольшой остров зелени в пустынном мире песков был одинок и стоял, наслаждаясь тишиной. Под высокими деревьями они взялись за руки и, обнявшись, долго стояли, смотря на реку. Они ничего не говорили, а только наслаждались друг другом. Шери развел на песке костер и вырыл рядом с ним яму. Еще находясь в храме, он смешал муку с водой, желая сделать Анхесенамон сюрприз, и слепил из неё лепешку. Сейчас он достал её и, положив в вырытую ямку, засыпал песком, присыпав сверху углями.

Влюбленные ожидающе сидели возле костра. Шери обнимал со спины любимую, целуя её плечи и затылок. Руки обхватили её тело, согревая своим теплом. Шелест деревьев и тихий шум бегущей реки искажали время, сокращая его. Откопав горячую лепешку, Шери скорее очистил её от песка и, разломив, протянул Анхесенамон. Теплый пар вырвался наружу. Подсушенная корочка скрывала горячую мякоть. Ночная прохлада быстро остужала мягкий хлеб, и скоро влюбленные, не боясь обжечь руки, наслаждались её вкусом. Съев все до крошки, Анхесенамон обошла Шери и, обняв его за шею, села сзади.

Шери потерял палкой поленья в костре и тысячи потревоженных искорок разлетелись в разные стороны. Какие-то из них быстро и ярко разгорались и также быстро потуха-

ли. Какие-то были полны решимости разгореться, но так и оставались в неизменном состоянии. А какие-то, и их было меньше всего, медленно набирали яркость, а набрав её, горели не сгорая. Ассоциации с искрами Тота возникли в сознании Шери.

А где же он сейчас, его старый и почти забытый друг Тот? Шери уже и не мог припомнить, сколько лет назад виделся с ним в последний раз. С той последней встречи остались слабые, едва уловимые воспоминания: плавные движения... заплетенная в косичку борода... глаза, такие спокойные и глубокие... и безграничная Любовь ко всему сущему. Времена прошли, забрав с собой часть видимого аспекта бытия, однако информация, данная ему Тотом, навсегда осталась в его памяти и подсознании.

В их последнем разговоре Тот сказал, что уходит с Земли, но обещал вернуться, когда чужеземцы с другой планеты, называемые Серыми, вторгнутся на территорию Земли против воли её жителей. — Шери отчетливо запомнил данное Тотом обещание.

Пламя костра попрежнему играло, а голова Анхесенамон лежала у него на плече.

— О чем ты задумался? — спросила она, продолжая смотреть на огонь.

— О Тоте, — ответил Шери.

— Ты знаком с ним? — удивилась Анхесенамон.

— Да. Нам приходилось общаться.

— Ничего себе! А давно?

— Примерно лет пять назад. Тогда я проходил обучение в одном из храмов, и вот во время одного из путешествий по Ближним мирам я и встретил его. Конечно, это встреча была неслучайной. Я даже более чем уверен, что Тот намеренно искал меня.

— Для чего?

— Думаю, это связано с моим далеким прошлым.

Акси легонько вздохнула и подняла глаза к звездам. Быстро, едва уловимо, звезда пролетела в темном небе и скрылась за горизонтом, но, едва дернув головкой, Анхесенамон успела загадать желание. Какое-то время они молча сидели, прислонившись друг к другу, и смотрели то на усыпанное звездами небо в надежде поймать взглядом еще одну падающую звезду, то на костер.

— Тебе Тот рассказывал что-нибудь о себе?

Шери ждал этого вопроса. Он чувствовал, как Анхесенамон сдерживала в себе интерес, а по какой-то причине не спрашивала.

— Тот рассказывал мне о том, почему он выбрал именно Египет в качестве цивилизации, несущей Свет, и как он поднимал уровень сознания людей.

— Как интересно! Расскажи мне об этом.

Шери представил картину, когда-то нарисованную на его ментальном экране Тотом, и коротко обрисовал её словами для Анхесенамон.

— Несколько тысяч лет Тот жил в Атлантиде, пока не начались смещения полюсов и вода не накрыла собой остров за несколько часов. Будучи предупрежденным об этом заранее, Тот и его ученики улетели на воздушном корабле в место под названием Кхем. Там они посадили свой корабль на вершину Пирамиды. Кхем — то самое место, которое ты знаешь сейчас как Египет, но тогда оно было заселено совершенно неразвитыми людьми.

— А этими «неразвитыми людьми» были сущности, которых выбросило сюда Переходом, произошедшим одновременно со смещением полюсов? — перебила его Анхесенамон, пытаясь прояснить для себя некоторые моменты.

— Совершенно верно. И именно этих существ стал обучать Тот со своими учениками, которые эмиссарами разбрелись по всей суши.

— А Пирамида?

— Какая-то её часть была построена очень давно. Может быть, даже миллионы лет назад. Однажды Тот показал мне отрывок одной из моих прошлых жизней. Странно, но я не помнил её до того момента. В той жизни я вместе с другими людьми помогал ему строить Пирамиду. Хотя, возможно, — после небольшой паузы добавил Шери, — это было как раз после смещения полюсов.

— Пожалуйста, расскажи мне, как вы её строили? Я прекрасно понимаю, что для её строительства применялись какие-то неизвестные нам методы, — Анхесенамон «загоре-

лась». Она села напротив Шери и с любовью и интересом приготовилась его слушать.

— Да, строительство Пирамиды было не совсем обычным. Сейчас я не могу вспомнить все четко, но я очень хорошо помню одно, что при помощи сознания Тот менял атомную структуру камня, делая его легким. К примеру, если камень весил пять тонн, то Тот уменьшал его вес до двух кантар*. И только когда вся пирамида была завершена, Тот вернул прежнюю атомную структуру всей Пирамиде в целом. Тогда Тот был царем в месте, известном сейчас как Египет, и его часто можно было увидеть среди строителей Пирамиды. Он не был похож на царя, — Шери прищурил глаза, пытаюсь вспомнить те моменты как можно подробнее, — наряду со всеми он прилагал усилия для строительства Пирамиды в центре непроходимых джунглей. К сожалению, я лишь фрагментами помню тот период моей жизни, и приходится составлять целую картину по крупичам воспоминаний. Сейчас в ней больше пустого места, чем заполненного.

— В джунглях? — удивленно переспросила Анхесенамон.

— Ну, или как это называется? Вокруг был высокий непроходимый лес с огромными зелеными деревьями, летали птицы, в общем кипела жизнь в отличие от той пустыни, которая есть сейчас.

— А почему сейчас здесь нет джунглей? Наверно, они исчезли после очередного смещения полюсов.

— Скорее всего, так и есть.

— А тебе приходилось бывать в залах Аменти? — резко сменила тему Анхесенамон.

— Мои чувства утверждают, что я был там, но память не открывает мне этого момента. Одно мне известно точно: залы Аменти находятся не в нашем измерении, и случайно наткнуться на них жителю Земли невозможно.

* Кантар — мера веса в Древнем Египте, равная 139,78 кг.

— Когда я проходила инициацию в Пирамиде, у меня сложилось впечатление, что она была построена не только для того, чтобы пройти важнейший путь обретения нового сознания. Есть в ней что-то еще.

— Даже сейчас, когда прошло не так много времени, люди уже не знают, для чего она была построена. А ведь среди этих незнающих людей есть даже жрецы, которые, казалось бы, должны нести Знания и Свет людям.

— Большинство жрецов знают множество тайн Вселенной, но они не разглашают их. Они рассказывают и учат людей самому простому, а до остального человек должен дорасти самостоятельно.

— Согласен. Но сейчас речь не об этом. Пирамида была построена на месте входа в залы Аменти. Она скрывает их от посторонних глаз. Я могу ошибаться, но, как мне кажется, существует только два входа с Земли в залы Аменти. Один — под Пирамидой, а второй — в затонувшей Атлантиде. Еще я могу предположить, что с Земли всегда открыт только один вход в Аменти. Это либо через Пирамиду, ли-

бо через Атлантиду, которая сейчас под водой. То есть сейчас туда попасть можно через Пирамиду, а после очередного смещения полюсов, когда вода скроет Пирамиду — через Атлантиду. Так как вода с территории Атлантиды переместится в Египет, и Атлантида будет свободна от неё.

— А может быть такое, что существуют еще места, из которых можно попасть в Аменти?

Шери задумался. Прислушавшись к интуиции, он понял, что поторопился с выводами.

— Конечно, может. И эта вероятность очень высока. Даже скорее всего, так оно и есть. Ведь с Земли всегда должен быть вход в них. А если получится, что после очередного смещения вода разольется по планете так, что затопит и Пирамиду, и Атлантиду? Тогда должны быть еще и другие точки доступа в залы, — вслух высказал Шери свои размышления.

— Эти залы Аменти очень важны для нас, но я не могу понять их первоначального значения, для чего они были созданы.

— Изначально они были созданы для зарождения новых рас, — уверенно произнес Шери.

Жрица кивнула ему в ответ. В её памяти всплывало множество пережитых моментов, о которых она еще не рассказывала Шери.

— Однажды, путешествуя в ближайшем мире, мне приходилось бывать в огромном городе, находящемся под Пи-

рамой. Там сидели не похожие на нас существа и медитировали, — вспомнила она. — Их вид непривычен человеческому глазу.

— Мне Тот рассказывал о том городе. Он говорил, что находится он в нашем измерении, но попасть туда непросто.

— Вот-вот. Я ходила по нему словно призрак. Никто меня не замечал. Эти существа сидели, вернее, были посажены только тела, а душ не было, — Анхесенамон задумалась, — но они точно были живые! У тех существ, что похожи на нас, были длинные бороды, волосы и ногти. Даже не знаю, сколько десятилетий они сидят там в состоянии соматхи.

Шери пожал плечами.

— Мне ни разу не приходилось бывать в городе, но в состоянии соматхи можно находиться и миллионы лет. Я даже не удивлюсь, если там сидят существа предыдущих цивилизаций: атланты, например, или лемурийцы. Мне приходилось только слышать об этом городе, о котором ты говоришь, и о комнате, находящейся где-то под сфинксом. По словам Тота, в той комнате спрятаны артефакты прошлых цивилизаций, которые своим физическим аспектом доказывают существование человеческих цивилизаций в далеком прошлом.

— Хотела бы я побывать в той комнате, — мечтательно произнесла жрица.

— Это невозможно. Её суждено будет найти только через несколько тысяч лет, когда вера в бессмертие будет почти

утеряна.

— А если туда проникнуть через ближайший мир и через него хотя бы посмотреть на содержимое комнаты?

— Лучше не рисковать. Со стороны другого мира её на-верняка охраняют.

— Кто?

— Не знаю. Возможно, Гончие Барьера, — Шери вспомнил те страшные моменты, когда ему приходилось встречать этих ужасных существ, и он ощутил, как по спине пробежал холод.

Анхесенамон взяла с земли немного хвороста и подбросила в огонь.

— А где сейчас Тот? — спросила она, — Однажды в одном из ближних миров мне сказали, что он ушел с нашей планеты?

— Это правда. Он написал много книг, в том числе и Изумрудные Скрижали, в которых сохранил Знания, и покинул планету до трудных времен. Но я не исключаю, что он может вернуться и до этого времени.

— И когда наступят эти трудные времена, о которых он тебе говорил?

В памяти Шери воскресли события недавней ночи, когда он оказался рядом с Полями Времени. Кто знает, может, это и были те самые «трудные времена», в которые Тот обещал вернуться на Землю, чтобы помочь людям.

— Я не знаю. Могу только догадываться.

Охваченные огнем поленья трещали, и искры поднимались от костра. Усыпанное звездами небо нависло над головой. И только едва уловимые силуэты деревьев виднелись поодаль.

Шери умолчал, что Тот много рассказывал ему о своем детстве и времени когда обучался в Храме Обитателя, и еще много о чем. Шери сделал это намеренно: каждому дано столько, сколько он сможет унести, а для Анхесенамон это было бы уже слишком.

— Несмотря на то, что Эхнатон умер, для многих его религия осталась, — продолжала Анхесенамон, переходя от одной темы к другой. — Я почитаю Единого Бога, поскольку он есть Любовь, начало всего и источник понятий первейших созданий. Он первооснова, монада единства, Бог Богов, Отец бытия. И это не только моя вера, но и многих. Сейчас Единого Бога называют разными именами в разные моменты жизни. Когда мы говорим об искусстве, мы называем его Пта, когда о словесном истолковании — Тот, когда о божественном разуме — Эмеф.

Шери молча слушал. Он был во многом согласен, но не во всем. Для Анхесенамон был один Бог, и называла она его поразному. Это был Бог, вступающий в самые разнообразные отношения и почитаемый как собирательный и бесконечно разнообразный образ. И Тот, и Пта, и Осирис, и Амон — все были только названием одного и того же. Но Шери знал, что Тот это не Бог, каким его представляет Анхесенамон, а толь-

ко духовный учитель, когда-то бывший обычным атлантом, но за счет своего стремления к Знаниям и Свету ставшим тем, кто он есть. А значит Пта, Осирис, и остальные — тоже реальные люди, когда-то жившие на планете, и трудящиеся на её благо и по сей день, а не плод фантазий. Но Шери не стал ничего говорить Анхесенамон, ведь она была права в главном — Бог один, и Он Един.

До восхода солнца еще было достаточно времени. Луна и не собиралась отдавать главную роль в небесном театре солнцу и по-хозяйски играла в нём своё действие.

Стараясь оставаться незамеченными, двое вернулись в храм, осторожно дошли до комнаты Анхесенамон и на цыпочках проскользнули через задремавших стражей.

Шери затворил за собой дверь и сразу же оказался в объятиях Анхесенамон. Губы встретились. После непродолжительных объятий влюбленные скинули с себя нехитрую одежду и расположились на кровати. Горячие руки скользили по гладкой коже, а заключавшая их в свои объятия любовь, стерла границы времени и реальности. Долго они придавались этому прекрасному действию, совершенно забыв о табу, запрещающему близость двух служителей храма.

Когда Шери почувствовал приближение оргазма, он наполнил свои легкие воздухом почти до отказа, а затем, задержав дыхание, позволил сексуальной энергии оргазма подняться до сердечной чакры. Мир стал исчезать. Реальность начала уходить. Он силой воли развернул поток поднима-

ющей энергии на девяносто градусов и вытолкнул его из спины. Энергия проследовала по каналу анха и вышла на уровне сердечной чакры из спины, сделала полукруг вверх, дойдя до верхней чакры и минуя ее, сделала полукруг вниз, дойдя до сердечной чакры уже спереди. Шери увидел, как подходящая спереди энергия замедляет ход и сужается до точки. Когда подходящая спереди энергия вошла в чакру и воссоединилась со своим источником, Шери заполнил воздухом оставшееся пространство в легких и начал выдыхать очень медленно. Полностью выдохнув воздух, он начал привычное для себя полное дыхание, чувствуя, как энергия движется по энергетическому столбу, находящемуся вдоль позвоночника, и сверху и снизу одновременно соединяясь в сердечной чакре. Шери ярко чувствовал, как во время оргазма каждая клеточка его тела преобразовывается и наполняется жизненной силой. Ощувив расслабление, Шери замедлил дыхание и спустя какое-то время лег рядом с Анхесенамон. Он вновь был в привычном мире.

Анхесенамон положила голову ему на грудь и уснула. Она пошла на большой риск ради Шери и их любви, нарушив обет безбрачия. Но любовь без секса не может длиться долго. Ведь любовь подобна костру, хворост не бросишь, прогорит.

Уставший и счастливый Шери смотрел в потолок, обняв любимую. Глубокое ровное дыхание двух тел убаюкивало, и глаза его стали слипаться, предательски погружая в полудрему.

Неприятное чувство и посторонний звук потревожил его. Еще прежде чем открыть глаза, он почувствовал напряжение и неизбежность. Дверь открылась, и в комнату вошел Аме-немиби. Стражи обступали зрителя храма со всех сторон. Совершенно спокойным взглядом смотрел он на влюбленных. Только стражи на мгновение пришли в замешательство. Время вновь сбилось с прежнего ритма.

Отпираться было ни к чему. Шери, чувствуя переломный этап своей жизни, приподнялся на кровати и хотел было уже встать, но налетевшие стражи сбили его с ног, повалив на пол. Больно ударился он о каменный пол, и, уже лежа на холодном полу, придавленный сверху стражем, он наблюдал за тем, как его любимая Анхесенамон, прикрываясь покрывалом, прятала лицо, пытаясь скрыться от всего этого стыда и кошмара.

В наказание за любовь Шери арестовали и отправили в лагерь строителей пирамид для возведения очередного строения, но влюбленный юноша не мог перенести разлуку с любимой. Сердце его разрывалось. Ему хотелось выть, кричать. Некогда очень внимательный к божественным проявлениям юноша, не обращал внимания ни на что вокруг. Все его мысли и внутренний взор были направлены к любимой Анхесенамон, которую он никогда больше не увидит. Оказавшись единожды среди строителей пирамид, ему будет запрещено и близко приближаться к верховной жрице.

Строители пирамид принадлежали к одним из низших

слоев общества, после общения с которыми представителям более высоких сословий предстояло не только физическое очищение тела, но и духовное посредством десятидневного поста. Сгущающиеся мысли о том, что ему не суждено больше увидеть Анхесенамон, заставили задуматься о побеге. Но как? Куда? Хорошо обученная стража сразу догонит его.

Шум воды заставил отвлечься от размышлений. На пути конвоя разлёгся длинный мост, соединяющий два высоких берега Нила. Взойдя на него, Шери увидел стремительный поток воды, шумевший в шестидесяти локтях под ним. Даже если стража не успеет убить его, то вода... Вода сразу доделает за них эту работу. Но судьба предлагает ему шанс. Пусть один из тысячи. Шери не мог не воспользоваться им. Он не чувствовал страха перед прыжком, его не волновала возможность мучительной смерти, он думал только о том, что если он выживет, ему, возможно, представится шанс увидеть свою возлюбленную.

Приближаясь к мосту, он попросил Мер-Ка-Ба помочь ему в побеге и выжить после прыжка в воду. Представляя, как он растолкает растерявшихся стражей, и прыгнет в реку не повредившись, он послал этот образ Мер-Ка-Ба, программируя её на эти события.

Оказавшись на середине моста, Шери растолкал не готовую к такому повороту событий стражу и, посильнее оттолкнувшись, прыгнул в бурлящую реку. Вода подхватила его и стремительно понесла по течению. Лучники стреляли в него

стрелами, но он был уже далеко от них.

Захлебываясь водой, Шери греб в сторону берега, противясь многотонному потоку, сносившему его все дальше вниз по течению. Измученный, из последних сил он пытался догresti до берега. Игра с силами природы оказалась непосильна, и когда до цели оставалась пара десятков локтей, египтянин почувствовал сильный удар в бедро, потом еще удар и еще...

Очнулся он в глиняной хижине. Все тело ломило от боли, а снаружи доносился шум реки.

Как он здесь оказался? Память слабо пробивалась сквозь тяжелую головную боль, вспоминая берег, до которого оставалось совсем чуть-чуть, и множество камней, на которые беспощадная вода бросала его изнеможенное тело.

«Должно быть, я потерял сознание при ударе об камни, — предположил Шери — но сколько времени я провел в воде после удара? Кто вытащил меня из воды и принес сюда?» — И самым главным вопросом, мучившим его, был: «Где он?» Меньше всего ему хотелось быть схваченным и лежать сейчас в камере.

Он сделал попытку приподняться, но острая боль по всему телу заставила отказаться от этой идеи, и он рухнул на жесткую кровать. Сплетенные между собой бамбуковые тростинки, накрытые старой тряпкой, врезались в спину. Шери был очень слаб. Физические и психические возможности иссякли. Он закрыл глаза и заснул.

Проснулся он от прикосновения мокрой тряпки к губам. Открыв глаза, он увидел молодую склонившуюся над ним девушку, обтирающую пот с его лица. Прядь волос приклеилась к её влажному лбу, а глаза смотрели на него почти в упор.

— Отдыхай. Тебе нужен покой и сон, — сказала она тихим голосом и улыбнулась. — Все будет хорошо.

Шери хотел о многом спросить ее, но...

— Спасибо! — это было все, на что хватило у него сил.

Проснувшись утром следующего дня, Шери лежал на постели в ожидании спасшей его незнакомки. Он лежал на полу все той же утлой глиняной хижины. Отсутствие каких-либо вещей вокруг наводило на мысль о нищенском положении хозяйки этого жилища. Он чувствовал себя немного лучше по сравнению со вчерашним днем и надеялся, что сегодня уже сможет получить ответы на волнующие его вопросы. Звук босых ног на улице заставил отвлечься от своих мыслей. Тряпка, выполняющая роль двери, откинулась, и в хижину вошла девушка. Та самая девушка, которая вчера вытирала ему лицо. Днем ранее в связи с усталостью Шери не мог разглядеть ее, но сейчас... Приятные черты лица делали её очень привлекательной. Русые прямые волосы опускались до плеч. Серые глаза испепеляли его. Она была одета в короткую юбку с разрезом, а грудь была обнажена.

Заметив, с каким интересом за ней наблюдает юноша, девушка улыбнулась и на цыпочках, словно боясь спугнуть го-

стя, подошла к его постели.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она, смущаясь.

Но Шери ничего не мог ей ответить. Её внешность притягивала к себе взгляд и заставляла неметь.

— Как я попал сюда? — выдавил он из себя.

— Рано утром, несколько дней назад, я собирала хворост для костра и увидела тебя, лежащим на берегу. Должно быть, ты ударился головой и потерял сознание, а ночью вода выбросила тебя на берег, где я и нашла тебя.

Сколько времени безжалостная вода несла по течению полумертвое тело, Шери не знал.

— А как я оказался здесь, в хижине? Кто принес меня сюда? — спросил Шери, опасаясь, что стражи будут искать его, а кто-нибудь из принесших бессознательное тело выдаст спасенного.

Он уже был готов к худшему, когда прозвучавший из её уст ответ сразил его.

— Я сама принесла тебя сюда, — как ни в чем небывало сказала девушка.

— Как? — удивился Шери.

Он не мог поверить, что эта хрупкая стройная молодая девушка вытащила его из воды и в одиночку принесла в хижину.

Видя замешательство юноши, девушка решила сама продолжить разговор.

— Что с тобой произошло? Как ты оказался в воде?

Шери не знал, говорить ей правду или нет, но девушка внушала ему доверие, и он решил не врать ей.

— Стражи вели меня в лагерь к строителям пирамид, а я сбежал от них и оказался в воде. Пытаясь переплыть на другой берег реки, я ударился о камни и потерял сознание, а очнулся уже в твоей хижине. Только, пожалуйста, не говори никому, что я здесь. Вдруг меня ищут, а я совсем ни в чем не виновен.

— Не переживай! — улыбнувшись, произнесла его спасительница. — Никто, кроме меня, не знает, что ты здесь. Когда я несла тебя сюда, было раннее утро, и нас никто не видел.

Шери вздохнул с облегчением. Ему не надо было никуда бежать, чтобы его не схватили. Он мог оставаться у этой незнакомки столько времени, сколько необходимо для выздоровления.

— Как зовут тебя? — спросил он её.

— Сусанна, — ответила она.

— А я Шери.

— Шери, а за что тебя отправили к строителям пирамид? — робко спросила Сусанна, поглядывая на его изящные плечи, не выдавшие никогда больших физических нагрузок. — Ты не похож на раба.

Будучи по-прежнему слабым, у Шери не было сил да и особого желания рассказывать эту историю.

— Я обязательно расскажу тебе об этом, но чуть позже.

— Хорошо, — согласилась девушка, — я принесла тебе воды.

И она протянула глиняную чашу.

Шери пришлось приложить усилия, чтобы приподняться на локти. Мышцы на животе болели, руки подкашивались, шею ломило, и держать голову на весу долгое время было невозможно. Видя, как тяжело даются движения, Сусанна придвинулась к Шери и нежно придержала его голову правой рукой, а левой поднесла чашу ко рту. Сухие губы сомкнулись на кромке глиняной чаши, и прохладная вода смочила их. Шери приоткрыл рот и позволил этой божественной субстанции, едва не убившей его несколько дней назад, попасть внутрь, в горло. Выпив все содержимое чаши, он рухнул на бамбуковую постель.

— Спасибо, — произнес он, пытаясь отдышаться.

Ничего не ответив, девушка улыбнулась и грациозно упорхнула на улицу. Лежащий на полу Шери только и успел обратить внимание на ее стройные ноги.

«А она очень не дурна собой», — подумал Шери, но тут же отогнал от себя эти мысли, ведь его ждала любимая Акси.

Тело болело настолько, что он не мог пошевелиться, а голова раскалывалась, легкие болели, кости и суставы ломило, тело было покрыто ссадинами. Он лежал на кровати, стараясь не шевелиться, поскольку каждое движение причиняло нестерпимую боль. Голова как будто опухла изнутри, в

висках ощущалась пульсация, и это было намного страшнее, чем вся остальная боль. Размышления причиняли боль, и мысли были не в радость. Убрав мысли, Шери дышал полным дыханием, предварительно запрограммировав свою Мер-Ка-Ба на ликвидацию головной боли. Вызвать в себе чувство Божественной Любви для лучшей работы Мер-Ка-Ба было крайне сложно от недомогания и усталости, поэтому он дышал, как мог, понимая, что делать это придется долго. Он лежал и дышал так до тех пор, пока не вернулась его спасительница.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

В приятном голосе Шери слышал настоящую обеспокоенность. Из её уст прозвучал не пустой вопрос, который задают при встрече каждому знакомому человеку, наподобие «как дела?», желая показаться воспитанным, а это был искренний лишенный фальши вопрос интересующегося человека.

— Хорошо, — ответил он, выдавив из себя улыбку. Он ощущал переживания Сусанны и искренне хотел лишить её этих волнений. — А ты как?

— И я хорошо, — ответила девушка, улыбнувшись.

Держа в руках до краев наполненную водой чашу, она осторожно, стараясь не делать резких движений, подходила к Шери. Аккуратно переступая, она внимательно смотрела в чашу, боясь разлить её содержимое, и водила сжатыми губами из стороны в сторону. Выражением лица она была похожа на ребенка, тщательно выполнявшего какое-то важное

задание, на котором было сосредоточено все его внимание. Шери лежал, и глазами, полными безграничной благодарности, внимательно наблюдал за ней с пола. Подойдя к постели, она серьезно глянула на него и, поджав под себя ноги, села рядом. В короткое мгновение серьезный взгляд неожиданно сменился нежностью. Сусанна поднесла чашу с водой к его губам, и Шери отпил из неё. Сейчас вода была ему жизненно необходима. Поставив чашу рядом с головой раненого, мягкая рука нежно легла ему на лоб. Излишний жар не наблюдался, и брови девушки удивленно и одновременно с этим довольно приподнялись вверх. Она сжала губы, растянув их в милой улыбке, и посмотрела прямо в глаза Шери.

— Скоро ты поправишься. Я знаю, что все будет хорошо!

— тихонько произнесла она.

— Спасибо, Сусанна. Ты даже не представляешь, как я тебе благодарен! — Шери с благодарностью смотрел в эти добрые глаза, собравшие в себе всю гамму теплых человеческих чувств.

— Не благодари, — ответила она.

— Ты делаешь то, что могла бы и не делать, и за это я благодарен. Прими хотя бы мою благодарность.

В ответ на это Сусанна лишь вздернула брови вверх и пожала плечами. Шери чувствовал, как в их коротком диалоге намечается длинная пауза, поскольку Сусанна вела себя скованно, а сам он не знал, о чем спросить или что рассказать, но заканчивать разговор ему не хотелось.

— Ты живешь одна? — спросил он.

— Моя мама живет в другой части селения, — ответила Сусанна.

— А отец?

— Я не знаю его и никогда не видела, — голос её был ровный.

— Не расстраивайся. У каждого свой жизненный путь, — Шери не хотел её успокаивать, видя, что время уже залечило эту рану.

— Да я не расстраиваюсь. Я и не знаю, что значит жить с отцом, — добавила она.

На улице послышались чьи-то громкие голоса прямо возле хижины. Лицо Сусанны приняло испуганный вид, и она, резко вскочив на ноги, выбежала. Судорожные мысли в голове сбежавшего жреца наперебой придумывали разные предлоги появления здесь. Среди разговаривавших Шери слышал голос своей спасительницы. Она быстро и громко что-то говорила. В этом смешении женских голосов Шери не мог отчетливо понять, о чем спор. Лишь обрывочные фразы долетали до него, но их было так мало, что общий смысл разговора был неясен. Когда голоса стихли, на лице Сусанны, вошедшей в комнату, была улыбка.

— Не волнуйся, — сказала она, — это мои подруги приходили.

Шери вздохнул с облегчением. Несмотря на усталость, он испытал радость, и ему еще больше захотелось разговаривать

с девушкой, принесшей столь радужную весть.

— А где твои родители? — спросила Сусанна.

— Они живут в Буси-риса, но я не видел их очень давно. В последний раз это было около трех лет назад.

— Ты, наверное, скучаешь по ним?

— Я часто их вспоминаю, но я знаю, что с ними все хорошо, и поэтому не переживаю, — сказал он. Он не стал говорить, что часто навещает их через Ближние Миры, — я живу вдалеке от родителей с ранних лет.

Сусанна удивленно посмотрела на него.

— Почему так произошло? — поинтересовалась она.

— Меня отправили в школу мистерии «Закон Единого», и уже там я жил вместе с другими учениками, — ответил Шери.

— А когда закончилось обучение, почему не вернулся к родителям?

— Когда оно закончилось, я пошел служить в храм.

Сусанна не знала, что включало в себя обучение и служение в храме, но весомая роль жрецов не прошла незамеченной и мимо их селения.

— Так значит ты занимался магией? — спросила она с неким кокетством. — Научи и меня чему-нибудь.

— Целительство, магия и мистицизм — это лишь побочные явления того, что называется совершенствованием, — ответил он.

Выражение лица Сусанны переменилось, и уже серьезным

тоном она спросила: «Ты сбежал из храма?»

— Нет. Я тебе расскажу обо всем, но не сейчас.

Резкие перепады настроения были свойственны этой милой девушке. Она могла весело о чем-то рассказывать, активно жестикулируя при этом, а потом, вспомнив что-то неприятное, резко замолкала, и улыбка на её лице сменялась серьезностью или грустью.

Сейчас она серьезно, как будто с укором, смотрела Шери прямо в глаза, пытаясь понять, не обманывает ли он её, а потом вновь улыбка осветила её красивое лицо, так же неожиданно, как и исчезла с него некоторое время назад.

— Ну наверняка ты знаешь какие-нибудь тайны, скрытые от простых людей, — вновь её голос был весел и кокетлив.

— Конечно, знаю, — в той же манере ответил Шери. — Например, я знаю, что у нас в жизни ни одна встреча не случайна, как, например, наш с тобой разговор сейчас. И у каждого из нас есть выбор. Твой выбор — продолжать этот разговор или уйти. А мой — рассказывать тебе об этом или нет. И этот выбор у нас никогда не заберут.

— А еще у тебя есть выбор — оставаться здесь или встать и уйти, — добавила Сусанна, и они оба рассмеялись от абсурдности этого выбора.

Боль в теле подавляла смех Шери, а Сусанна еще сильнее заражала его своим. Заметив мучения юноши, она прикрыла рот ладошкой и попыталась прекратить смеяться, отчего Шери становилось только хуже.

— Шери, а ты был в долине царей? — спросила она, протсмеявшись.

— Примерно на седьмой год моего обучения я вместе с другими обучаемыми под руководством опытных жрецов ходил в долину царей для проведения церемонии запечатывания гробницы. Насколько я сейчас помню, шли мы очень долго, проходя мимо древних гробниц известных людей. А когда оказались на месте, увидели, что процедура захоронения уже прошла, и нам только оставалось магически запечатать последнее пристанище известного человека.

— А как вы её запечатывали?

Шери заглянул ей в глаза и увидел там простое любопытство. Понимающий силу магических церемоний, он по привычке настороженно относился ко всем просьбам раскрыть сакральные тайны. Магия, используемая в целях любопытства, приводит к разрушительным последствиям. Он посмотрел в глаза новой знакомой и понял, что она не из тех людей, которым нужны эти знания.

— Все гробницы защищены заклинаниями, и рассказывать об этом подробнее не имеет смысла. Расскажу тебе лучше о том, что кладут в камеру вместе с усопшим, — перевел он разговор на более, как ему показалось, интересную тему для девушки и простую в понимании. — Внутри погребальной камеры находится множество амулетов и фигурок бога Шу*. Возле каждой из стен стоят канопы с внутренними органами: Имсета с печенью — у южной, Дуамутефа с желуд-

ком — у восточной, Кебехсенуфа с кишечником — у западной и Хапи с легкими — у северной. Множество вещей, которыми пользовался человек при жизни, хоронят вместе с ним. И еще нужно обязательно положить в камеру Саху*, — Шери не стал рассказывать больше, понимая, что Сусанна не поймет ничего из сказанного.

* Шу — египетская богиня воздуха.

Удовлетворившись ответом, Сусанна поправила рукой свои русые волосы и добрыми глазами посмотрела на него, слегка улыбаясь. Нежная улыбка доставляла Шери массу приятных ощущений. Он кивнул и закрыл глаза. Он хотел полежать так совсем немного, ощущая на себе приятный взгляд, но сон подкрался незаметно.

Открыв глаза, он увидел, что свет уже не пробивается через дверную тряпку. Была ночь или поздний вечер. На улице было тихо, только река шумела снаружи. Сусанна тихонько спала у противоположной стены, повернувшись к ней лицом. Свеча освещала её смуглую спину. Тонкая талия, плечи, были божественны. С упоением Шери смотрел на них, не желая отводить взгляд. Он мог любоваться её телом вечно, но на заботу принято отвечать заботой, и Шери решил затушить свечу, дабы она не мешала Сусанне, однако боль в теле оказалась сильнее его попыток. Опечаленный своей немощностью, долго он лежал, то глядя в потолок, то посматривая на Сусанну.

Сейчас больному только и оставалось, что размышлять о

своей жизни в целом и дне прожитом. Сердце тронула эта девичья забота. И пусть даже не только о нем, а обо всех людях. Ведь если бы на месте жреца оказался другой человек, эта девушка, жизнь которой и без того полная собственных проблем, выхаживала его, полностью отдаваясь его восстановлению. Сусанна была добра, и помогала, зная, что не будет вознаграждена материально. Она дела это просто из сострадания и заботы. Конечно, Шери было неудобно лежать без дела, а еще более неудобно понимать, что отблагодарить её нечем, и от этого еще скорее хотелось поправиться, но ему было приятно видеть заботу этого милейшего создания.

* Саху — египетские произведения заупокоительной литературы.

Размышления уже не причиняли головную боль, и Шери лежал, полностью погрузившись в них. Ему было о чем думать. Что за странная штука эта жизнь? Как быстро в ней меняются события. Еще четыре дня назад он был счастлив и не знал бед, любил прекрасную девушку и был любим ею. Три дня назад, проведя романтический вечер, он был схвачен стражей и разлучен с возлюбленной. Его вели в лагерь строителей пирамид, где предстояло пугающее наказание. Два дня назад он сбежал, прыгнув в реку. А сегодня он в безопасности лежит в хижине и заботливая молодая девушка ухаживает за ним. Множество чувств сменились в нем за эти четыре дня: любовь к Анхесенамон, шок, когда его нашли в постели возлюбленной, приятные воспоминания о Тоте, по-

давленность и чувство безграничной тоски, отчаяния, когда ему пришлось расстаться с возлюбленной, несколько оттенков страха: страх перед неизвестностью, страх перед наказанием, страх от разлуки, страх перед прыжком. Да, странна наша жизнь. Годами можно плыть по ней спокойно и размеренно, а потом в один из дней она поднимает такой шторм, что прятаться от него бесполезно, и волны больно бьют тебя до изнеможения, проверяя на прочность. Скоро организм решил еще понабрататься сил, и Шери заснул опять.

Утро разбудило его лучами солнца. В хижине было душно, и Шери очень хотелось выйти на улицу, но не мог этого сделать физически и боялся быть кем-нибудь замеченным. Как и днём ранее, он лежал не в силах пошевелиться от боли. Сегодня было значительно легче — помогло вчерашнее дыхание. Ему только и оставалось, что дышать Мер-Ка-Ба и ждать, когда спадет боль в теле. Память произвольно прокручивала события минувшего дня, возвращая к приятным минутам, проведенным в обществе Сусанны и её заботах. Шери закрыл глаза и, положив руки на грудь, начал читать гимн Ра*. Читал он полупшепотом, чтобы никто не услышал: Слава тебе, пришедшему в этот мир! Хапра — Возникший, мудрый творец богов, Ты, на престол воссев, озаряешь свод Темного неба и богоматерь Нут, Что простирает руки, верша обряд, Почести воздавая царю богов. Город Панополь славу тебе поет. Соединив две равные доли дня, Нежит тебя в объятьях богиня Маат, Что воплощает Истины ровный свет. Ра,

ниспошли же доблесть, премудрость, власть, Душу живую в плоть облеки, чтобы я Гора узрел на розовых небесах! Едва он закончил, снаружи послышалось шлепанье босых ног, приближающихся к нему. Занавеска откинулась, и хижину наполнил яркий свет и свежий речной воздух. Солнечный свет проникал в хижину через дверной проем, проходя через стоящего в нем человека. Лучи били по глазам, и Шери видел только силуэт. По фигуре было понятно, что это девушка. Это было потрясюще. Девушка как будто светила, источая свет в пространство вокруг себя. Войдя в хижину, незнакомка опустила занавеску, и в естественном свете, к которому привыкли глаза, Шери разглядел Сусанну. Он не удивился ей. Еще по тихому шлепанью ног он узнал спасительницу.

* Ра — египетский бог солнца.

Сусанна подошла и так же, как и прошедшим днем, потрогала лоб Шери своей нежной рукой. Тонкие руки протянули чашу с водой и, когда он попил, очень бережно погладили по голове, словно боясь причинить боль. Всем своим видом девушка показывала, что это не было флиртом, а только лишь забота. Но и Шери было непросто провести. Он чувствовал, что нравится девушке, а не знал, почему. Ничего особенного он не сделал: не уделял ей знаков внимания, не ухаживал за ней, — скорее наоборот, был жертвой, и сам требовал заботы, что было ему неприятно. Много времени он провел в размышлениях и догадках, выдвигая гипотезы и строя пред-

положения. Сусанна смотрела ему в глаза, и вновь её ладошка легла ему на голову. Скользнув, она опустилась на щеку и застыла, нежно водя по ней большим пальцем. Тонкие пальчики дрожали от волнения, и в выражении её лица Шери отчетливо увидел детский испуг и взволнованность, словно для неё это было впервые. Красивый взгляд Сусанны скользил по лицу, останавливаясь на плечах и влажных губах. Она осознанно старалась не встречаться со взглядом Шери, боясь быть осужденной или неправильно понятой.

Сердце приятно стучало от этого прикосновения, и в груди стало тепло и приятно. Что-то странное творилось с ним. Эта девушка казалась ему еще более притягательной, чем когда он её увидел впервые. Отчего так происходило, он не знал. Пытаясь строить предположения, он лишь в очередной раз убедился в странностях этой земной жизни. Еще вчера все его мысли и сердце были заняты Анхесенамон, а к Сусанне он относился только как к спасительнице, а сегодня совершенно неожиданно чувство влюбленности появилось к Сусанне, и в до этого занятом сердце нашлось место для этой милой девушки. Возможно, Шери жалел её, а возможно, эти чувства были знаком благодарности — он не знал. За приятными редкими разговорами и взглядами он уже реже вспоминал о Анхесенамон, хотя попрежнему любил её и хотел увидеть как можно скорее. Это было главной причиной, заставляющей его заниматься самоисцелением и не ждать, пока организм восстановится без помощи сознания и вмеша-

тельства иных сил.

Сусанна подошла к Шери и села перед ним на колени. Склонившись над ним, она обтерла мокрой тряпкой пот с его лица, а потом положила её ему на лоб. Сусанна молча сидела на коленях и смотрела на лежавшего без сил юношу, улавливающего на себе заинтересованный взгляд её серых глаз, что доставляло ему удовольствие. Было в этом взгляде что-то грустное и тоскливое, что корбило душу, а в то же время и жалостливое, да такое жалостливое, что Шери тут же захотелось обнять спасительницу и сделать для неё все, что она захочет. В раздумьях девушка вытянула губки и поводи-ла ими из стороны в сторону, приведя сердце юноши в восторг. Одно это движение было способно привести в чувство и лишить сознания любого, увидевшего случайный жест. Это движение губ вызвало у Шери милую улыбку и вмиг согрело сердце. Жест был ненавязчив, но врезался в память приятными воспоминаниями. Предвкушения новых отношений дразнили душу.

Прошло уже два дня с тех пор, как он прыгнул с моста, миновав, таким образом, лагерь строителей пирамид. Он мучился в догадках: что же сказали стражи по возвращению в храм? Что он сбежал? Погиб? Или во избежание наказания они соврали, сказав, что доставили заключенного в лагерь?

Каждый из возможных вариантов не устраивал Шери. В случае побега жрецы ожидают его возвращения в храм и наверняка уже усилили охрану. При попытке пробраться

внутри он тут же будет схвачен и убит. Если стража сказала, что благополучно доставила его в лагерь, то он сразу оказывается в низшем сословии и теперь близко не сможет подойти к Анхесенамон, даже если ему удастся вернуться в город. Единственный более и менее подходящий вариант — это история о его смерти. Наверняка об этом сразу скажут Анхесенамон, а она не из тех, кто слушает слова других людей. Больше доверяя собственному сердцу, она почувствует, что возлюбленный жив и пытается вернуться к ней. А самое главное это то, что, кроме нее, об этом никто не будет знать, и у Шери остается хоть небольшой, но шанс вновь увидеть любимую.

Ради скорейшей встречи с Акси Шери не собирался просто лежать и ждать, пока его тело полностью восстановится от травмы. Он готов был приложить все знания и усилия ради скорейшего выздоровления, несмотря на то, что каждое движение давалось с трудом и причиняло боль.

В мире не существует уз сильнее любовных. Чем сильнее влюбленные любят, тем сильнее они чувствуют друг друга. Невидимая нить, натянутая между сердечными чакрами Шери и Анхесенамон, причиняла боль от расставания и тянула возлюбленных друг к другу.

Оставшись в одиночестве, Шери попытался расслабиться. Вытянувшись на постели, он положил руки вдоль туловища таким образом, чтоб они не соприкасались друг с другом, и слегка развел ноги во избежание их скрещивания. При та-

ком положении находящиеся в конечностях энергетические каналы не пересекаются между собой и не замыкают свободное движение энергии, позволяя достичь максимального расслабления. Ведь именно максимальное расслабление и яркая концентрация являются залогом успеха при занятиях магией. Приняв такое положение, Шери приступил к расслаблению. У него не было достаточно сил, чтобы сконцентрироваться на всем теле одновременно, и Шери решил делать все постепенно, шаг за шагом. Сначала он сосредоточил свое внимание на голове. Расслабляясь, кожа на его лице начала медленно растягиваться, а рот слегка приоткрылся. Чувствуя небольшую напряженность в области глаз, Шери расслабил глазные мышцы. Плавное медленное дыхание нижней частью живота позволяло достигать более глубокого расслабления всего тела. С каждым выдохом все его тело становилось мягче и мягче. Теперь он перевел внимание на грудь и руки. Они были расслаблены до предела. Четырехглавая мышца бедра обмякла и висела на бедренной кости. Шери почувствовал, как его вдавливают в пол вес собственных мышц, но эти ощущения длились недолго. Уже со следующим выдохом он вообще перестал чувствовать свое тело, а вместе с ним и боль.

Дело оставалось за малым. Он убрал все мысли из головы и ощутил, как головная боль, мучавшая его все эти дни, отступила. Шери лежал на полу абсолютно расслабленным. Он просто «был». Слушая свое тело, египтянин ярко предста-

вил, как из макушки головы выходит энергия яркого белого цвета, образуя вертикально стоящий лист относительно его лежащего тела. Энергия, поступающая из макушки, делала лист все более и более плотным. Силой мысли Шери заставил лист двигаться горизонтально сквозь свое тело, выдавливая всю темную энергию через кончики пальцев на руках и ступни ног. Первая попытка не принесла ожидаемого результата. Внутренним взором Шери видел, как негативная темная энергия собралась сгустками в местах полученных травм и не поддавалась ликвидации. Энергетический лист проходил сквозь тело, не справляясь с их силой. Вернув энергетический лист, вышедший из ног, обратно к голове, Шери представил, как лист трансформируется в жесткую сеть все того же ярко-белого цвета, состоящую из множества ячеек, и вновь пустил сквозь свое тело от головы к ногам, размельчая все эти крупные энергетические сгустки. Вышедший из пальцев ног лист Шери вернул к голове и вновь превратил в плотный лист ярко-белого цвета. В этот раз Шери не только увидел, но и почувствовал, как энергия коснулась макушки головы, пошла дальше, собирая на своем пути всю размельченную в пыль темную энергию, расположившуюся во всем теле. Грязную энергию, образовавшуюся в руках, Шери вытолкнул через кончики пальцев и повел лист, перед которым скопилось множество темной энергии, дальше к ступням ног. Грязи было так много, что, дойдя до колен, лист, толкающий грязную энергию перед собой, сбавил

скорость и с силой стал проталкивать ее через ступни.

Всю высвобожденную негативную энергию Шери отправил в центр земли, где находится зал Аменти, для дальнейшей её переработки в чистую энергию. Прodelав такую энергетическую чистку несколько раз, Шери увидел, как лист стал проходить через тело свободно, не встречая никаких препятствий.

Открыв глаза, он поднял обе руки вверх. Ощущение легкости наполняло тело, несмотря на продолжающуюся небольшую боль в мышцах. Он приподнялся. Голова уже не болела.

Еще несколько раз в течение дня Шери делал такую энергетическую чистку и к концу дня уже мог самостоятельно вставать с постели и передвигаться по хижине. Увидевшая это Сусанна была поражена скоростью, с которой шел на поправку её новый знакомый.

— Если человек может думать, значит, он может все, даже если тело его не движется, — ответил Шери Сусанне на вопрос о своем скором выздоровлении.

Когда солнце зашло за горизонт, а трудившиеся весь день жители Египта отошли ко сну, Шери вышел из хижины. Воздух приятно щекотал кожу ночной прохладой. Чистый, с запахом воды, он нежил обоняние и приятно дурманил голову. В небе смиренно светили звезды, подмигивая легким свечением. Египет спал.

Позади догорали вечерние костры, оставляя после себя

раскаленные докрасна угольки. Ровное журчание реки нарушалось лишь редкими всплесками.

Сусанна вышла из хижины и нежно взяла его за руку.

— Пойдем спать, — сказала она и прикоснулась губами к его загорелому плечу.

Не говоря ни слова, со сладкими чувствами в груди Шери вернулся в хижину и лег на бамбуковую постель. Каково же было его удивление, когда эта молодая девушка легла рядом и, обняв левой рукой за талию, положила голову ему на грудь. Сердце его застучало. Шери было приятно находиться рядом с ней. Несмотря на Анхесенамон, девушка привлекала его. Он закрыл глаза и заснул с приятным чувством в груди.

Из покоя веков существует множество сходств между мужчиной и женщиной, ведь в каждом мужчине есть женское начало, а в каждом женском — мужское, но еще больше отличий. Мужчина может любить одну женщину, но при этом ему могут нравиться и другие, а если женщина любит одного, то все её мысли и чувства заняты только им, не оставляя места для других мужчин.

Проснулся Шери утром, однако Сусанны уже не было в хижине. Он потянулся и с трудом встал с постели. Ноги не хотели слушаться и подкашивались. Слегка отодвинув занавеску, заменяющую дверь, Шери выглянул на улицу, и тут же лучи света ослепили его. Больше трех дней он не встречался с ними. Зажмурившись, он стал привыкать к свету, постепенно открывая глаза шире и шире, радуясь очередному

Божественному проявлению.

Когда глаза привыкли к яркому свету, Шери сделал осторожный шаг навстречу природе.

В нескольких шагах от хижины протекала река. Высоко в небе парили птицы. Шери огляделся. Хижина, в которой он жил все это время, находилась на самой окраине селения. Каждый из жителей занимался своим делом, не обращая внимания на уставшего от боли египтянина. Внимательно Шери всматривался в лица людей, но Сусанны среди них не было.

Стараясь не привлекать постороннего внимания, он побрел к реке. Каждый шаг давался с большим трудом и болью. Несмотря на то, что его раны практически зажили, за то время, которое он провел, почти не вставая с постели, мышцы расслабились до такой степени, что едва могли удерживать тело в вертикальном положении.

Медленно, шаг за шагом, он подходил к реке, пробираясь через горячий песок и камни, а, оказавшись у самой воды, вошел в неё по щиколотку. Прохладная вода остудила ступни. Посмотрев еще раз в сторону селения в надежде увидеть Сусанну, он зашел глубже и, набрав в ладони воду, умылся.

Холодная вода освежила и придала немного сил для возвращения в хижину. Еще вчера она хотела убить его, а сегодня всячески помогала вернуться к полноценной жизни.

Эта недолгая прогулка далась Шери нелегко. С трудом он миновал занавеску и лег на бамбуковую постель. Он уже при-

вык к ней, и она не доставляла неудобств. Вытянувшись, Шери стал потихоньку расслабляться в тенистой прохладе глиняной хижины. Там, снаружи, на улице, стояла невыносимая жара, а здесь, внутри, было прохладно и уютно. Ничто, как эта прохлада и вода, не способствовало скорому выздоровлению организма.

Шери лежал, молча смотря в потолок. Для путешествия по Ближним мирам у него не было сил. Все вновь полученные силы он использовал исключительно для восстановления — расслабленное тело значительно быстрее наполняется энергией.

Мышцы на вытянутых вдоль тела руках обмякли... Ноги расслабились, и мышцы бедер висели на костях... Грудная мышца расплылась по ребрам грудной клетки...

Шери закрыл глаза и расслабил мышцы на лице..., затем мышцы глаз..., растворил все внутреннее напряжение... и, наконец, отключил мысли.

Нарастающий гул в ушах резко сменился на абсолютную тишину, и Шери увидел любимую Анхесенамон. Она стояла к нему спиной. Изящная и желанная. Мокрое белое платье едва прикрывало бедра и облегалo изящный изгиб спины. Влажные светлые волосы, завиваясь, ложились на плечи. Скрестив ноги и придерживаясь тонкой рукой за стену возле дверного проема, она смотрела на улицу. Занавески, которая всегда висела в дверном проеме, не было.

Шери не видел, что происходило на улице, но видел её —

свою любимую. Она была такая, какой Шери всегда хотел её видеть, но чего не позволяла ей должность. Не один раз Шери хотел любоваться своей возлюбленной в чем-либо более открытом и подходящем к погодным условиям, нежели в длинном платье для обрядов. Однако прежде желание так и оставалось желанием.

Девушка в дверном проеме слегка сменила позу, поправив свободной рукой волосы.

— Иди ко мне, Шери. Эта река так и манит нас в свои объятия, — сказала она.

Шери дернуло в сторону девушки, но в пространстве вокруг него что-то словно ударило камнем по металлической плите, посылая звук по всей его сущности. Звуковые волны, смешавшиеся с вибрацией, прошли сквозь его тело не оставляя болевых ощущений после себя. Стоявшая в дверном проеме фигура исказилась и ускользнула.

Шери открыл глаза и, осмыслив произошедшие события, оторопел. Резко поднявшись, он сел на кровать и с ужасом уставился на висевшую вместо двери занавеску, на месте которой еще мгновение назад была девушка. Каких неприятностей он только что избежал, благодаря своевременному сигналу астрального колокола!

Шери в мыслях восстановил события только что произошедшие. Да, все сходится!

Еще с детства он знал, что застрявшие в Ближних мирах сущности, могут принимать любой вид, считывая информа-

цию из подсознания человека. Они очень часто так поступают, чтобы испугать неподготовленного путешественника, считав образы, которых больше всего боится жертва, или заманить его в ловушку, приняв наиболее приятный вид.

Сейчас все сошлось. Сущность предстала в том образе, который Шери всегда мечтал увидеть. Её фигура, одежда, все..., кроме лица. По какой-то причине сущности редко сменяют свое лицо на лицо приятного для жертвы человека.

Все эти ухищрения делаются для того, что присвоить себе как можно больше энергии неопытного путешественника. Но сейчас был другой случай. Подобравшаяся к Шери сущность, пыталась не забрать себе часть энергии, а выманить его из тела, чтобы занять его самой. Они часто пытаются так делать. Много раз Шери слышал истории учителей о том, как сущности Ближнего мира заселяются в тела людей и живут в них вместо хозяев, пользуясь всеми удовольствиями земной жизни. Шери всегда жалел сущностей, идущих на такой нечестный шаг, понимая, что в Том мире нет никаких физических удовольствий. Уставшие быть заточенными в ловушке времени и пространства, эти сущности используют каждую возможность для возвращения в физический мир.

Когда-то давно он даже слышал историю о том, как на одного из строителей пирамид упал камень и жрецам потребовалось приложить много сил, чтобы вернуть больного к жизни. Но когда они всё же это сделали и рабочий пошел на поправку, он стал очень странным. Его характер и привычки

изменились, да так, что никто не мог узнать его. Призвали жреца провести церемонию и узнать причину столь странного поведения. После проведения определенного ритуала жрец рассказал, что тот, кто жил в этом теле до несчастного случая, уже давно ушел в дальнейшее путешествие, а его освободившееся тело заняла посторонняя сущность, которая находилась в тот момент рядом, и не могла не воспользоваться ситуацией.

Но Шери задавался вопросом: почему прежде сущности не атаковали его в тот момент, когда он только собирался отправиться в путешествие по Ближним мирам?

Ответ сам пришел к нему в виде блеклого образа перед его глазами. Каждый раз, когда Шери собирался в путешествие, он ставил вокруг себя энергетическую защиту. Он ложился и расслаблялся, затем мысленно рисовал вокруг себя круг цвета серебряного пламени таким образом, что оказывался заключенным внутри этого круга. Потом силой мысли сводил круг вверх, превращая его в половину шара. Затем проделывал такое же действие, но уже сведя круг вниз. Таким образом, он оказывался заключенным в сфере серебряного пламени, и никто, кроме него, не мог там находиться. Вот ответ на поставленный им вопрос — сейчас он этого не сделал.

Поставив, насколько позволяли силы, защиту, Шери повернулся на бок и вскоре заснул.

Проснулся он ближе к обеду. О произошедших событиях

напоминал только неприятный осадок в груди, и, стараясь забыть о случившемся, но вынеся из него урок, Шери встал с постели, подошел к занавеске и выглянул на улицу.

Сусанна стояла к нему спиной по колено в воде, пытаясь что-то из нее вытащить. Ее юбка доходила только до верхней части бедер, и Шери мог любоваться ее стройными ножками. Он чувствовал, как его физически тянуло к этой девушке, но держал себя в руках. Выйдя из хижины, не опасаясь быть замеченным, юноша направился к реке. Стояла жара. Солнце палило. Стараясь не шлепать ногами по воде, он незаметно подкрался к Сусанне сзади и набрав в руки воды, бросил ее на голую спину девушки. Девушка резко выпрямилась и обернулась, но, увидев Шери, приняла его ухаживание и ответила легким толчком в грудь, когда тот подошел ближе. Через мгновение они словно дети брызгались водой и, взявшись за руки, упали в воду. Вода приняла Шери в свои прохладные объятия. Вынырнув, он начал разговор.

— Может быть, тебе помочь? Что ты здесь копаешься? — улыбаясь, спросил Шери, заглядывая в глаза Сусанне.

— Помоги, — игриво ответила она. — Помоги мне найти речной лук, а я пока схожу и принесу тебе мыло, чтобы ты помылся.

И она весело засеменила ногами в сторону хижины. Шери смотрел ей вслед, обращая особое внимание на мокрую юбку, облегавшую бедра. После того, как девушка вошла в хижину, Шери побрел вдоль берега, нащупывая ногами или-

стое дно в поисках речного лука — об этом растении он знал только то, что им травили крыс в Та Уре. Но все его старания были безрезультатны. Потеряв всякую надежду на успех, он почувствовал что-то кругло и скользкое под правой ногой. Наклонившись, он разгреб ил руками и, взяв это что-то, вытащил на поверхность. Резкий тошнотворный запах ударил в нос, и от неожиданности Шери бросил лук обратно в воду. Впервые ему пришлось столкнуться с этим растением, и он не ожидал, что первое знакомство произведет такое неприятное впечатление. Выловив его еще раз, Шери понес лук к берегу на вытянутых руках, стараясь держать как можно дальше от себя. Ему с трудом удавалось сдерживать накалывающий позыв рвоты, поскольку от луковицы шел слегка сладковатый запах гниения, что-то среднее между запахом разлагающегося трупа животного и человека. Почувствовав этот запах лишь однажды, его нельзя было забыть никогда. От этой вони он едва не терял сознание.

Увидев Шери, несущего лук таким образом, Сусанна рассмеялась и, показывая пальчиком на хижину, попросила положить его рядом с жилищем.

— Выкопай еще парочку, а то очень много крыс развелось, — сказала девушка. — Если ты, конечно, не хочешь, чтобы они тебя съели, — добавила она, улыбнувшись.

Ощущение зарождающихся теплых отношений были давно забыты Шери, и от этого новые становились только приятнее. Ведь с Анхесенамон все было иначе. Сусанна стояла

возле хижины и нежно смотрела на Шери. Её голову обвивал гибкий стебель лотоса, и его единственный цветок раскрылся звездой надо лбом.

С хорошим настроением Шери вернулся в реку. Стоящее в зените солнце пекло спину. Из зеркальной поверхности воды на него смотрел юноша. Внешне он выглядел вполне здоровым, если не считать нескольких ссадин на лице и синяков на теле. Набрав в легкие воздуха, он с головой погрузился в воду, и прохлада обволокла его. Уйдя в другую реальность, ему не хотелось выныривать на поверхность. Здесь было темно, тихо и прохладно — всё то, чего не было наверху. Постепенно воздух в легких стал заканчиваться, но уходить не хотелось. Лишь болезненно подкравшееся удушье заставило вынырнуть на поверхность. Темнота сменилась яркостью, и свет больно ударил по глазам. Постепенно привыкнув к свету, он побрел в сторону противоположного берега, нащупывая ногами илистое дно. Мелкие рыбки с любопытством тыкались в ноги. Шаг за шагом отходил он все дальше от хижины с красивой девушкой, ждущей его возвращения. Вода была по грудь, когда нога нащупала скользкий предмет. Разгребя ногой ил, Шери набрал в легкие воздуха и нырнул под воду. Запустив руки в ил, он пытался вытащить предмет, но руки соскальзывали. С трудом он вырывал лук из крепких объятий ила, радуясь, что здесь не нужно дышать, и рвотный запах не бьет в нос. Высунув голову на поверхность, он не торопился вытаскивать лук и, держа его под водой, побрел

к берегу. Вода доходила до пояса, когда еще один скользкий предмет оказался под ногой. Шери отложил найденный лук в сторону, запомнив место, и вновь запустил руки в ил. Это оказалась огромная лукавица, от которой даже через воду веяло гнилью. Задержав дыхание, Шери прижал обе лукавицы к себе и побежал к хижине, делая на ходу короткие вдохи ртом. С трудом сдерживая позывы рвоты, Шери выполнил просьбу Сусанны и, вернувшись к хижине, положил их подальше от входа.

Сусанна с интересом смотрела на юношу, столь брезгливо относящемуся к её обычному занятию. Всё это казалось ей странным, как и сам Шери, весь такой изнеженный и не похожий на неё. Казалось, что он из другого мира, совсем не похожего на тот, в котором живет она. Но, несмотря на эту изнеженность, она видела в нем внутренне уверенного и сильного мужчину. Его красивая и ровная речь, манеры покорили её сердце.

— Вот мыло, — сказала Сусанна, играя, кинув кусок извести, пропитанного каким-то маслом. — Я буду ждать тебя внутри, — и обворожительная улыбка засеяла на её лице.

Вновь Шери вернулся в реку. Стараясь не думать о луке, он зашел в неё по плечи и ощутил себя в объятиях прохладной воды. Непонятные чувства начали греться в нем еще в тот момент, когда он увидел стройные ножки спасительницы, грациозно шедшие к нему, а сейчас чувства бурлили в нем, удивляя его самого. Он был не рад этим чувствам к Су-

санне, с каждым часом влюбляясь в неё все больше и больше, и боль становилась нестерпимо болезненна. Тщательно вымывшись, он поспешил в хижину к Сусанне.

Не сразу узнал он место, в котором провел последние дни. Тряпка, на которой он лежал, была убрана, а на бамбуковом настиле лежала чистая красивая ткань. Пол хижины был тщательно вычищен, и посередине стояло блюдо с фруктами и свежей лепёшкой. Веяло прохладой. Сусанна с почищенным апельсином расположилась на бамбуковом настиле, покрытом тканью. Улыбаясь, девушка распустила волосы и поманила Шери указательным пальцем. Ее обнаженная грудь так и манила юношу к себе. Шери машинально подошел к ней, а взгляд скользил по её лицу и груди.

Маленькая ручка взяла его за предплечье и потянула вниз. Он вновь поддался. Оказавшись рядом, Сусанна поднесла апельсин к его губам. Зубы нежно впились в него, и капли сока потекли по его подбородку. Язычок Сусанны слизнул их. Шери не хотел больше ждать. Он никогда не был сторонником измен, но в глубине души чувствовал, что эта девушка достойна лучшего. Ради неё он готов был пойти против собственной совести. Взяв девушку за талию, он придвинул ее к себе, и их губы слились в страстном поцелуе. Набедренная повязка была больше не нужна Шери, и юбка его спасительницы была отброшена в сторону за ненужностью. Одним движением он повалил Сусанну на постель и заглянул ей в глаза. Его губы приникли к ее груди, заставив спину изогнуть-

ся от удовольствия. Его язык играл то с одним соском, то переключался на другой. Девушка опрокинула его на спину и, оказавшись сверху, начала целовать его лицо, шею, грудь, живот. Дойдя губами до живота, она остановилась на секунду и тут же опустилась ниже. Шери закрыл глаза от удовольствия и запустил левую руку в ее волосы. Оттягивая приближающийся оргазм, Шери в очередной раз придвинул ее к себе и, уложив на спину, поцеловал в губы. Их языки сплелись.

Несколько раз подряд они наслаждались друг другом. И во время каждого оргазма поднимающаяся по позвоночному столбу энергия, дойдя до сердечной чакры, делала поворот на девяносто градусов и выходила через спину. Нарисовав круг, она возвращалась в эту же чакру, но уже спереди, проходя через самую верхнюю чакру, находящуюся над головой. Необходимая для исцеления энергия не уходила в пространство, а циркулировала в тонких телах.

Много позже, измученные страстными половыми актами, оба рухнули на постель. Сусанна положила левую руку на грудь Шери и, закрыв глаза, пыталась отдышаться. Уставший Шери лежал на спине, закрыв глаза. Несколько минут они были не в силах произнести и пары слов. Многовековой сюжет повторился, и на смену солнечному дню пришла усыпанная звездами ночь.

Сусанна оперлась на правую руку, заглядывая в глаза Шери, а левая по-прежнему продолжала лежать на его груди.

— Шери, — спросила девушка осторожно, — а кто такая

Акси?

Сказать, что Шери растерялся, значит не сказать ничего. Сердце волнительно застучало, и вязкий ком подкатил к горлу. Он никогда не называл вслух этого имени.

— В те первые дни, когда ты был без сознания, ты постоянно повторял это имя, — пояснила Сусанна.

Шери чувствовал себя негодяем, обманувшим наивного ребенка. Выходит, что он врал ей все это время. Вот чем отблагодарил он свою спасительницу.

В голове вихрями крутились варианты ответа, но он не хотел лгать Сусанне.

— Это девушка, которую я очень люблю. Её имя Анхесенамон, — слова дались ему очень не просто. — Именно из-за нее я оказался в воде. Я никогда тебя не обманывал и все что я рассказывал тебе о моем служении в храме, это правда. Но я не говорил тебе о девушке, которую там встретил.

Сусанна отвернулась от него, и слеза скатилась по ее щеке. Несмотря на обиду, она понимала — Шери не виноват, что встретил Анхесенамон раньше. Но до этого момента девушка думала, что ей одной принадлежит сердце спасенного юноши, а сейчас она поняла, как сильно ошибалась. Слишком сильно она привязалась к этому симпатичному юноше за несколько дней. При мысли об этом слезы потоками хлынули по ее щекам. Она вскочила с постели, второпях одела повязку и выбежала из хижины.

Шери хотел догнать её, но не стал этого делать. С болью

в груди он отвернулся к стене и попытался заснуть, но этот короткий диалог с Сусанной постоянно прокручивался в его голове.

На красивой ткани виднелись капельки крови. Ужасное чувство, называемое совестью, заставило сжать зубы, обхватить руками голову и упереться лбом в стену.

Выбежав из хижины, Сусанна на мгновение остановилась, будто в раздумье, но тут же ноги все решили за неё и понесли к реке. С каждым шагом обида усиливалась. Босиком по камням она бежала к той части реки, где человек, разбивший ее сердце, не сможет отыскать ее. Только на берегу она вытерла заплаканные глаза своими маленькими ладошками. Приблизившись к реке, девушка, не останавливаясь, забежала по грудь в воду и принялась смывать слезы с лица. Холодная проточная вода смывала с нее обиду и разочарование. Около пятнадцати минут она стояла без движения, пытаясь найти свое отражение в черной воде. Обида уходила вместе с водой, и мысли становились ясней.

Она вышла из воды и села на камень. Луна и множество звезд нашли пристанище в ночной воде. Вся река была усеяна этими сверкающими точками.

Светлость мыслей давала возможность для размышления. Конечно, Шери не виноват, что встретил Анхесенамон раньше. Ей было не под силу заставить Шери разлюбить свою возлюбленную, и единственное, что она может сейчас делать, это довольствоваться тем, что имеет, а это не так мало. Еще

пройдет какое-то время, прежде чем Шери полностью поправится, и все это время она будет рядом, ухаживая за ним. Но после он наверняка отправится в город в надежде отыскать Анхесенамон. Она вздрогнула от этой мысли. «Кто знает, может, пройдет время, и Шери забудет эту девушку, не пойдет искать ее в город, а останется с ней», — потешила себя слабой надеждой Сусанна.

Так или иначе, именно она, Сусанна, рядом с Шери в данный момент, и это надо ценить. Надо думать не о том, что было вчера или минуту назад, что произойдет завтра или час спустя, надо быть «здесь и сейчас», надо радоваться каждому мгновению жизни, каждому её дыханию. Ведь не зря то, что было, называют «прошлым», то, что будет — «будущим», а то, что есть — «настоящим», где смысловой корень «стоящее». Останется с ней человек, которого она успела полюбить, или нет, уже не важно. Произойдет то, что должно произойти. У каждого свой жизненный путь.

Поняв это, девушка вернулась в хижину, где ждал виновник ее слез и переживаний. Увидев Сусанну, Шери начал просить прощение, говорить, что не имел никакого права так вести себя с ней.

— Все хорошо, — оборвала она его. — Это ты прости меня за мою гордыню и несдержанность. У тебя свой путь, а у меня свой. Просто в какой-то момент жизни наши дороги пересеклись. Каждый из нас подарил другому прекрасное время, наполненное незабываемыми чувствами, но пройдет

еще какое-то время, и они разойдутся, возможно, навсегда.

Шери знал: девушка абсолютно права. И сейчас, видя, что больше не причиняет ей боли, он перестал винить себя и успокоился.

— Где ты была? — спросил Шери, глядя на ее мокрые волосы.

— Купалась, — коротко ответила она и, собрав волосы в хвостик, выжала их, а потом вновь распустила.

Глядя на загорелое тело египтянина, ей стало интересно, кто эта Акси, наверняка когда-то целовавшая его нежные губы, обнимавшая его плечи, разделявшая с ним одну постель. Немного смущаясь, она все же набралась смелости и, набрав в легкие воздуха, задала свой вопрос, прозвучавший как два разных.

— Кто она? Что у вас с ней произошло, раз тебя арестовали?

— Анхесенамон... — начал он, но тут же задумался. Одно только ее имя заставляло забыть обо всем, — она верховная жрица храма в Та Уре, где я служил, — продолжил он после небольшой паузы. — Мы очень любили и продолжаем любить друг друга. Но понимаешь, Сусанна, все верховные жрецы дают обет безбрачия, прежде чем вступить в эту должность, и она не была исключением. Мы были счастливы какое-то время, пока нас не увидели вместе, — Шери решил говорить все, как есть, не боясь причинить боль Сусанне. Теперь он относился к ней как к хорошей знакомой. — Я

сразу сказал, что это моя вина, и, как любого, нарушившего закон, меня наказали, отправив к строителям пирамид. Разлука с любимой Анхесенамон была невыносима, и я решил-ся на побег. А дальше ты все и сама знаешь.

— А что Анхесенамон? Разве она не могла ничего сделать? Ведь она верховная жрица храма! — возмутилась Сусанна.

— Я просил ее, чтобы она не пыталась ничего делать, а иначе пострадать могли мы оба, — Шери всмотрелся в лицо девушки. В нем читалось удивление и осуждение. Он не хотел ничего доказывать, делая больно еще раз Сусанне, и лишь сказал: «Уже поздно. Давай спать».

— Давай, — согласилась Сусанна и, уже накинув на себя покрывало, спросила. — Ты можешь ответить мне честно на один вопрос?

— Конечно, — сказал Шери, слыша по голосу, насколько тяжело дается он ей.

— Я тебе совсем не нравлюсь? — вопрос был неожиданным и ввел юношу в некое волнение. Конечно, девушка нравилась ему, но ответ он утвердительно, это бы причинило Сусанне больше страдания, поскольку дало надежду на возможное продолжение отношений.

— Ты замечательная девушка, и, поверь, я бы влюбился в тебя без памяти, если бы не Анхесенамон. Но я хочу, чтобы ты знала, что за эти несколько дней ты стала очень близким для меня человеком и бесценным другом, — ответил

он как можно безразличнее, стараясь скрыть свои истинные чувства, и тут же силой воли приглушил в себе все ощущения страданий, идущие от девушки, стараясь не поддаваться слабине и не забрать сказанные слова обратно.

— Получается, что я не привлекаю тебя как девушка? — спросила Сусанна ничего незначащим голосом.

— Да, — выдавил из себя Шери, — я уже сказал, что ты хороший человек и я люблю тебя как человека, друга, но не более, — юноша понимал, что лучше, если она будет считать, что не привлекает его как девушка, не станет строить грез, которые потом разобьются, причинив нестерпимую боль разочарования.

Солнце давно спряталось за горизонт, и свет оставался гореть только в их хижине. Затушив огонек, они легли спать. Сусанна не легла рядом с ним, хотя Шери очень этого хотел, а вместо этого она оттащила свою постель к противоположной стене хижины и отвернулась. Ночью Шери проснулся единожды и слышал тихие всхлипы. Должно быть, ночная тоска заставила усомниться в доводах, обнажив болезненную рану в сердце.

На следующее утро Шери вновь проснулся ближе к обеду и провел весь оставшийся день, помогая Сусанне. Как помешанный, он постоянно думал о Сусанне. Он помогал ей, но даже не понимал, что делает, поскольку тело и ум не были взаимосвязаны. Каждое действие сопровождалось раздражающей сердце болью, и чем больше он смотрел на спаситель-

ницу, тем больше она притягивала его. Каждую секунду прошедшего накануне вечера он восстановил в мельчайших подробностях, со всеми чувствами и эмоциями.

Вечером они вернулись в хижину, и во время ужина Шери положил руку на бедро Сусанне. Девушка неуверенным движением убрала её и тихо сказала: «Шери, ты должен идти к Анхесенамон. Она ждет тебя. Неправильно, что ты здесь. Ты должен быть с ней». И она опустила глаза в пол, разглаживая помятую юбку.

Шери понимал головой, что любит Анхесенамон, но и Сусанна вызывала в нем нежные чувства, очень похожие на те, что он испытывал к Акси, с той лишь разницей, что они были словно обновлены.

Выйдя на улицу, Шери взглянул вверх, в небо. Через миллион дырочек в растянутом над головой темном навесе пробивался свет. Прямо над его головой величественно возвышалась огромная звезда Сириус в сопровождении своей свиты: трех стражей из пояса Ориона. Глядя на этого царя, охраняемого тремя великими воинами, чувство единения охватило Шери. Он вдруг ярко осознал себя звездами на небе, всем безграничным Космосом, шумевшей рекой, деревьями на берегу, воздухом. Он осознал, что он есть это «Всё». Он, Анхесенамон, Сусанна — одно целое, как и все остальные люди. Он понял, что все это, в том числе и они — части одного большого организма, именуемого Природой. Чувство Божественной Любви растеклось по телу, обволакивая каж-

дую клеточку и фибру души.

Ощущение всего мира заключенного в себе, и себя заключенного в весь мир, дало глубочайшее понимание: раз он, и Анхесенамон, и Сусанна — части одного, то как же он может потерять Сусанну, последовав зову своего сердца, пойдя к Анхесенамон. Сусанна — часть его самого, и она всегда будет внутри него, куда бы он ни пошел, и с кем бы он ни был. Она будет в нем, несмотря ни на что. Он понимал, что Сусанна была абсолютно права, говоря, что он должен идти. Он должен быть с той, которую любит, а не с той, с которой проще.

На улице было тихо, и хотелось побродить одному вдоль реки, почувствовать всю необъятность Природы. Когда Шери вернулся к хижине, Сусанны не было на улице. «Наверно, ушла спать», — решил он и расстроился, что им не придется пообщаться и что все сложилось так глупо. Костер горел, отбрасывая небольшой свет на хижину и лежащие вокруг него камни.

Потрескивая и покачивая пламенем, он приковывал внимание и гипнотизировал, погружая в себя. Юноша с неприятным осадком в груди сел у костра, и уже собрался лечь спать около него, когда почувствовал позади чье-то присутствие. Внезапные ощущения заставили обернуться. У стены хижины виднелся силуэт сидящего человека, и Шери осторожно подошел к нему ближе. Как же он был приятно удивлен, найдя там Сусанну, это наипрелестнейшее создание, си-

дящей на большом камне.

— Я думал, ты уже ушла спать, — сказал он ей, вставая на подставку для стирки белья, стоявшую напротив Сусанны.

— Нет, — произнесла она, и Шери понял, что девушка погружена в свои мысли и воспоминания, — так рано светает, и звезд почти уже не видно, — добавила она, продолжая смотреть вверх.

Шери посмотрел на небо и не мог с ней не согласиться. Несмотря на столь ранний час, уже начинало светать, и один край неба был слегка светлее остального. Шери подошел ближе и сел напротив. Какое-то время они смотрели друг на друга, а затем она улыбнулась, словно припомнив забавный случай из детства.

— Когда мы были маленькие, мы иногда не ложились спать до самого утра. Было так хорошо — ночь, а еще так светло, — и она приподняла бровки вверх, поиграла плечами, и одновременно с этим вытянула губки, и поводила ими из стороны в сторону.

Сердце вновь приятно заняло, как и каждый раз, когда он видел эти движения, однако он ничего не ответил ей, а только улыбнулся в ответ.

Они о чем-то разговаривали, но Шери даже не мог уловить сути диалога. Ему было очень хорошо в тот момент, и хотелось проявить к ней внимание, и хотя он прекрасно понимал, что она не ответит на заигрывания и после его обмана это неуместно, он намеренно, едва не опрокинул ее назад.

— Ах так? — сказала она, и, как только Шери вернул её в нормальное положение, схватила за подставку для стирки, стоявшую под ним, и подтянула к себе. Робость и неуверенность чувствовались в её взгляде и движениях.

— Нам завтра рано вставать. Иди спать, — сказала она и поднялась с камня, не обратив ни малейшего внимания на протянутую руку.

— Да не надо мне спать, — соврал Шери, — я уже все равно не смогу заснуть.

Ему было жаль и секунды попусту потраченного времени. Он чувствовал, что скоро ему придется уйти и увидятся они не скоро, а может, и вообще никогда. Шери стало плохо от этой мысли, и он сразу выбросил её из головы, радуясь тому, что сейчас Сусанна рядом.

Сусанна решила пойти спать, и египтянин предложил проводить её. Девушка не отказалась. Войдя в хижину, Шери поправил покрывало, и когда Сусанна пошла умываться, он попросил разрешения еще немного посидеть с ней, прежде чем она уснет. В ответ на это она предложила расстелить свою постель рядом, чтобы Шери мог спокойно лечь на пол и разговаривать с ней вместо того, чтобы лечь спать на улице, рядом с огнем. Шери не стал сопротивляться, понимая, что впереди их ждала удивительная ночь за разговором, и, умывшись, вернулся в хижину. Сусанна сидела в юбке на кровати, и свет, пробивающийся через щель между стеной и занавеской, падал на ее красивое личико и изящные плечи. «Са-

дись», — сказала она, похлопав рукой по настилу. Поправив занавеску, закрыв попадающий в хижину свет, он залез с ногами на постель и навалился спиной на стену. Сусанна попросила разрешения положить голову на плечо, и Шери разрешил. Несколько раз она перекадывалась, пока не устроилась головой на его ноге, и их глаза оказались в интимной близости друг от друга. Они разговаривали о чем-то, и он не смог удержаться, чтобы не провести тыльной стороной ладони по её красивому гладкому личику. Даже не встретив никакого сопротивления, он убрал свою руку от её лица и взял Сусанну за руку. Прележав так с какое-то время, Сусанна слегка приподнялась, сменила позу, и как только глаза сблизились на мгновение, Шери утонул в её страстном поцелуе. Это было неожиданно, но прекрасное чувство поцелуя с девушкой, которой он очень дорожил, сделали свое дело. Он чувствовал её слегка шероховатый язычок, игравший с ним, и голову начало кружить от удовольствия. Они целовались несколько минут, а может, и больше — в тот момент время изменило свой привычный ритм. Затем они оказались стоящими на коленях друг напротив друга, и Шери крепко обнял её. Он уже и не мечтал об этом, но Сусанна обняла его за плечи и уткнулась в шею. Послышались всхлипы.

— Ты смеешься? — спросил он, даже боясь предположить что-то другое, но, чувствуя, что это именно то, чего он боится.

В ответ она помотала головой. Шери попытался оторвать

ее от себя, заглянуть в глаза, но она крепко держалась за плечи и шею. Её всхлипы разрывали сердце. Он знал, что это его вина. Не надо было вообще подходить к ней, а тем более оставаться в одной хижине. Шери пытался успокоить её, целуя в шею и по возможности в щеки, но сделал этим только хуже, и они вновь слились в поцелуе. Спустя время она нехотя оторвала свои губы и сказала шепотом: «Мы ведь себя обманываем, а не только Анхесенамон. Я ведь чувствую, что тебя тоже тянет ко мне!» Она вытерла ладошками слезы.

— Сильно тянет, — сказал он, и они продолжили поцелуй. Стройное тело сводило с ума и без того больную от чувств голову.

— Как мы завтра в глаза друг другу смотреть будем? — спросила она.

— А вот так и будем, — и Шери приподнял голову и заглянул в её заплаканные глаза.

Она схватила покрывало и закрыла им лицо, но он убрал его и вновь поцеловал в губы.

— Помнишь, ты сказал, что я не привлекаю тебя как девушка и ты относишься ко мне как к другу? — спросила Су-санна.

— Я соврал. Я тебя очень... ценю, — едва не оговорился он, — но как девушка ты мне тоже безумно нравишься и привлекаешь.

Он и сейчас соврал ей, ведь Шери был уверен, что влюблен в неё.

Он гладил её обнаженное тело и одновременно не мог простить себе этого поступка.

— Прости! — в очередной раз сказала она.

— Это ты меня прости!

— Зачем я вообще тебя встретила?

— А ты? Зачеты ты вытащила меня из реки? Проплыл бы себе преспокойно и не тряся бы при каждой мимолетной встрече с тобой.

Она засмеялась, и руки сомкнулись на его шее еще крепче. Но этот веселый смех очень скоро сменился серьезно-стью.

— Кем ты теперь меня считаешь? Очередной наложницей, с которой ты проводишь время в своих храмах, или продажной девушкой?

— Сусанна, хорошая моя, мое отношение к тебе ничуть не изменилось. Я по-прежнему ценю тебя и очень боюсь потерять.

Шери говорил правду. Его передернуло при мысли, что может больше не увидеть её, и еще крепче обнял стройное тело.

— Знаешь, чего я больше всего боюсь? — спросил Шери.

— Чего?

— Потерять тебя и не общаться с тобой! Пообещай, что все останется как прежде. Что позволишь мне приходить к тебе в селение и общаться с тобой после того, как я вернусь в храм.

Для Шери было страшнее любых испытаний остаться без Сусанны, и даже мысль об этом вызывала тоскливую панику в душе.

— Конечно, останется! — и она поцеловала его в щеку. — Как-то раз, мама сказала мне, что самое главное ценить и любить саму себя. И я хорошо отношусь к себе, чтобы быть любовницей.

Шери оставил это не то предложение, не то жалобу без внимания.

— Прости меня за слабинку и, пожалуйста, пообещай, что это был последний раз, — произнесла девушка, пытаясь заглянуть в глаза.

Шери молчал. Она повторила еще раз, но Шери снова молчал. Ему не хотелось давать обещания, которые он не хотел выполнять.

— Тогда я сама пообещаю, что больше этого не повторится.

Около часу они лежали и разговаривали, обнимались, целовались. Солнце уже начало вставать, когда Сусанна отвернулась к стене, прижавшись к Шери спиной, и предложила спать. Шери понимал, что, возможно, всего второй и последний раз гладит это шелковое тело, прижимается к ней да и просто лежит рядом. От этого становилось больно. Он закрыл глаза и уснул, крепко обняв Сусанну за талию. Происходящее было дико для него. У него была удивительная Анхесенамон, которую он любил, но стену готов был царапать

от тоски по другой.

Сон был короткий, всего около часу. Когда Шери проснулся, солнце поднялось на горизонте. Сусанна по-прежнему лежала перед ним, и слегка мокрая челка свисала на лоб, а курносенький носик посапывал. Полежав еще несколько минут, любуясь этим спящим ангелом, юноша аккуратно поднялся и, стараясь не разбудить её, вышел из комнаты. Если бы он задержался там еще хоть на минуту, то обязательно бы разревелся.

Жизнь — это игра, в которой все кажется простым, и мы входим в неё с мыслями, что нам все по плечу, но, оказавшись внутри игры, чувства, переживания, желание выделиться и все остальное, затягивают нас, и мы забываем, что это всего на всего игра.

Любовь делает из человека раба. Но не та любовь, которой любят дети этот мир, едва родившись, и как взрослые должны научиться любить все вокруг, просто так, за то, что оно есть, и назвать это чувство можно Вселенской, Безусловной Любовью, а та, которую один человек испытывает к другому за красоту, или сексуальную привлекательность, или за что-то еще. Разница между двумя омонимами «любовь» и «Любовь» огромна — одна превращает в эгоистов и рабов, порабащая нас, другая освобождает. Нет чувств страшнее любви. Даже смерть не страшна в момент, когда любовь разрывает твое сердце пополам. Не страшно умереть, страшно жить в подобных страданиях. Нет ничего страшнее, чем находить-

ся рядом с человеком и осознавать, что вместе вам не суждено быть. Эти страдания копятся в тебе целыми днями, а ночами, когда остаешься один, слезами обида вырывается из глаз и груди, освобождая тебя лишь на время от своего присутствия, но с наступлением утра вновь начинают копиться в груди, начиная новый круг.

— Спасибо тебе за все, — поблагодарил Шери, когда Сусанна проснулась и вышла из хижины, и в ответ на её удивленный взгляд, добавил, — я ухожу в город.

Её серые глаза с грустью смотрели на него, и казалось, Сусанна не верит в происходящее. Прядь русых волос аккуратно лежала на лбу, и прямые волосы рассыпались по плечам. Легонько шмыгнув носиком, она вновь задумчиво поводила губками и опустила глаза. Этот взгляд не был похож на божественный или ангельский, сходный с взглядом Анхесенамон, но был душераздирающе мил и вызывал в сердце нервный трепет. Самостоятельность, гордость и независимость были видны в нем, но почему же при всей её силе и гордости она пошла против себя, своей чести, еще раз сблизившись с Шери, зная что у него есть другая? Шери не мог понять причины, побудившие её поступить так, и на ум приходили только два варианта: или она решила использовать последний шанс, пытаясь удержать юношу от возвращения к сопернице при помощи секса, но в последний момент не решилась, или она так сильно его полюбила.

Взяв кусок лепешки, оставленный Сусанной, он отправил-

ся в путь, следуя тонкой энергии, соединяющей его сердце с сердцем возлюбленной. По подсчетам, если он поторопится, то примерно через пару дней будет уже у входа в город.

В общей сложности Шери провел в хижине около пяти дней. За это время его наверняка перестали искать даже те, кто не верил в его смерть после прыжка в реку. Но он знал, что есть один человек, который ждет и верит в его возвращение.

Целый день он шел дорогой, которой вели его стражи. Давно миновав мост, спасший его от лагеря строителей пирамид, он шел, оставляя за спиной кустарники, песок, людей. Изредка на его пути встречались змеи, gekконы, агамы, а однажды с песчаного холма он увидел огромного варана. Иногда над его головой пролетал сарыч, не давая Шери чувствовать себя одиноким. Все его мысли были связаны только с Анхесенамон и Сусанной.

Небо над головой было чистейшим. Ни одного даже малейшего намека на облачко — от горизонта до горизонта. Палящее солнце делало возвращение особенно мучительным, но любовь способна преодолеть любые препятствия. Нет испытаний, способных сломить чистую истинную бескорыстную любовь.

Среди волнообразных форм пустыни, растянувшихся вокруг на множество недель пеших прогулок, возник долгожданный оазис. Высокие пальмы отбрасывали прохладную тень на зеленую траву. Среди множества высоких зеленых

кустов нашли себе дом тысячи насекомых и мелких животных. Этот островок жизни смотрелся неестественно красочно посреди безжизненной пустыни. Чем меньше оставалось до оазиса, тем сильнее ощущалась его прохлада и свежесть.

Измученный жарой Шери добрался до живительного оазиса, и, попав под тенистую прохладу, закрыл глаза, и упал на траву. Вытянув ослабшие ноги, ему казалось, что они были от этого длительного перехода. Думать ни о чем не хотелось, а хотелось только лежать и спать под живительными деревьями, но любовь подгоняла вперед. Набравшись сил, он продолжил путь.

Шери ломал себе голову: за что судьба уготовила такое испытание? Душу, сердце разрывало надвое. Одна часть была с Акси, другая — с Сусанной. Наверху слышался чей-то крик, он поднял голову и увидел летящих по небу птиц. Терпеть душевную боль было неважготу. Он упал на колени и взмолился, прося птиц забрать одну любовь с собой. Казалась бы, любовь должна окрылять, но она доставляла только боль и страдания. Птицы летели в сторону деревни, из которой он недавно ушел. Птиц было много, и если бы каждая взяла, хотя бы по граммe его любви в эмоциональном эквиваленте, ему стало значительно легче. «За что? За какое наказание дано такое?» — думал он. Любовь и мечты сходны между собой, но в данном случае мечты Шери были невыполнимы. Третий не мог присутствовать в любовной паре.

У них было небо одно на троих, земля одна на троих, род-

ной Египет, способный вместить эту странную любовь, но вот только традиции, устоявшиеся нормы, не могли вместить троичную любовь. Они дышали одним воздухом, ступали по песку, но в то же время все трое были разные. Шери понял, что симпатизирует Сусанне, еще живя рядом с ней, однако только сейчас он осознал, что любит её и насколько тяжело находиться вдалеке от этой любви.

Ночлег хотелось отложить как можно дальше, чтобы проснуться поближе к Анхесенамон. Чувства его скакали между двух девушек и не могли разобрать, какая же из них милее сердцу. Порой Шери ловил себя на мысли, что возвращается к Анхесенамон, словно следуя какому-то долгу и порядочности, а вовсе не оттого, что любит.

Вечером солнце село за горизонт и идти стало значительно легче. Ветер обдувал тело, придавая силы, и голову уже не пекло. Пройдя еще какое-то время под черным небом и под пристальным наблюдением Сириуса с его стражами, Шери сел на песок и, достав лепешку, устремил взгляд в звездное небо. Он вспомнил взгляд, брошенный на него Сусанной в последний момент их встречи. Как же много в нем было тоски по пролетевшим дням и сожаления по времени, которому никогда не бывать.

С удовольствием съев засохшую на палящем солнце лепешку, он лег на песок и закрыл глаза...

...Поднявшись, Шери огляделся. Все было без изменений. То же звездное небо. Тот же берег Нила. Та же река.

Он посмотрел в направлении хижины Сусанны, находившейся далеко позади. Желание увидеть спасительницу подняло его над землей и понесло напрямик к ней. Шери на огромной скорости летел над деревьями и спящими хижинами, дикими животными и стремящейся к морю бегущей рекой. Воздух свистел в ушах. Очень скоро он увидел знакомое селение, и ощущение притяжения само поднесло его к нужной хижине.

Шери остановился возле тлеющих головешек в нерешимости зайти внутрь. Лишь мгновение спустя он сделал шаг вперед и оказался внутри.

Сусанна сидела на полу, прислонившись к стене, и всхлипывала, закрыв глаза ладошками. Вокруг неё плавали красновато-коричневые пятна тоски и отчаяния. Подойдя к ней, он сел напротив. Тонкие пальчики, руки, плечи, волосы, привлекали его. Девушка осторожно убрала ладони от лица и заплаканными глазами посмотрела сквозь него. Её мысли находили отражение в сознании Шери. Не словами, а образами и чувствами Шери ощущал её мысли.

Острое чувство тревоги резко выдернуло Шери из хижины и на бешеной скорости потянуло обратно. Натянута нить жизни сокращала расстояние, и уже через несколько мгновений Шери увидел свое тело. Он влетел в него левым боком, и сердце стало медленно и с большим усилием сокращаться, с каждым ударом наращивая скорость, входя в обычный ритм. Резко вскочив на ноги, он огляделся. Вокруг все было спо-

койно. Энергичные махи руками согрели немного остывшее тело. Что же заставило его вернуться? Не заметив ничего подозрительного, он лег обратно.

Проведя несколько дней в медитациях, способных пополнить силы, он, наконец, набрал достаточно энергии для осознанного выхода из тела, но отправился не к любимой Анхесенамон, а к милой сердцу Сусанне, хотя какая из них была любима больше, он уже не понимал. Шери вообще перестал понимать свои чувства, и все больше сходил на том, что любит их обеих. И, хотя всегда ясная голова соглашалась с ночными мыслями о всеобщем единстве, что он, Сусанна и Анхесенамон — части одного, чувства упрямо шли с ней вразрез.

Проснувшись рано утром от прикосновения лучей солнца, он встал и продолжил путь. Тело уже не болело, и раны не напоминали о себе. Эмоциональный резервуар в его груди был переполнен двойственными, несовместимыми чувствами — приятное трепещущее ощущение встречи с Анхесенамон, и тоской по оставшейся позади Сусанне. Видимое однообразие местности, по которой он шёл, вполне компенсировалось глубокими внутренними переживаниями. Чем ближе он приближался к городу, тем чаще и громче становились удары его беспокойного сердца, и тем отчетливее он ощущал невидимую нить любви.

Запинаясь о камни, он целеустремленно двигался вперед. Неожиданно налетавший ветерок трепал его волосы, песок

ел глаза. Впереди показался островок из пальм. Стадо антилоп пришло к реке попить воды. Непуганые, они не обращали на человека ни малейшего внимания. Под голубым небом плыли белые пушистые облака. Река по-прежнему шумела слева.

Островок леса уже совсем рядом. Манит своей тенистой прохладой. Ступив в него, Шери закрыл глаза и на мгновение остановился. Прохладный ветерок обдувал его уставшее тело и предлагал остаться передохнуть. Ему нельзя останавливаться.

Собрав волю, Шери с усилием сделал шаг. Тело хочет отдыха, но он противится. Трава и кустарники, растущие рядом с пальмами, выше человеческого роста. Шери приходится пробираться сквозь них. Эти огромные растения царапают кожу, но им не под силу удержать идущего к своей цели жреца.

Шери пробирался сквозь высокую траву и совсем не смотрел под ноги. Громкий писк, и что-то мягкое и пушистое вынырнуло из-под его ноги. Сквозь густую растительность Шери успевает заметить ихневмона. Уснувший на пути жреца еще один мангуст побежал в сторону реки. Небольшой подъем, и заросли становятся более редкими. Крутой спуск, и Шери уже спокойно проходит сквозь них.

Нечеловеческий смех раздается над головой. Два павиана смеются над уставшим Шери и, перебираясь по веткам, бегут параллельно с ним. Пытаются передразнивать его. Кидаются

листьями. Жуют бананы.

Шери поймал себя на мысли, что не ел со вчерашнего вечера. С того самого момента, как перед сном съел лепешку, заботливо оставленную Сусанной.

Впереди виден изгиб реки. Скоро закончится тенистая прохлада и вновь начнется изматывающая жара. Шери пытается надышаться прохладным воздухом. Последние шаги... и опять горячие лучи солнца попадают на кожу. Сначала согреваются, а потом и обжигают.

Шери вышел из оазиса и оказался возле реки. Едва не попал в зубы огромному крокодилу, выползшему из воды погреться на солнце. Ничто не дрогнуло внутри. Чуть замедлив шаг, Шери обошел его сзади.

Ни на минуту не останавливаясь, он шел и шел. Усталость в ногах сменилась неуправляемостью. Ноги двигались сами по себе.

Он уже почти не размышлял, а только чувствовал какую-то внутреннюю разорванность и ловил себя на мысли, что, может, она не такая уж и чистая, эта любовь к Анхесемамон, раз он так много думает о Сусанне.

Уже стемнело. Абидос он увидел издалека. Чувство голода и усталость отступили, и Шери зашагал быстрее. Будучи одним из самых больших городов Египта, в Та Ур со стороны реки направлялись лодки, груженные товаром: зерном, золотом, рабами, — а со стороны суши — повозки.

Соблюдая осторожность, Шери проник в город, миновав

стражу, и поспешил к храму. Стараясь не попадать на глаза людям, он пробирался по темным, освещенным лишь звездами и луной улицам. Обойдя стороной рынок с толпой народу, несмотря на вечернее время, он приблизился к храму.

Огромные колонны, возвышавшиеся перед входом в храм, встречали его в этот раз не так приветливо, как это было в день его первого появления в Та Уре. Перед колоннами горели костры, освещаая стражей и площадь перед храмом. Идти через главный вход было безумием, и Шери решил обойти храм и попытаться найти другой вход. Тот вход через древний храм был и остаётся единственным спасением от чужих глаз. Именно он провожал и встречал Шери и Анхесенамон в их последний вечер, когда они, сбежав из храма, наслаждались горячей лепешкой и общением. Сейчас этот потайной вход был для Шери единственным спасением.

Осторожно обогнув храм, Шери шел вдоль стены, заглядывая в окна, надеясь увидеть Анхесенамон.

— Вор! Вор! — услышал он женский голос. — Держи его!

Шери обернулся. В темноте он увидел, как из-за угла соседнего дома выбежал мужчина, пряча что-то под рубашку, и устремился прямо на него, но, увидев молодого человека, растерялся и свернул в соседнюю улицу. В этот самый момент, откуда выбежал человек, появилась женщина и высокий мужчина с копьем в руке. Шери не мог разглядеть их, но он сразу догадался, что перед ним был стражник.

— Вон он! Держи его! — закричала женщина и указала

пальцем на ничего не понимающего Шери.

Ему было не до объяснений. Если его схватят, то обязательно убьют. Выход был один — бежать.

Мышцы напряглись, и Шери сделал несколько шагов, как вдруг почувствовал резкий колющий удар в живот, отбросивший его назад. Он упал. Судорожно трясущие руки обхватили рукоять брошенного копья. В глазах темнело, и сияющие на черном небе звезды стали меркнуть. Боль потихоньку отступала, и Шери почувствовал необычайную легкость, как тогда в Пирамиде. Он увидел как к нему, лежащему на земле, подбежал страж и женщина.

— Это не он, — сказала женщина, вглядываясь в мертвое лицо. — Тот был в рубашке.

Судьба есть судьба, но мы, люди, даже понимая это, очень часто хотим насильственно притянуть её к себе, забывая, что свою судьбу мы когда-то выбрали сами, и сейчас её уже не изменить.

Шери выполнил свою земную миссию еще в Великой Пирамиде. Больше на Земле в этом теле он был не нужен. Находясь «между небом и землей», Шери вспомнил, кто он есть в действительности. Он вспомнил момент, как пройдя инициацию в Пирамиде, внутренний голос подсказал ему идти служить в храм, находившейся в Та Уре. Конечно, эта часть его сознания знала, что там произойдет, и намеренно вывела на финальную прямую его недолгой жизни в роли египтянина Шери, чтобы он поскорее закончил один из первых актов

этой Игры и, сменив роль, начал следующий.

ГЛАВА 3

АЛЕКСАНДР — БЕЗВОЛЬНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

Прекрасные полуобнаженные девушки и юноши парили в незнакомом танце, при каждом удобном случае бросая робкие взгляды в его сторону. Двигаясь одновременно в такт музыки и внутренних порывов, они кружили босиком на белом мраморном полу огромного дворцового зала, усыпанному цветами и диковинными травами. Гибкие тела танцующих изгибались в ритме танца, соприкасаясь между собой, они выдавали удивительные па. Грация и изящество переполняли эфебов, приковывая к себе зачарованные взгляды прибывших издалека гостей. Певцы исполняли дифирамбы, в честь победителя и его войска, а винные реки текли по столам, доверху наполняя кубки пирующих. Слуги ходили вокруг стола, поднося все новые, до сей поры невиданные яства и при каждом удобном случае наполняя кубки гостей вкуснейшим вином из царского погреба.

Птолемей схватил проходившую рядом служанку и посадил рядом, несмотря на робкие попытки вырваться из крепких объятий. Его руки с силой удерживали её, совершая

непристойные действия. Грубость и хамство товарищей выглядело вульгарно на фоне царившей вокруг красоты, грации и изящества.

Золотой кубок, наполненный вкуснейшим вином, стоял у него перед глазами. Взяв его в руку, он поднес кубок к губам и сделал добротный глоток, продолжая наблюдать за театральными действиями, устроенными в его честь.

Непослушной рукой он попытался поставить золотой кубок, украшенный драгоценными камнями, на стол, но обмякшая рука плетью повисла вдоль туловища, так и не донеся кубок с остатками красного вина. Звонкий звук упавшего на каменный пол кубка пробил слуховую пелену и тут же смолк в тошнотворном головокружении. Холодный пот засочился из ослабшего тела, и яркое убранство зала стало тускнеть. Засуетившиеся в комнате люди стали расплываться, пока едва пробивающийся сквозь мутную пелену свет не сменился тьмой.

Сквозь тьму он видел, что не может скрыть от него ни время, ни память, ни враги...

Еще совсем ребенком он учился драться со своими товарищами под руководством лучших учителей-воинов. Они обучали его жить и выживать. Физическая боль была его постоянной спутницей, не оставлявшей надолго в одиночестве. Страстная потребность в физических упражнениях не уступала место лени и безделью — казалось, все его детство расписано по минутам. Он всегда хотел быть лучшим во всем, и

это заставляло двигаться только вперед, не останавливаясь и не оглядываясь назад. Иногда, сбавив темп в самосовершенствовании, он, словно боясь чего-то не успеть, набирал еще большую скорость и занимался более усердно, чем прежде.

— Делай то, что приказываешь своим людям, и тогда они пойдут за тобой! Великим нельзя родиться, великим нужно стать! — твердили его учителя.

Слова наставников сменились выложенной мозаикой карты мира, который они знали, с отделенными друг от друга странами. Тогда он не мог представить, как персы могли завоевать большую часть всех земель на этой карте, оставив его родной Греции лишь маленький клочок суши. Именно тогда и зародилась мысль о покорении непокоренного — отправиться на восток, славившийся своей жестокостью и пожиравший всех идущих на него, и доказать варварам, что только Греция достойна править миром.

В тот безоблачный день солнце уже стояло в зените, когда Александр бежал в кожаных сандалиях на рынок, где его отец Филипп отбирал лучших лошадей в царскую конюшню. После того, как уроки владения мечом и беседы с почитаемыми и горячо любимыми учителями были позади, ничего не мешало Александру лицезреть этих больших сильных животных. Их красота и грация всегда вызывали в десятилетнем Александре необычайное чувство восторга.

Мягкая сочная зеленая трава приятно пружинила под ногами мальчика, придавая силы и без того мощным ногам. Ру-

сые вьющиеся волосы развивались под дуновением встречного ветра. Легко взбежав на высокий холм, он увидел огибавшую его дорогу, по которой гнали лошадей, и рыночную площадь. Можно было бы побежать и по дороге, но по прямой, через горку, было в разы короче. Не останавливаясь, он бежал по холму напрямик к рынку, представляя, как обгоняет скачущих справа по дороге коней. Мчись вперед, он перепрыгивал через попадавшиеся валуны и оббегал пасущихся овец. Его родная Пелла осталась позади. Уже спускаясь с холма, он увидел угрюмое лицо отца, царственно восседавшего на троне у самого загона. По выражению лица было сразу ясно, что он недоволен скакунами, которых предлагали ему торговцы, — губы его были сжаты, лицо напряжено, а кисти рук сжаты в кулаки. Одного его взгляда в сторону торговцев было достаточно, чтобы понять, что пришло время показывать следующего скакуна.

Вокруг вольера собралось много людей, пришедших сюда посмотреть на лучших во всей Греции коней, которых пришли показать царю Филиппу. Просочившись сквозь толпу, царевич встал к самому заграждению. Отсюда он хорошо видел и своего отца с близкими друзьями, и мать, сидевшую неподалеку, и весь вольер с окружавшими его зрителями.

С противоположной стороны торговцы начищали до блеска лошадей, чтобы те предстали во всей красе. Кони терлись друг об друга боками, ржали и мотали красивыми гривами.

Закончив последние приготовления, человек в грязносе-

ром хитоне взял под уздцы крупного черного ахалтекинско-го жеребца и вывел в центр вольера. Конь брыкался и вы-рывался из сильных рук своего хозяина, противясь ему. Со-фолк, один из охранников царя, зашел в вольер, но Филипп жестом остановил и, повернувшись к своему близкому дру-гу, сказал:

— Попробуй ты, Клит. У этого скакуна скверный нрав, а ты потрясающий наездник, и если уж ты не оседлаешь его, то никому это будет не по силам.

Клит поднялся со своего места и, отстегнув меч, медлен-ной уверенной походкой подошел к вольеру. Перепрыгнув через ограждение, он под одобряющие крики толпы напра-вился к жеребцу. Уверенность ощущалась в каждом его ша-ге.

Александр знал, что Клит — лучший из всех воинов Гре-ции. Он правая рука царя и преданный друг. Через множе-ство сражений прошли Филипп и Клит, выручая друг друга и приходя на помощь в самых опасных ситуациях.

Солнце зашло за одиноко блуждающее облачко, и строп-тивный жеребец несколько успокоился. Сильными ногами ступал Клит по стоптанной траве, подходя к спокойно сто-ящему животному. Чем ближе подходил Клит, тем больше ощущалось волнение этого огромного животного: конь от-ходил назад и мотал головой, недовольно фыркая. Подойдя вплотную, Клит протянул руку, и торговец передал ему по-водья. Именно в этот момент, на беду Клита, солнце вышло

из-за облака, и жеребец встал на дыбы, потянув за собой и воина. Все тело Клита напряглось. Схватив поводья двумя руками, он потянул их к земле, встав на одно колено. Всем телом пытался он придавить поводья, заставив жеребца вернуться на землю, но животное сопротивлялось еще сильнее, снова и снова вставая на дыбы и не давая возможности взобраться на себя.

Гордость, честь, любовь к свободе ощутил Александр в этом нестигаемом животном. Ему захотелось подружиться с ним.

Долго продолжалось противостояние свободолюбия и порабощения. Раз за разом пытался Клит оседлать скакуна, раз за разом животное выходило победителем из противостояния.

— Это животное не поддается тренировке. Не трать на него время и силы, Клит, — раздался голос царя Филиппа.

— Впервые приходится видеть столь строптивое животное, — отшутился Клит и в очередной раз попытался запрыгнуть на жеребца.

Конь взбрыкнул и не успевший закрепиться наездник упал на землю, едва не оказавшись под копытами. Среагировав и увернувшись, Клит поднялся и демонстративно, повернувшись спиной к животному, уже не столь уверенной походкой, как прежде, направился к выходу из вольера. Александр не видел лица, так как друг отца был к нему спиной, но он хорошо знал Клита и предполагал, что Клит очень рас-

строился из-за этого досадного поражения, и даже возможно бранит животное, но всем своим видом он показывает свою невозмутимость, а, возможно, даже улыбается.

Любого другого человека толпа бы освистала, но не Кли-та, прославленного воина и защитника Греции. То, что он не справился с животным, еще не делает из столь авторитетно-го человека, неоднократно проявившего себя в бою, плохого воина. Каждый имеет право на маленькие промахи, тем бо-лее когда эти промахи не играют никакой роли.

Клит перемахнул через барьер и вернулся на свое преж-нее место, неохотно помахав аплодирующей ему толпе. Ему было неловко за проигранное противостояние.

Для Александра Клит был не только кумиром, которому Александр хотел подражать, но и человеком, которого Алек-сандр хотел превзойти. Ему хотелось, чтобы отец гордился им, в той же мере, в какой гордился Клитом, всегда ставя в пример всем воинам, несмотря на тот факт, что царь не любил когда кто-нибудь в чем-то превосходил его. Видимо, дружба была для царя превыше собственной гордыни.

Когда внимание Александра вернулось обратно в вольер, он увидели скачущее животное и его хозяина, пытавшегося поймать за уздцы своенравного скакуна. Оно скакало, пока-зывая всем свою самостоятельность и гордость.

Чувствуя острую необходимость в каких-то действиях, Александр нагнулся, пролез под ограждением, нижняя бал-ка которого располагалась на уровне груди, и медленно на-

чал приближаться к необузданному животному, державшемуся от него на большом расстоянии. Чем ближе он подходил, тем ярче животное показывало свою независимость — брыкалось и вставало на дыбы, не давая возможности приблизиться. В голову Александра стали закрадываться мысли: «А вдруг конь затопчет меня или лягнет?» Мозг рисовал картины мучительной смерти. Александр остановился. В нерешительности стоял он перед молчавшей толпой людей. Забравшийся в сердце страх смерти остановил его порыв. Животное в это время продолжало скакать вокруг мальчика в вольном танце. С опасением он бросил взгляд в сторону своих родителей. Отец сидел, наклонившись вперед, внимательно наблюдая за происходящим. Его друзья, позабыв о разговорах, сосредоточились на разворачивающемся действии. Мать встала места и, правой рукой прикрыв рот, а левой придерживая правую руку, стояла не шелохнувшись. В глазах каждого из родителей читались разные эмоции: отец словно говорил: «Наконец мой сын стал мужчиной, способным самостоятельно принимать решения». А мать говорила: «Если уж ты принял это решение, будь осторожен и не сомневайся в своих поступках».

«Никогда не сомневайся!» — вспыхнули в голове слова, сказанные когда-то давно матерью. Выпрямив спину, он вновь начал приближаться к животному медленно, но с полной уверенностью в себе. Плавнo переступая шаг за шагом, стараясь не вспугнуть, он подходил к коню на близкое рас-

стояние. Оказавшись рядом, Александр погладил красивую морду животного и медленно повернув его к солнцу, начал говорить что-то — что именно, он не мог вспомнить. Что бы то ни было, животное послушалось его и подпустило еще ближе.

Александр гладил уже спокойно стоявшего коня и разговаривал с ним. Животное чувствовало уверенность и дружелюбие мальчика. Александр не хотел покорять его, он хотел подружиться с ним. И конь ответил согласием на это предложение, позволив запрыгнуть на себя.

Александр продолжал гладить его до тех пор, пока не ощутил, что чувствует животное. Спустя минуту они оба ощущали друг друга, словно знакомы много лет.

Собравшийся народ хлопал своему будущему царю. Александр был горд, что доказал всем и в особенности своему отцу, что тоже что-то может, несмотря на юный возраст. Это была первая яркая победа, с которой он приобрел и преданного друга — Буцефала. Царевич доказал, что нет ничего невозможного и все ему по силам. Слова «Никогда не сомневайся!» стали навсегда сопутствующим девизом.

Время бежало быстро в каждодневных занятиях и тренировках, оставляя лишь крупицу времени для праздных развлечений. Однако тяга к знаниям была превыше пустого времяпрепровождения, и это время Александр любил проводить со своим учителем Аристотелем за непринужденной беседой. Будучи великолепным рассказчиком, Аристотель

умел заинтересовать своего ученика, а Александр в свою очередь слушал Аристотеля с таким живым интересом, с каким могут слушать только дети: не дыша, боясь пропустить и слово из сказанного, и подобно губке впитывая все услышанное.

Несколькими месяцами ранее Аристотель получил приглашение от царя Филиппа стать придворным учителем для юного царевича. Прибыв ко двору, он увидел талантливейшего тринадцатилетнего юношу с голубыми глазами, наполненными небесной ясностью и магнетизмом. Желание жить и узнавать проявлялось в их небесной синеве.

— Глаза — зеркало души человека, — сказал Аристотель при первой встрече с Филиппом. — Мальчика ждет большое будущее, если он правильно распорядится своими силами. Это можно с уверенностью говорить уже сейчас, — повторил он через несколько дней после знакомства Филиппу, что вызвало в суровом правителе гордость и заставило улыбнуться.

— Для этого я и попросил именно тебя стать его учителем, — ответил Филипп.

Время для более близкого знакомства между Аристотелем и его учеником пришло очень скоро. Спустя несколько дней после прибытия во дворец к Аристотелю прибежала царица. Она была очень взволнованна. Голос её дрожал, и не могла она внятно сказать, что все-таки произошло. Оторвавшись от книг, Аристотель жестом попросил, чтобы она указала на причину своих волнений. Почти бегом Олимпи-

ада бежала по коридорам дворца в сторону комнаты Александра. Видя переживания женщины, Аристотель сам взволновался не на шутку. Возле дверей в комнату мальчика уже сустились слуги, но увидев Олимпиаду, они отбежали в сторону, боясь оказаться в немилости.

Вбежав внутрь, Аристотель застал неприятную картину. Много повидал он на своем жизненном пути, однако столь жалостливой ситуации он не видел. Озорство и тяга к жизни покинули мальчика. Бледный и неподвижный лежал он на большой кровати в окружении растерявшейся прислуги, не знавшей, что им делать и как помочь ребенку. Только глазами Александр бегал по комнате, следя за происходящим. Они уже не были полны того магнетизма, который был в них еще несколько дней назад, и лишь боль и усталость читались в них сейчас. Все силы бросил организм на восстановление. Страшный недуг мучил мальчика, истязая нападками его самого и мать, всем сердцем переживающую за свое чадо. С болью смотрел Аристотель на Олимпиаду. Она не знала, что ей предпринять и как помочь своему ребенку. Руки и голос этой сильной женщины дрожали, ведь слабые места есть у всех, а у каждой любящей матери уязвимое место — это её ребенок. Каждую царапину, полученную ребенком, мать принимает ближе, чем свою.

Постояв немного рядом с кроватью Александра, Аристотель попросил всех удалиться, и, оставшись наедине с больным мальчиком, сел на краешек кровати, и еще раз взглянул

в его глаза. Все та же усталость и боль отражались в них.

— Разреши мне рассказать тебе одну историю, произошедшую давным-давно, когда не было еще ни тебя, ни твоих родителей, когда люди только появились и стали жить на земле, — начал свой рассказ Аристотель.

Александр молча моргнул глазами, показывая что готов слушать. Каждое движение причиняло ему боль.

— В то время ступили боги на землю по поручению Зевса. Была на земле у них важная миссия — собирать золото. Долго трудились они, орудуя киркой и другими инструментами, пока не надоело им все это. Взбунтовались они, и решил Зевс — верховный бог — создать им помощников. Подумал — и создал человека. Создал человека для примитивной тяжелой физической работы и оставил других богов приглядывать за своими созданиями. Время шло, люди работали, и золота в недрах земли становилось все меньше — выкопали все. Пришло время покинуть насиженное место, и встал вопрос о том, что делать с детьми своими — человеками. Долго боги думали. Хотели даже убить, но потом решили оставить здесь. А как же можно детей без присмотра оставлять? Кто-то же должен их уму разуму учить? Ведь развитие у них тогда было такое, как у новорожденного тельца. А развиваться им надо было обязательно! Зачем тогда надо было их вообще оставлять в живых? Стали жребий тянуть: кто из богов станет нянькой. Никто не хотел оставаться на чужой земле. Все хотели домой. Жребий пал на бога по имени Недуг. Де-

лать нечего — все были в равной ситуации — пришлось ему оставаться. А чтобы проще было за детьми присматривать, создал он много маленьких существ, и назвал их разными именами, и наделил их разными характерами. Но было и одно общее у них имя — болячка. Приказал он, так как был их создателем, вселяться в каждого человека, мысли, чувства, желания и эмоции которого будут низки, отвратительны и жестоки, и мучить его до тех пор, пока не поймет человек причину появления болячек и не начнет исправляться. Мысли, чувства, эмоции и желания — четыре главных фактора, создающих благоприятную среду для развития болезни в каждом человеке. Болячки свое дело усвоили быстро, и в каждого, нарушившего негласный закон, они вселялись и начинали накапливать яд. Чем больше злобы кипело в человеке, тем больше силы они обретали. Похоть, жадность, эгоизм, скупость, тщеславие — все это делало и делает человека уязвимым для болячек. И уж поверь мне, мой юный друг, никто не спрячется от их внимания. В каждом находят они местечко для приюта. И маленькая болячка, называемая, например, насморк, перерастет в серьезное заболевание, так как со временем она будет развиваться, накапливать яд, и этого яда хватит на большую болезнь. Но есть вещи, которых боятся не только болячки, но даже сам бог Недуг, — это радость, веселое настроение, Любовь. И не радость или веселое настроение от чужого горя, а радость от того, когда хорошо другим. Каждая положительная эмоция исцеляет те-

ло и душу человека. Болячки это знают и провоцируют на вспыльчивость, нервозность. Еще одним и последним способом избавления от болезни является осознание греховности, и покаяние может избавить человека от Недуга. Если бы ты знал, как быстро распространяется болезнь в твоём теле, когда ты переполнен ненавистью, завистью и злобой. От подобных эмоций болезнь получает живительную силу. Болячка поселяется в тех, кто подкармливает её.

— Но ведь хорошие люди тоже болеют, — с трудом выдавил из себя Александр.

Аристотель погладил одеяло, под которым лежал ослабленный царевич, и легким кивком показал, что услышал его.

— Совершенно верное замечание. Хорошие люди тоже болеют. Ты прав. На то тоже есть причина. Часто хорошие люди помогают тем, кому не нужно помогать. Помогают, как правило, в каких-нибудь проблемах, совершенно не понимая, что человек, которому они помогают, самостоятельно должен решить поставленные перед ним задачи. Эти болячки поселяются в добром человеке с чувством уважения к нему, но от этого не перестают быть противными болячками. И в нем они проделывают все то же самое, что и в других людях. Также они поселяются в хороших людях, которые жалеют других и часто общаются с теми, чьи головы полны плохими помыслами или эмоциями. Болячки поселяются к ним и как бы показывают своим появлением, что не стоит общаться с этим человеком — ведь хорошие люди могут пе-

рентя от него и плохие черты характера и эмоции. Все что тебе нужно, это подумать, переосмыслить свои поступки. Болезнь для этого и дается, чтобы человек полежал, подумал над своим образом жизни. Когда человек болеет, ему не надо куда торопиться, он лежит на одном месте, и у него предостаточно времени для работы над собой.

— А ты болеешь? — спросил Александр.

— И я болею. Все мы люди, а человеческая натура устроена по двойственному принципу, и каждому от рождения даются не только положительные черты характера, мысли и эмоции, но и отрицательные, с которыми нужно бороться. Так что болеют все без исключения, но многие не понимают причину своих недугов. Я понимаю, и это мое преимущество перед другими. Я искренне пытаюсь научиться жить только Любовью, не давая места грязным мыслям, злым чувствам, портящим мое настроение эмоциям и эгоистичным желаниям, но жизнь есть жизнь, и с этим ничего не поделаешь. Таковы её условия. И если ты думаешь, что если бы это понимали и другие, они бы что-то сделали, переосмыслили, то ты ошибаешься. Конечно, кто-то бы и сделал, но далеко не все. Ведь намного проще жаловаться на болезнь и прогибаться под её натиском, чем пытаться бороться с собственными недостатками. Тем более что многие упорно стараются не замечать их, а когда им на них указывают, они противятся и отрицают факты.

Дверь в комнату Александра скрипнула, и в ней показа-

лась Олимпиада. Она подошла к постели сына и погладила его по голове. Аристотель поднялся, показывая Александру, что дал достаточно информации для осмысления, и направился к выходу. Женщина с волнением бросила на него вопрошающий взгляд.

— Я не смею говорить тебе, что делать, но сейчас Александру лучше побыть одному, — ответил Аристотель на её немой вопрос.

Олимпиада взглянула на сына, и Александр кивнул ей в знак того, что хочет побыть один.

— С ним все будет хорошо? — спросила она у Аристотеля.

— Даже не беспокойся! Он сильный юноша. Очень скоро он пойдет на поправку.

После этих слов Олимпиада немного успокоилась и скрылась за дверью.

— И напоследок, мне хотелось бы еще раз напомнить тебе, что болезнь дается Богом! Это верный признак того, что пора подумать над своей жизнью и совершить, возможно, переоценку ценностей, — сказал Аристотель, стоя уже в дверях комнаты.

Без сомнения, Аристотель любил маленького Александра, как и Клит. Оба они были педагогами для Александра. Клит был его учителем в боевом искусстве, всему остальному его обучал Аристотель. Но ни один, ни другой публично не выделяли наследника престола из остального числа учеников,

если в этом не было его заслуг, заставляя тем самым своими поступками доказывать, что он лучший, а не быть бездарным царским отпрыском, готовящимся получить Грецию в наследство.

Очень скоро поправился Александр от неожиданно поразившей его болезни — столь же быстро, как и заболел, но рассказ Аристотеля надолго сохранился в его памяти.

Дни, недели, месяцы табуном диких коней безвозвратно пролетали в веселых занятиях военным делом и усердных уроках арифметики, грамматики, физики, философии, которые Аристотель умел сделать красочными и занимательными, пока в один из прекрасных дней сердце Александра не встрепенулось в новых ощущениях при виде черноволосой девочки, чей отец был садовником при царском дворе, а мать работала на кухне и пекла вкуснейший хлеб с изюмом, за которым Александр прибегал после обеда, и, набрав столько, сколько помещалось в руках, шел в город, и угощал знакомых сверстников. Никогда прежде не приходилось видеть ему такой красоты. Темно-кариими глазами взглянула на него девочка при первой встрече и, тронув сердце, смущенно отвернулись. Пробежавший румянец украсил и без того милое загоревшее личико с вздернутым носиком. Это была взаимная любовь с первого взгляда. До этого момента ничего сильнее юный Александр еще не испытывал, даже когда подружился с Буцефалом, что уж говорить о таких вещах, как вино, и прочие мелочи физической жизни.

Остаток дня их первой встречи Александр провел в затуманенном сознании, забыв обо всем, интересовавшем его до этого. Видение окружающего мира расплылось. Яркой картиной стоял только образ черноволосой девочки, никуда не отпускавший его внимание. Александр был не в силах сосредоточиться на занятиях, внимание было направленно не на тренировки, а голова думала о том, как ему познакомиться с очаровавшей и пленившей сердце девочкой, за что услышал несколько упреков от Клита.

Единственный, кто разгадал секрет этой рассеянности, был Аристотель. К этому моменту он был знаком с Александром около полугода и успел сдружиться с ним, и понять его внутреннюю природу.

На следующий день Александр с колотящимся сердцем искал девочку, безрезультатно потратил на это полдня и лишь только ближе к вечеру увидел её, выходящей с матерью из дворца, но не решился подойти. Стараясь быть незамеченным, он шел за деревьями немного в стороне, наблюдая за ней и её поведением. Она гуляла по парку со своей мамой и не замечала его. Мама с дочерью шли по садовой алее, по правую и левую сторону от которой были посажены высокие кедры. Шли они медленно, непринужденно о чем-то беседуя, изредка посмеиваясь. Александр не слышал, о чем они говорили, но видел их хорошее настроение, а самое главное, видел ту, которая заставляла его сердце биться сильнее, чем обычно. Тепло растекалось в груди при одном только виде

длинных черных волос, падавших на плечи, и худеньких девичьих рук, сцепивших пальчики в замок за спиной.

Уже вечерело, дневная жара спала, оставив после себя теплый вечер. С моря веяло прохладой. Девочка и её мама присели на стоявшую под большим кедром скамейку, продолжая о чем-то разговаривать. Девочка улыбалась, сводя Александра своей улыбкой с ума, и кивала.

Сменив место расположения, Александр спрятался среди густых кустов, за которыми его было не видно, и, раздвинув ветви, продолжал наблюдать. Кусты находились на противоположной стороне, у самой аллеи. Через них Александр видел все, что делала девочка.

— Пригласи её на прогулку, — услышал он и вздрогнул от неожиданности.

Резко обернувшись, он увидел Аристотеля, стоявшего неподалеку и срывавшего с дерева яблоко. Эта фраза была сказана как бы вскользь, словно наставник проходил мимо и совершенно случайно заметил Александра. Аристотель всегда мог подсказать, как поступить даже в самой неразрешимой ситуации, за что Александр его очень ценил. Учитель всегда был открыт для общения с царевичем, и никогда не приходилось видеть его зазнайства. Будучи одинаково обходительным со всеми, Аристотель прекрасно находил общий язык как с царем и виднейшими учеными, так и со слугами и маленькими детьми. На подсознательном уровне Александр рано усвоил этот урок равенства в общении с людьми, и

использовал его всю жизнь, за что и был любим своими воинами и жителями своей страны.

— Ты напугал меня! — вполголоса прошептал Александр.

— Не думал, что это будет настолько легко сделать, — усмехнулся Аристотель.

Понимая, что его поймали с поличным, Александр решил пойти в наступление.

— Что ты тут делаешь? — спросил он.

— Да так... прогуливаюсь. В этой части сада растут вкусные яблоки, — сказал он в оправдание. — Хочешь попробовать?

И он протянул сорванное яблоко.

Со стороны эта ситуация выглядела детской, смешной и совершенно нелепой, особенно для взрослого Аристотеля, что он прекрасно понимал.

— Ага, яблоки! — с доброй усмешкой подразнил Александр.

— Не стыдись своих чувств, — Аристотель решил не играть спектакль, а сразу начать взрослый разговор двух мужчин. — Мужчины и женщины созданы для того, чтобы быть единым. Они созданы, чтобы дополнять друг друга. Твои чувства совершенно естественны. Все проходит через это, и ты не исключение.

— Но я никогда ничего подобного не испытывал. При виде её моё сердце начинает биться сильнее, чем обычно. Как будто что-то взволнованно трепещется в моей груди, — пы-

тался он передать плоскими негибкими словами непередаваемое.

— Ты еще молод, и существует множество ощущений, которые тебе только предстоит испытать.

Аристотель взял его за плечо, и они вышли на тропинку. Александр косился в сторону скамейки, строя предположения: «Не догадается ли девочка, что он делал за этими кустами?»

Женщина кивнула, увидев их, а девочка от неожиданности открыла рот, но тут же одернула себя и села прямо, выправив спину.

Как она была хороша в этот момент! Её внешняя красота в сочетании с изящными манерами пленили Александра еще сильнее.

— Что мне делать? — прошептал Александр не то себе, не то задавая вопрос Аристотелю, теребя руками нижний хитон.

В этот момент мама с девочкой встали с лавочки и пошли во дворец, проходя мимо беседующих. Чем ближе подходила эта красивая девочка, тем сильнее волнение захлестывало Александра. Совершенно непроизвольно он начал еще сильнее теребить хитон влажными от волнения ладонями, пытается восстановить темп своего сбившегося дыхания.

Улыбаясь, Аристотель пожелал спокойной ночи женщине и, слегка поклонившись ей, перевел взгляд на девочку: «И Вам спокойной ночи».

Девочка широко открыла большие красивые глаза и смущенно прижалась к маме. Обняв её, женщина так же, с улыбкой, пожелала спокойной ночи Аристотелю и Александру и пошла дальше. Не отводя взгляда, Александр смотрел вслед уходящей девочке.

Маленькая красавица уходила все дальше и дальше, а влюбленный мальчик все смотрел и смотрел ей вслед в надежде, что она обернется и взглянет на него — для него это было важно, ведь одним этим поступком она бы подтвердила или опровергла свой интерес к нему.

Тем временем девочка подходила уже к самому изгибу тропинки, за которым деревья должны были скрыть её, и тут она неожиданно обернулась и бросила в сторону Александра как бы случайный взгляд. Этого мимолетного взгляда Александру хватило, чтобы набраться уверенности, и дар речи постепенно стал возвращаться к нему.

— Как ты думаешь, я нравлюсь ей? — выдавил Александр.

— Без сомнений! — уверил Аристотель.

Александр расправил плечи и выпрямил спину.

В тот вечер они еще немного поговорили с Аристотелем, и, отправившись спать, Александр твердо решил, что завтра познакомится с этой девочкой, чего бы ему это не стоило. Беседа с учителем придала уверенности в себе.

Утренние лучи солнца коснулись сонного лица Александра. Потянувшись, он продрал глаза и взглянул в окно.

— Прекрасная погода, — сказал он про себя и, сбросив одеяло, поднялся на ноги.

Утренняя свежесть наполняла комнату. Не успев сделать и шагу, он вспомнил о своем вчерашнем решении. Сейчас, утром, оно казалось ему очень неудачным. Он почувствовал себя неловко и как-то застеснялся вчерашних мыслей.

Умывшись и позавтракав, он пошел в школу. Все мальчишки, обучавшиеся вместе с ним, были уже на месте — и Гефестион, и Филота и другие. Александр занял свое место в общем круге и в разговорах с друзьями ждал Аристотеля. Никто из них даже не догадывался о новых чувствах Александра. Возможно, для остальных мальчиков чувство любви было незнакомо. Но и Александр не хотел никому говорить о них, разве что Гефестиону, своему самому близкому другу. После занятия Аристотель подмигнул своему ученику, мол «все у тебя получится».

И вновь слова матери «Никогда не сомневайся!» пришли в голову и заставили поверить в себя.

На ходу придуманная отговорка оказалась удачной, и друзья ушли в город одни. Оставшись в одиночестве, Александр с дрожью в руках и стуком сердца отправился искать черно-волосую девочку. Шел он медленно, но, как всегда и бывает в подобных ситуациях, когда оттягиваешь какой-то момент, он приходит настолько скоро, что застает врасплох. Вот так же было и с Александром.

Едва он свернул в сад, как увидел объект своих грез в

нескольких шагах от себя. Одна, совершенно одна, она сидела на скамье, спрятавшись под тенью кедра от жарких лучей солнца. Александр остановился от неожиданности. Девочка подняла свои большие глаза, взглянув на него, но тут же опустила их вниз. Она немного смутилась, но не захотела, чтобы Александр заметил. Румянец, заигравший на её щечках, выдал бы её, если бы Александр не был так растерян. Пытаясь казаться невозмутимой и более взрослой, девочка сделала серьезное выражение лица и вновь подняла глаза на стоявшего напротив юношу. В тишине повисшей паузы, которую и нельзя назвать паузой в диалоге или паузой в каком-то действии, а просто паузой, оба они чувствовали, как бьются сердца и как пауза становится все нестерпимее.

— Меня зовут Александр, — представился он.

— А меня... — начала девочка.

— Тебя зовут Доротея. Я знаю, — перебил Александр.

— Откуда? — в голосе девочки ярко слышалось чрезвычайное удивление, и даже смущенность улетучилась в этот момент.

— Я слышал, как твоя мама окликнула тебя вчера.

Девочка вздернула бровями и положила ладони к себе на колени. Вновь повисла пауза. Вчера вечером Александр придумал, под каким предлогом он подойдет к девочке, что спросит, что расскажет, а сегодня утром повторял это несколько раз, но неожиданная встреча свела всю подготовку на нет, и все, что он готовил, пришло в негодность. При-

ходило на ходу придумывать вопросы.

— Почему ты одна? — сказал он первое, что пришло в голову.

— Мама занята на кухне, а отец подстригает деревья в дальней части сада, — ответила девочка и кивнула головой в сторону. — А у тебя занятия уже закончились?

— Да.

— А почему ты здесь, а не ушел с друзьями туда, куда вы обычно уходите после занятий с Аристотелем?

Александр вспомнил нелепую ситуацию, когда Аристотель подловил его наблюдающим за Доротеей, и ему показалось, что девочка догадывается, что неслучайно Александр оказался один недалеко от того места, где она сидела с мамой.

— Отец просил зайти к нему после занятий, — соврал он, не желая назвать истинную причину.

Александр подошел ближе к Доротее и сел на лавочку рядом с ней. Оказавшись рядом, он почувствовал, как сердцебиение участилось и затруднилось дыхание — подкрадывалась очередная неловкая пауза. Судорожно Александр перебирал в голове подходящие вопросы, но все, что приходили на ум, казались глупыми и неподходящими к ситуации.

— Тебе нравятся уроки с Аристотелем? — спросила Доротея и, сама того не подозревая, спасла ситуацию, от приближения которой у Александра уже капельки пота проступили на лбу.

— Очень. Аристотель знает много интересного и поучительного. Сегодня он рассказывал нам о том, как давным-давно люди строили храмы и жили в них, проводили важные церемонии, об образе жизни монахов, об их служении богам и человечеству, и о многом другом. Представляешь, раньше люди строили храмы близко друг к другу, на таком расстоянии, чтобы странствующие монахи успевали в течение дня перейти из одного храма в другой и не ночевали под открытым небом. А еще это было сделано для того, чтобы невидимая связь между храмами была сильнее. Не знаю, что Аристотель имел ввиду, говоря об этом, но он попросил сейчас это просто запомнить, а придет время, и он пояснит, что имел ввиду. Я думаю, это имело какое-то сакральное значение, о котором нам еще рано знать! — и Александр увидел, как Доротея смотрит на него почти в упор, не отводя взгляд, внимательно, даже с жадностью, слушает каждое слово, — ты с таким интересом слушаешь, когда я рассказываю историю. Тебе нравится узнавать что-то новое?

— Да. Я бы с удовольствием училась с вами, но мне нельзя.

Александр вспомнил, что Доротея не из знатного рода, а её родители только прислуга при дворе. Что-то щелкнуло внутри Александра и привело к ощущению неловкости от своего знатного происхождения. Впервые с ним случилось нечто подобное.

— Это не справедливо, — решил Александр и сказал об

этом девочке. — Если человек хочет что-то знать, он должен иметь возможность получить эти знания.

Доротея удивленно взглянула на него.

— Ты очень великодушен, Александр. Ты не такой, как остальные твои друзья.

— У меня хорошие друзья.

— Я не говорю, что они плохие, просто они отличаются от тебя. Например, мало кто из них общается с ребятами из незнатных родов, а если и общаются, то ведут себя высокомерно. А ты не такой. Ты думаешь о других людях и относишься к ним как к равным.

— Не знаю. Я не веду себя с ними как-то намеренно хорошо. Я считаю, что если мне люди ничего плохого не сделали, тогда почему я должен делать им плохо. И вообще они же не виноваты, что родились не в знатной семье. Верно?

— Верно.

— И незнатность происхождения не делает из них плохих людей.

— Это тоже верно, — и Доротея одобрительно кивнула головой.

— Послушай, Доротея, а давай я буду каждый день рассказывать тебе то, о чем накануне нам говорил Аристотель.

Это была замечательная мысль, поскольку для её реализации Александру предоставлялась возможность каждый день встречаться с Доротеей.

— Это было бы замечательно. Может, даже и не каждый

день, а хотя бы через день. Разве ты сможешь тратить на меня свое время?

— Мне это несложно. Как раз, рассказывая тебе, я буду сам закреплять услышанное.

— Ну, тогда я не против! — улыбнулась девочка.

Её сказочная улыбка в очередной раз пленила юное сознание мальчика, и приятное чувство взаимной симпатии растеклось у него в груди. Невольно он и сам улыбнулся. Это была не улыбка, которой он улыбался при встрече с Аристотелем или Клитом. Не улыбка, с которой он встречал мать и отца. Не улыбка, с которой он одерживал победы в игровых сражениях. А улыбка, которой улыбается человек в сладостные минуты трепетных ощущений, направленных к еще не знакомому человеку, но уже как будто близкому и родному. Вся неловкость и неуверенность улетучились, и на их место пришло понимание того, чего каждый из них по-своему хотел и боялся подумать иначе, а именно, чувство большой взаимной любви. Спустя много лет и Доротея, и Александр могли бы сказать, что это была всего лишь симпатия, но к моменту их встречи, ни один из них не испытывал больших чувств и сравнить им было не с чем. Поэтому, для них и было то настоящей большой любовью.

— Пойдем, погуляем по саду? — предложил Александр.

— Пойдем, — согласилась Доротея все с той же обворожительной улыбкой.

Долго они гуляли по дворцовому саду, проходя много-

кратно по одним и тем же тропинкам. Темы разговора плавно чередовались, оставляя после себя массу ярких впечатлений. Казалось, даже погода радовалась вместе с ними: солнце светило им с чистейшего синего неба, деревья тихо стояли вдоль тропинок, не шелестя листьями, а птицы пели под негромкий разговор гулявших. Практически никого они не встретили во время своей первой прогулки — только отца Доротеи, удивленно проводившего их взглядом, нескольких охранников, настолько занятых своей работой, что даже не обративших на влюбленных никакого внимания, и, конечно же, Аристотеля, никогда не оставлявшего своего ученика без внимания. Когда Аристотель понял, что беспокоиться не о чем, он подмигнул обоим и поспешил удалиться.

Солнце совершило привычный маршрут по небосводу и уже коснулось небосклона, когда возлюбленные подошли к дворцу.

— Как же быстро пролетело время, — с досадой проговорила Доротея. — Жаль, что ты не можешь властвовать над ним!

Александр держал её руку, не желая отпускать, и смотрел в большие глаза. От сегодняшнего дня он ждал много меньше, чем получил. С благодарностью за проведенное время он со страхом коснулся губами руки возлюбленной, чем вызвал её сильное смущение, и напомнил о скорой встрече, когда он расскажет ей о своем уроке с Аристотелем.

— Буду ждать, — ответила Доротея.

Не чувствуя под ногами земли, Александр помчался к Аристотелю, рассказал о прошедшем дне и затем, воодушевленный еще и встречей с учителем, пошел спать. До полуночи прокрутился он в постели, размышляя о дне пройденном и мечтая о дне завтрашнем, пока наконец не уснул.

Почти каждый день влюбленные проводили вместе много времени. Сразу после занятий Александр оставлял друзей и бежал к возлюбленной Доротее. Он был безумно рад, пересказывая своего учителя. Сбивчивые поначалу рассказы, с каждым днем становились все более уверенными и убедительными. С чувством собственного проживания каждой из своих историй Александр пересказывал Аристотеля, учась наделять каждое свое слово какой-то невидимой силой. Эта невидимая сила в дальнейшем помогала в дальних походах и перед кровавыми сражениями, когда было необходимо настроить, поддержать, а где-то и повышенным тоном убедить воинов. Прекрасный от своей новизны момент ухаживания был запоминающимся для обоих. Несколько месяцев они встречались, гуляли, обменивались подарками. В это время Александр почти перестал общаться со своими друзьями, проводя все время с возлюбленной. Общение с товарищами ограничивалось временем учебы. Однако это не вызывало ревности с их стороны, скорее наоборот, при возможности они по-дружески подшучивали над Александром, называя их обрученными. Это были именно товарищеские шутки, а не злые насмешки, вызванные ревностью и завистью. В

юношеском возрасте мужская дружба, избавленная от желания овладеть принадлежащим другу, была сильнее, чем во взрослом, когда соблазн от поставленного на кон будет значительно выше и искушение сильнее.

Больше Александр не прибегал на кухню за хлебом с изюмом, вместо этого Доротея сама приносила его почти ежедневно, и они, устроившись в тени кого-нибудь дерева, совместно поедали его за разговорами о далеких странах, исторических сражениях, придаваясь фантазиям и мечтам.

Когда они были вместе: гуляли под солнцем или под дождем, сидели у костра или под звездами, купались в прохладной воде или осматривали лабиринты дворца, — они были счастливы. Мир переставал существовать на это время, а в открывшемся новом мире не было места ни для кого, кроме них.

Александр и Доротея любили друг друга, как это могут делать дети. Не испытывая прежде таких чувств, им обоим казалось, что любовь будет длиться вечно и даже после их смерти, спустя много лет прожитых вместе, они будут продолжать любить. Каждый из живущих помнит свою первую любовь и первые романтические отношения. Только со временем эти чувства сменяются новыми, зачастую более сильными, однако частые удары сердца при виде любимого человека, перехваченное дыхание, слабость в ногах запомнятся каждому, поскольку это происходит впервые в жизни человека. Александр любил девочку, это была его первая любовь,

и она была первой, на кого указал ему Гимерот — бог плотской любви и любовного наслаждения.

В тот же день, когда Александр познал вкус близости с Доротеей, он пришел к своему учителю и поведал о случившемся. Ему были в новинку ощущения, испытанные во время близости, он не понимал, что делать ему теперь, но, несмотря на это, он не хотел услышать совета от учителя, не хотел узнать его мнение, он просто хотел поделиться с ним пережитым. Сейчас Александр сам ощущал, как его внутренний мир изменился, добавилось в него новое, приятное ощущение, испытать которое хотелось вновь. Внутренне он повзрослел и стал более зрелым, чем его сверстники, и ощущение детской беспечности осталось позади.

— Поздравляю, Александр. Теперь ты настоящий мужчина! — сказал Аристотель, выслушав рассказ.

— Не считаешь ли ты, что я поступил плохо?

— Женщины созданы для любви. Нет ничего плохого в твоём увлечении. Ты ведь любишь её?

— Да.

— Люби, пока позволяет время и возраст.

— А потом? — удивился Александр. — Разве взрослые не любят?

— Если говорить о природе самих чувств, то любовь и привязанность делают из мужчины осла. Он становится привязан к женщине, и каждое расставание дается с большими внутренними переживаниями. Что касается секса, то это

удовольствие забирает у человека массу сил — я думаю, ты это уже заметил — и в бою от такого воина не будет толку. Когда-то тебе может представиться шанс стать правителем мира, и неужели ты пожертвуешь этим ради минутной физической радости? Более того, тебе предстоит много странствовать по свету, и оставшийся дома любимый человек будет всегда отвлекать твои мысли от предстоящих сражений. Лучшее для царя — к моменту похода уже не любить свою жену, сделав её всего лишь матерью своего сына-наследника.

Аристотель старался с детства дать знания о суровости этого мира, воспитывая из Александра не только умного человека, но и непобедимого завоевателя. Аристотель считал, что человек сам сможет отказаться от того или иного искушения в жизни, только прежде испив его сполна.

— Александр, получай удовольствие от каждого момента жизни. Каждый момент неповторим. Сейчас ты начал новый этап жизни, и мне надо кое-что рассказать тебе. Не возражаешь, если мы немного пройдемся?

И они пошли подальше от посторонних ушей, в дальнюю часть дворцового парка, где и расположились среди высоких кедров

— Несмотря на то, что мужчина и женщина похожи между собой, они полны противоположностей. Думаю, ты уже замечал это. Несмотря на множество физических и психологических отличительных аспектов, есть еще кое-что.

Аристотель задумался и потом продолжил.

— Мужчинам свойственны непостоянность, активность и скорость, в то время как женщины более медлительны, спокойны, они женственны, и, в конечном итоге, они сильнее мужчин, как ни парадоксально. Можно сравнить мужчину с огнем, а женщину с водой. Вода с легкостью потушит огонь, как бы яростен он не был. В нашем мире у всего есть своя пара: огонь и вода, земля и небо, солнце и луна, мужчина и женщина. Одно не может существовать без другого.

Александр смотрел в сторону находившегося неподалеку леса, внимательно слушая своего учителя. Аристотель ненадолго замолчал, словно почувствовав, что его мысли несколько меняют направление.

— В общем Александр, тебе надо кое-что запомнить, чтобы испытывать настоящее удовольствие от занятий любовью, ведь без секса нет полноценной жизни. Ты уже взрослый, и я могу разговаривать с тобой на такие темы. Но помни, я говорю о чистых чувствах, а не о животных инстинктах, — уточнил Аристотель. — Мужчина очень легко возбуждается, но и очень быстро удовлетворяется, женщина же, наоборот — её сложно возбудить, но еще сложнее насытить. Научись контролировать себя и в первую очередь доставь удовольствие женщине.

Аристотель поведал Александру несколько способов контроля, а в конце заключил:

«Тебе следует понимать, что всему есть свои пределы. Не расточай свое семя беззаботно — это может привести к апа-

тии, полному безразличию и усталости».

Долго они разговаривали на будоражащие воображение темы, пока полумесяц не оказался высоко над их головами. Беседа была для юноши познавательной и произвела приятное впечатление.

Общение с Доротеей продолжалось еще какое-то время, но скоро частые дворцовые пиры стали доставлять Александру больше веселья. Где, как не здесь, он мог видеть вместе своих родных как по крови, так и по интересам. Во время одного из таких пиров он отошел в парк от всего этого веселья, поднял лицо к небу и увидел гроздьями разбросанные звезды. От такой красоты у него перехватило дыхание. Как заколдованный стоял он не шелохнувшись и смотрел в небо. Неожиданно, что-то тяжелое ударило его по голове и упало почти у самых ног. В свете луны он увидел шарообразный предмет, похожий на яблоко. Он поднял его и увидел, что это на самом деле яблоко. Повернувшись на смех, он заметил Гефестиона и Гарпала, стоявших неподалеку и державшихся за животы от смеха. Он побежал за ними, метясь на ходу в них.

Убегавшись и вдоволь насмеявшись, Александр с трудом возвращался в свою комнату. Тяжелые ноги еле поднимались, голова гудела, а глаза слипались, словно в веки залили свинец. Открыв дверь в комнату, он подошел к кровати и, не раздевшись, а только сняв сандалии, улегся на неё. Приятное расслабление пошло по телу, и очень быстро стал он

проваливаться в глубокий сон. Лишь слуховая завеса окутала голову, как внутри головы чей-то голос, совсем не похожий на его собственный, а мужской, взрослый, громко и четко произнес: «Объедини мир». Не испугавшись, а несколько удивившись, Александр открыл глаза и, оторвав голову от подушки, оглядел комнату. Висевшая за окном луна освещала её, но комната была пуста: даже легкий ветерок не гулял по ней. Посчитав, что все произошедшее ему привиделось, Александр лег на мягкую подушку и начал засыпать, как вновь, тот же мужской голос, но уже с более настойчивой интонацией произнес: «Объедини мир!» Усталость юноши была столь высока, что он даже не стал повторно отрывать голову от подушки и, только с трудом натянув на себя одеяло, поддался сонному соблазну, и уснул глубоким сладким сном.

Проснулся он лишь утром следующего дня. Все, кроме прислуги, во дворце еще спали после ночных гуляний. По пути в столовую он вспомнил мужской голос, говоривший с ним ночью. Вчера, наверное, в связи с усталостью этот незнакомый голос не произвел на юношу должного эффекта, но сейчас, вспомнив произошедшее, Александр почувствовал, как что-то включилось в его голове, словно механизм, выбросив всё лишнее и ненужное, что было до этого в его жизни. Этот механизм стал неумолимо толкать его вперед и заставлял действовать.

Именно в то утро Александр осознал свою цель. Она яр-

ким пятном уверенности стояла у него в груди. «Покорение мира» — четкое ощущение именно этой цели встало перед ним и стало преследовать всю жизнь. Как только осознание своего предназначения проникло в сущность Александра, голос перестал говорить о его цели и надолго замолчал.

Время летело с огромной скоростью. Александр вырослел, менялся его характер и интересы. Беззаботная жизнь стала наполняться трудностями и душевными страданиями. Все больше он ощущал себя никому ненужным в родной стране. Причина была одна — его эпирская мать, которую Александр очень любил. Из-за неё он вступил в конфликт с влиятельной придворной кликой. В этот конфликт еще добавилась гордость Александра. Гордое, порой даже дерзкое поведение и нежелание сходитья даже с самыми знатными приближенными отца, настраивало многих против него. Чуждаясь их, царевич собрал вокруг себя лишь самых близких друзей. В это товарищество молодых людей входили: Гефестион из македонской знати, Птолемей — представитель эордейской знати, и Гарпал, происходивший из элимиотской княжеской семьи, которая долгое время не зависела от Македонии, а теперь питала неприязнь к Филиппу. Неарх, Лаомедон и Эригий были не македонцами, а греками и происходили из недавно возникшей служилой знати. В близких друзьях Александра не было никого из рода Пармениона и Антипатра, что не радовало царя, видевшего вражду между сыном, наследником престола, и самыми близкими соратниками, с

которыми он вел свою политику. Александр прошел не через одно сражение и, показал себе прекрасным воином и полководцем перед жителями своей страны и, конечно же, своим отцом, уверовавшего в гениальность сына, однако, несмотря на это, искры в их отношениях разгорались все чаще.

Желание овладеть троном пропитало Александра, превратившись в непреодолимую жажду. Александр днем и ночью мечтал покорить мир и назначить себя единственным царем. Ничто не могло сбить его с этого пути — даже женитьба отца на племяннице Аттала, человека из знатной македонской семьи. Александр знал, что если у новой жены его отца родится сын, то именно он станет законным наследником трона, и предательство со стороны Филиппа очень беспокоило Александра. Собственная гордость шла вразрез с любовью к отцу.

В день свадьбы, на торжествах в честь Диониса, Александр не находил себе места. Он не пил, не ел, проводя все время со своими друзьями: Гефестием и Птолемеем — и наблюдая со стороны, как Филипп, Аттал и их люди придавались плотским утехам.

Около трех сот человек вели себя развратно по отношению к находящимся там женщинам. Вся эта огромная масса, собравшаяся во дворе, разделилась на две группы македонцев. Словно почувствовав себя хозяевами в чужом доме, приглашенные Аттала хватали женщин и молодых парней и силой принуждали их к физической близости. Они бросали

остатки еды на пол и плевали прямо во дворце, где Александр, будучи еще маленьким мальчиком, бегал босиком.

Глазами Александр искал ненавистного Аттала в массе грязных, облитых вином и рвотой македонских хламид. Перепрыгивая от кадра к кадру, он нашел захмелевшего Аттала с кубком вина и соседствующими рядом с ним женщинами. Грудь одной из них была оголена, а вызывающее поведение второй вызывало отвращение Александра и его друзей. Аттал что-то говорил женщинам, но голос его глушил смех и захмелевшие выкрики, пил вино, успевая ухватить проходящих мимо певцов и музыкантов.

Александр отвел глаза от ненавистного Аттала и увидел Клита. Уже изрядно захмелевший, но по-прежнему в чистом одеянии, он подошел к Александру и крепко обнял его своими сильными руками.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Александр, — начал он, — но это всего-навсего политика!

Александр молчал в ответ. Обняв Клита, он несколько раз похлопал его по спине.

— Сегодня гуляем, Александр! — сказал Клит и обвел рукой собравшихся людей.

— Даже свиньи не ведут себя так! — брезгливо ответил Александр, наблюдая за гостями. Его голос дрогнул от обиды.

— Прости их, Александр, они наши гости, — произнес Клит.

Александр отпил вина из своего кубка и устремил взгляд на отца, с трудом поднимавшегося по лестнице.

Возвышающийся над всеми Филипп поднял кубок вверх, и все замолчали. В этой тишине слова царя Македонии звучали как-то по-особенному громко и ярко выражено.

— Я поднимаю этот тост за мою жену и мою новую семью! Я прошу богов, даровать мне, македонскому царю, законных наследников, — заявил Филипп и внимательно осмотрел всех присутствующих. Его хмельной взгляд остановился на сыне.

До этого момента Александр молча сносил все обиды отца, но после этих слов таившаяся от многих обида выплеснулась. Выставляя напоказ пренебрежение к словам отца и не желание быть одной семьей с Атталом, Александр демонстративно выплеснул содержимое кубка и, бросив его в недруга, пошел из зала под звук собственных шагов, отчетливо слышных в ожидающей тишине.

— Как ты смеешь так себя вести? — раздался пьяный возглас царя. — Он мой родственник! Немедленно извинись перед ним!

— Он мне никто! Он не был бы достоин моих извинений, даже если бы я был виноват перед ним! — крикнул в ответ Александр через весь зал.

— Как ты смеешь ослушаться меня? — вскипел Филипп и, обнажив меч, неуверенной походкой направился к Александру. Сделав несколько шагов, македонский царь

споткнулся и оказался лежащим на грязном полу.

— И с этим человеком вы собираетесь идти походом на Азию? — обратился Александр к собравшимся гостям. Голос его был тверд и решителен с легкими нотками жалости: несмотря на конфликт, он по-прежнему любил своего отца за то, что тот сделал для него в прошлом, хотя и считал его поступок предательством. — Ты жалок, отец, — произнес он, обращаясь к лежащему на полу отцу, и удалился.

Обида и желание отомстить всем, кто насмеялся над ним сегодня, было велико. Еще во время пиршества, на котором его обязали присутствовать, ему казалось, что большинство людей избегают его и смеются за спиной.

После свадьбы отца Александр отправился в Иллирию и какое-то время провел там, пока Филипп не попросил его вернуться обратно. Тут-то и произошел момент, оставивший право трона за Александром. Меч придворного офицера из гвардии гипаспистов молнией пронзил царя Филиппа, навсегда разрубив гордиев узел между отцом и сыном. Вчера оппозиционный царевич стал законным царем Македонии.

Два года он готовился к походу в Азию, который так и не реализовал его отец. И когда армия была готова, он двинулся в путь. Время, проведенное с Аристотелем, Леонидом, Лисимахом и другими учителями, заложили в Александре огромный пласт навыков и знаний, которые теперь, после убийства отца, ему приходилось применять на практике.

В двадцать один год Александр вторгся в Азию и, поко-

ря один город за другим, завладел всей её западной частью. До сей поры непокоренная Азия пала к ногам непобедимого завоевателя.

Много месяцев прошло с момента ухода из дома. Часто по ночам в своих мыслях возвращался он в дом своего беззаботного детства. Дом, где его согревали любовь отца и матери, где все были его друзьями и где он не задумывался о том, кто его друг, а кто враг, ибо тогда все искренне любили его — до престолонаследия было еще далеко. И осознанно избегал он мыслей о том доме, из которого уходил. Даже не уходил, правильно бы было сказать, а бежал. Бежал либо от чего-то, либо к чему-то. Возможно, Александр сам не знал, что движет им в покорении мира. Или это потос, заставляющий соперничать с отцом Филиппом и легендарным героем Дионисием, или стремление познать весь окружающий мир, не ограничиваясь одной только страной, или постоянно напряженные конфликтные ситуации, или еще что-то, что он пока не мог постичь. Но с полной уверенностью можно сказать, что причина была не только в том мужском голосе из юношеского времени. Был еще и необъяснимый внутренний позыв.

Конфликты с отцом до его смерти, скрытая зависть окружающих и, нескрываемая вражда с Аттилом, темными пятнами легли в душе Александра. Сильный по природе своей, но в то же время очень мягкий и ранимый, много ночей провел он в раздумьях о прожитых периодах своей жизни, на-

деясь, что впереди его ждет славное будущее. Без горя нет удач — он знал это наверняка.

Ведя свое многотысячное войско через пустыни, реки, горы, много рассуждал он в беседах с близкими друзьями и самим собой об истинном предназначении цивилизации и человечества в целом. Преследуемый потерями множества своих товарищей, он начал задумываться о скоротечности жизни и внезапной смерти. Душа его разрывалась в муках и страданиях за всех погибших в боях товарищах и врагах.

Уже несколько дней армия Александра преодолевала горные хребты. Однажды вечером после долгого пути Александр оставил уставшее войско разбивать лагерь на ночлег, а сам отправился на гору осмотреть окрестности. Буцефал неторопливо поднял хозяина на вершину и остановился. Вокруг друзей простиралась природа со своим девственным лесом. Буцефал мотнул головой и фыркнул. Александр тоже уловил запах костра, шедшего не со стороны лагеря.

Тоненькая струйка дыма брала начало из глубины леса и поднималась вверх. С вершины горы было хорошо видно место, откуда поднимался дым. Александр похлопал друга по шее, и Буцефал стал неспешно пробираться вниз сквозь деревья. Высокая трава доходила до колен сидевшему верхом на коне всаднику. Возможно, здесь ни разу не ступала нога человека с тех пор, как боги создали землю. Птицы пели вечернюю песню над головами, а любопытные белки перепрыгивали с ветки на ветку, с интересом наблюдая за невидан-

ными созданиями. Сплетённые между ветвями паутины создавали тонкие препятствия, но Александр собирал их все на вытянутую перед собой руку с мечом. Этим же мечом он рубил ветви деревьев, мешавшие продвижению.

Треск сухих палок заставил Александра резко обернуться, и удары сердца ускорились от увиденного. Позади него смиренно стоял лось — величественное животное, большое, сильное, гордое. Натянув поводья, Александр остановил Буцефала, слез и медленно, стараясь не шуметь, попытался подойти чуть ближе к лесному царю. Лось мотнул головой, сбив рогами кору с дерева, и немного отошел назад, сломав копытом несколько сухих веток. Боясь испугнуть животное, Александр остановился и, не делая резких движений, облокотился на дерево. Темно-карие глаза умного животного смотрели прямо на него. Придерживаясь безопасного расстояния, непуганый лось наблюдал за представителем другого мира с большим интересом. Между представителями двух царств — животного и человеческого — было не больше пяти шагов, но и этого казалось много. Александру вдруг захотелось подойти вплотную к нему и, обхватив его могучую шею, прижать к себе, жадно втянув ноздрями естественный запах дикого животного. Ощутить, как, глядя лося руками, его ладони касаются бархатной шкуры, под которой скрываются каменные мышцы. Всю внутреннюю сущность Александра будоражило первобытное волнение. Несколько минут непрерывного контакта «глаза в глаза», и молодой царь начал чув-

ствовать животное: его непокорность, свободолюбие. Ассоциации с его собственным миром стали приходить в голову. Множество мыслей одновременно вспыхивали в голове и тут же находили ответ или гасли в пустоте непонимания. Александр неожиданно осознал, да, именно осознал, поскольку раньше он это только понимал, но яркое осознание пришло лишь сейчас, что может мечом заставить людей подчиниться, но ни одного сильного духом человека он не заставит встать на свою сторону и принять его видение мира и мнение. Пока люди будут считать его покорителем, завоевателем, да как угодно, только не освободителем, он никогда не сможет объединить мир. Ибо в каждой стране, которую он поработил сегодня, найдутся сильные духом люди, которые завтра поднимут восстание и свергнут установленный им, Александром, порядок. В образе этого вольного животного он видел все страны и народы, которые уже покорил, и встреча с которыми еще впереди. Непонимание, ненависть, упрёки — вот что ждало его в ближайшем будущем. Тем временем лось медленно развернулся и так же тихо ушел, как и появился за спиной Александра.

Придя в себя после пережитого, Александр запрыгнул на Буцефала, и они продолжили путь к источнику дымовой струйки. Внутри Александра по-прежнему царило возбуждение. Встреча с диким животным пролетела молниеносно. Точное время Александр не знал, поскольку время исказило свои временные рамки. Однако с момента ухода из лагеря,

когда он отправился на гору осмотреться, и до сего момента, прошло достаточно много времени, и солнце успело сменить свое положение на небе, существенно приблизившись к небосводу. Все время, пока продолжался контакт Александра с представителем царства животных, Буцефал спокойно стоял, словно знал заранее о предстоящей встрече, и ждал, когда же она закончится.

Запах костра стал более уловим, и Буцефал вывел Александра к небольшой хижине затерянной среди непроходимого леса. В небольшом, но очень приятном снаружи домике горел свет. Буцефал подошел к деревянному строению и остановился. Дверь со скрипом отворилась, из неё вышел худой невысокий старик с седой бородой, доходившей до груди.

— Прости, если потревожил тебя! — приветствовал Александр. — Не думал, что в такой глуши кто-то живет. Отсюда несколько дней ходьбы до ближайшего селения.

Но в ответ старик лишь жестом указал гостю пройти в дом. Отпустив Буцефала, Александр принял приглашение и переступил порог. Ветхая, но уютная хижина была в два этажа. На второй этаж вела лестница с черными крепкими ступенями. Черный цвет ступеням придавала въевшаяся пыль. Стены жилища уже потемнели от старости, но от этого внутренняя атмосфера не казалась мрачной, наоборот, Александр чувствовал спокойствие от всей внешней суеты и доброту, находясь внутри хижины. Оглядевшись, он прошел

в комнату, в которой увидел стол, минуя комнату с закрытой дверью. Недалеко от стола стояла печь, от которой еще веяло теплом, стулья, и кое-какая утварь. По всей вероятности, на втором этаже была кровать и, возможно, какая-то мастерская.

Пока Александр рассматривал дом старика, тот молча поставил на массивный дубовый стол тарелку с едой и сел на стул напротив гостя. Александр видел много людей в своей жизни, но с такими глубокими всепонимающими глазами он еще не встречал. Казалось, что они знают все. Старик, словно книгу, читал Александра, видел всю его внутреннюю сущность, все его страдания, переживания и радости. Взяв с тарелки хлеб, Александр откусил от него кусочек и с удовольствием принялся жевать. Долгая дорога пробудила аппетит. Пока Александр жевал хлеб с кашей, запивая водой, старик смотрел на него не проронив ни слова.

— Я ... — начал было Александр, полагая, что старик нем, но старик жестом остановил его и произнес:

Я вижу, кто ты, Александр.

И где твой дом, потерянный в веках.

Что будешь прыгать по Земле ты старой,

Пока не вырвешься из клетки золотой.

Сказать, что Александр растерялся, значит не сказать ничего. Сказанные слова ушли куда-то далеко в подсознание, производя там неизгладимое впечатление, но сам он не понял их значение. Тем временем старик продолжил после ко-

роткой паузы — не то дав время путнику прийти в себя, не то пытаясь поймать то ощущение, когда из его сердца продолжат вылетать стихи:

Ты вечный путник, заблудившийся в мирах,
Мирах своей души и лабиринтах судеб.

Никто не знает, зачем пожаловал ты к нам.

Быть может, предупредить о том, что завтра с нами будет?

Старик говорил стихам так непринужденно, что можно было принять это за его обыденную разговорную речь, казалось, он даже думает подобным образом.

Язык же Александра был скован, а ум не так изящен, чтобы ответить старику в том же духе. Вместо ответа Александр поднялся, не доев предложенного ужина, и начал задумавшись прохаживаться по комнате, осмысливая происходящее. Старик продолжал спокойно сидеть за столом и наблюдать за гостем чистыми невинными глазами.

Безгранично глубокими глазами, полными Любви и сострадания, старец смотрел на путника, раскрывая его сущность и вытаскивая наружу все самые потаенные страхи.

«Молчание — золото», — подумал про себя Александр. — «Как много этот человек, должно быть, знает, но его знание скрыты за завесой тишины. Почему он скрывает знания от людей? Зачем, вообще, нужны эти знания, если не можешь их никому поведать?» Легкая улыбка появилась на губах старика:

Не думаешь ли ты, что Знание есть благо,

Когда живешь среди напыщенных глупцов?
Вокруг гуляет ложь и самохвальство,
Уж лучше быть овцой среди волков.
Наш мир наполнен людом нетерпимым,
Зачем им знать, где темень, а что свет?
В том мире, где под маской смерти
Скрывается до боли яркий свет.

После услышанных слов, Александр невольно съежился. Впервые в своей жизни он — великий и непобедимый Александр, правитель полмира — чувствовал себя обнаженным перед другим человеком. Через его кожу проступил холодный пот, и руки невольно сцепились на груди. Внутреннее напряжение возросло так, что некоторую неприязнь ощутил он к старику, но, взглянув на него еще раз и увидев его доброе лицо, вся неприязнь улетучилась, и на душе резко стало теплее. Он понял, что старик не причинит ему вреда, — вся его натура направлена на Любовь и созидание. Неловкость исчезла, сменившись восторженным интересом, и, придвинув стул поближе к старику, Александр сел напротив. Старик был счастлив как ребенок, которого с вниманием и интересом слушают взрослые. Аркадская идиллия ощущалась в этом деревянном доме. В этот момент правителю полмира не хотелось ничего: ни власти, ни женщин, ни пиров. Он только сидел напротив седого старца, ставшего ему родным за это время, и улавливал его доброту, тепло, мудрость, заключавшуюся в молчании. В это время он хотел и был го-

тов получить какие-то глубинные знания об устройстве мира и механизмах управления жизнью — те же, что давал ему Аристотель, и о которых он уже частично позабыл, погрязнув в мире войн и пиров.

— Почему ты один в такой дали? — поинтересовался Александр.

Взгляд старика остался прежним, ни одна мышца не шелохнулась на его лице, ничто не указало на его беспокойство, разве что губы слегка дрогнули, а, может, это только показалось Александру, но скоро старик сказал:

Каждый час идет война

Внутри с самим собой.

И нет ни отдыха, ни сна,

Одни лишь крики «В бой!»

Смерть близких, болезнь, накопившаяся усталость, бегство — все что угодно может быть причиной ухода старика от людей. Александру не хотелось искать и испытывать эту причину. Ему было все равно. Одно он знал точно — это необычный старик, и его поведение, взгляд, неопределенный возраст все это только подтверждали.

— Я не совсем понимаю твои мысли, точнее твои ответы, прости, — признался Александр, хотя потом понял, что мог и не делать этого. Старик наверняка это понимал, — но мне сейчас стало легче на душе, словно ты берешь эту боль себе, и мне хочется говорить и говорить с тобой. Надеюсь, ты не возражаешь.

Старец по-доброму смотрел на него, и в этом взгляде заключался ответ.

— Есть множество вопросов, терзающих мою душу. Их очень много. Даже если я сейчас начну их перечислять, не хватит и года! Я вижу, ты знаешь больше остальных людей, и я спрашиваю тебя, не ожидая, что ты ответишь мне, однако очень на это рассчитывая. Возможно, твой ответ снимет тяжелый груз с моей души. Пусть не весь. Весь груз не снимет никто, а хотя бы его часть. Ответь мне, что ждет людей через много лет? Будут ли люди земли счастливы?

Старик задумчиво закрыл глаза и долго молчал. Когда он открыл их, Александр своим всеподмечающим глазом уловил в них долю грусти и сожаления. А старик тем временем, отвечал:

Человечество себя исчерпает,
Мы испьем нашу чашу до дна.
Все забыли, что будет с нами завтра,
Но опыт прошлого останется навсегда.

Сказанные слова опустошили Александра. Внутри все опустилось, и слюна комом встала в горле. Пусть он не понял вторую часть из сказанного, но первая часть неприятно шокировала его.

— Это произойдет сразу после моего царствования? — спросил он, больно сглотнув слюну.

Старик помотал головой, и Александру стало легче. По крайней мере есть вероятность, что несколько столетий по-

сле его правления будут счастливыми для людей. А что будет потом... Это будет очень не скоро.

Несмотря на храбрость в боях и жизни, Александр побоялся задать вопрос о следующих годах после своего правления. Он боялся услышать страшный ответ, который повлияет на его стремительный рывок на пути к объединению мира.

Интуитивно Александр чувствовал мудрость этого старца. Причина, побудившая его покинуть людей, была ясна. Но как много вопросов было у Александра, касающихся его самого! Не понимая, а лишь догадываясь, великий царь задавал старцу вопросы, надеясь услышать достоверный ответ, и попытаться понять хоть крупицу из услышанного. Выпрямившись на стуле, Александр посмотрел в окно. Лес накрыла пелена поздних сумерков, и только горящие свечи, расставленные по комнате, ярко освещали её. Через освещенное окно он видел спокойно стоящего Буцефала, на спине которого сидели непуганые птички. Черные деревья раскинули над ним свои щупальца, оберегая верного скакуна.

— Я всегда думаю, правильной ли дорогой я иду. Путь мой к победе лежит через горе и страдание других людей. Людей, похожих на меня. Ради меня и из-за меня гибнут они на полях сражений. С каждым моим погибшим воином скорбь моя растёт. Я умираю вместе с ним и рождаюсь заново. Ни что не по силам побороть эту скорбь — ни вино, ни женщины, ни власть.

Старик молча смотрел на страдания Александра и после

недолгого размышления сказал:

Добро и Зло — одно и то же,
С какой ты стороны не посмотри.
Ведь зло бывает добрым,
Ну, а добро бывает злым.

Александр сел за стол и в задумчивости закрыл лицо руками. Длительные переходы, сражения, усталость давали свои плоды, часто причинявшие Александру жуткие головные боли.

— Я устал убивать людей ради собственного господства над миром, — говорил он старику, не убрав ладони от лица. — Я делаю то, что ждут от меня другие, а не то, чего хочу сам. Раньше я хотел подчинить себе весь мир и посвятил своих друзей в эту идею. И вот сейчас, видя, насколько страшна цена этой победы, я уже не хочу её, но мое желание командует моими друзьями, толкая меня вперед, на причинение новых страданий.

В памяти Александра воскресло одно из сражений. В тот день он убил совсем еще юного воина — мальчика лет четырнадцати. Александр навсегда запомнил его глаза после того, как меч пронзил тело. В угасающих глазах юноши была очень хорошо видна уходящая жажда к жизни. Смерть пришла неожиданно, когда её меньше всего ожидали. Она была совсем не нужна ему. Впереди у мальчика была целая жизнь, наполненная счастьем и мучением, любовью и изменами, дружбой и предательством, если бы не Александр. Без-

границная скорбь больно кольнула его сердце, едва не обронив горестную слезу. Уловив переживания гостя, старик немного помолчал, а потом сказал:

Ты берешь меч не своею рукой,
Ты хотел бы уйти, но не можешь.
Ты игрушка в руках, как и всякий другой,
Но без выбора жить ты будешь.

Отшельник сочувственно посмотрел в глаза победоносно-му царю, и легкая дрожь пробежала по коже Александра.

Дверь без стука распахнулась, и в комнату быстрым шагом и с оголенным мечом влетел Клит и еще несколько воинов. Странно, но Александр не слышал никаких движений на улице, должно быть, когда Клит увидел издали дом, он осторожно подкрался к нему и, увидев через окно Александра, тут же ворвался внутрь.

— Александр! — произнес он с ноткой облегчения. — С тобой все в порядке?

В этот момент он грозно взглянул в сторону человека, у которого Александр провел столько времени, но, увидев старика, понял, что опасаться нечего, и грозность его взгляда сменилась радостью.

— Все хорошо, Клит, — ответил Александр.

— Мы тебя уже обыскались. Ты ушел из лагеря еще до заката солнца, а сейчас уже поздно. Гефестион поскакал осматривать леса южнее лагеря, а Филота с людьми пошел на восток.

— Оставьте его! — приказал Александром воинам, направившим меч на старика, — Клит, я уже не ребенок! — усмехнулся он, вновь переведя взгляд на Клита. — Тем более что времени прошло немного.

— Это верно, — согласился Клит и оглядел жилище. — Ты еще останешься, Александр, или пойдешь с нами?

Старик, внимательно наблюдающий за Александром, молча кивнул головой, соглашаясь с тем, что ему пора ехать.

— Я пойду с вами, — и после некоторой паузы добавил. — Подождите меня снаружи, я сейчас буду.

Когда Клит с воинами вышел, Александр подошел к человеку, сумевшему заглянуть в его душу и разобраться в её хитросплетениях, и посмотрел в его чистые глаза. Вне всякого сомнения, это был единственный раз, когда Александр видел этого человека. Больше им никогда не суждено было встретиться. Судьба подарила им лишь одну встречу. Конечно, начинавшему путаться в своих мыслях, желаниях и не знавшему как поступить в тех или иных ситуациях — не то, как хочет он, не то, как ждут от него другие, — Александру этого было мало, но он понимал, что каждому своя дорога, и смирился с происходящим. Потом он крепко обнял старика, поблагодарил и вышел.

После встречи со старцем какая-то ясность появилась в голове Александра. Пусть совсем не надолго, пусть он не понимал, отчего она, но в душе что-то встало на свое место, и уже от этого было легче. Старик временно исцелил его душу.

Александр вскочил на Буцефала, и вместе с друзьями поскакал в лагерь. Когда добрались до места, Александр собрал кое-что из продовольствия, и приказал одному из воинов, который был с Клитом, когда они нашли его, отвести это старику.

Встреча со старцем еще долго не выходила из головы Александра. Он засыпал, размышляя над сказанным. Едва проснувшись, вспоминал об их разговоре. Много раз он делал тщетные попытки понять значение услышанного, но ничего вразумительного не приходило на ум.

Тем временем непобедимое войско уже подошло к самому Египту, покорив всё на своем пути. Только здесь, погруженный в мир загадочного Нила, он стал постепенно забывать о той встрече.

Египет удивлял, поражал, зачаровывал сознание македонских воинов своей красотой, величием, уникальностью храмов, дворцов и, конечно же, пирамид. Долго шло войско через леса и горы, терпя неудобства и лишения походной жизни. Много изматывающих дней провели воины в переходах через раскаленную пустыню, прежде чем оказались в Египте, и от этого только слаще показался им прием в шикарном, украшенном золотом дворце.

Несколько замечательных недель провел Александр в египетском дворце окруженный вниманием и заботой. Здесь он познакомился с Мерит — смотрительницей дворца. Обходительнейшая Мерит не давала скучать правителю Азии, по-

стоянно развлекая его танцовщицами и музыкантами, ораторами и поэтами. Проявляя большой интерес к культуре Египта, Александр удостоился уважения со стороны как смотрительницы дворца, так и её подчиненных. Целыми днями мог проводить он в библиотеке, изучая иероглифы на папирусах. Уходя с головой в их изучение, он отдыхал от физически нагрузок, связанных с длительным переходом.

Однажды ночью он проснулся от того, что кто-то теребил его за плечо. Открыв глаза, он увидел Мерит, стоявшую перед ним в темной одежде. Она приложила палец к губам и шепотом попросила не шуметь. Александр с недоумением поднялся, одел данную ему одежду и, стараясь не издавать лишнего шума, вышел из комнаты, следуя за ней. Ни одного стражника не встретили они на своем пути. Видимо, было уже настолько поздно, что даже его друзья македонцы отошли ко сну. Идя по дворцу, они свернули в потайную дверь и оказались в длинном коридоре. Мерит взяла приготовленный на стене факел и осветила коридор. Висевшая повсюду паутина бросала тень на стены, отчего казалось, что её ещё больше.

— Куда мы идем? — с опасением спросил Александр. Не понаслышке знал он о скверных нравах восточных народов.

— Ни о чем не беспокойся! Тебе просто нужно там быть, — произнесла Мерит, и в её голосе слышались нотки волнения.

Когда Мерит и Александр вышли из потайного коридора,

Александр понял, что находятся они за пределами дворца. Искусно замаскированная дверь с наружной стороны стены была совершенно незаметна. Хорошие специалисты трудились над строительством дворца в свое время. Александр накинул по просьбе Мерит на голову платок, чтобы оставаться незамеченным, они сели в приготовленную колесницу, и связка из двух лошадей тронулась. Выехав за пределы города, Александр прислушался к своей интуиции. Никакого волнения оно не выдавало. Они были одни, и беспокоиться было не о чем.

Мерит прекрасно управляла колесницей, и Александр мог со спокойной душой любоваться яркими звездами, усыпавшими ночное небо. Ночь казалась довольно холодной даже для привыкшего ко всему Александра, однако Мерит совсем не подавала виду что ей холодно. Это была настоящая восточная женщина, гордая и не желающая ни в чем признавать свою слабость. Вдалеке заблестели маленькие огоньки, и Мерит направила колесницу напрямик на них. От такой ночной прохлады звезды казались особо яркими и завораживающими, особенно созвездие Ориона казалось более таинственным, чем прежде. За всю поездку спутники не произнесли ни слова. Александр чувствовал напряженность Мерит и решил не начинать первым разговор, посчитав, что уж если это сюрприз, то не стоит его узнавать раньше срока.

Тем временем колесница подъехала к огонькам, оказавшиеся двумя зажженными факелами. Лишь в их свете оше-

ломленный Александр увидел величественно возвышающуюся пирамиду. Колени стало потрясывать от такого зрелища. Пирамида была столь высока и велика, что факелы освещали лишь её малую часть, а остальная часть слабым силуэтом виднелась на фоне ночного неба.

В темноте пирамиды показались две фигуры невысокого роста, и тут же попали в свет факелов. Это были два египтянина в белых одеждах. Их головы были гладко выбриты, а глаза аккуратно накрашены. Александр никогда не понимал причины этих действий, они казались ему слишком женственными и ненужными, но он также понимал, что это неотъемлемая часть культуры Нила, и никогда не относился к этому с презрением, лишь с легким непониманием.

— Это стражи пирамиды, — пояснила Мерит. — Их предки охраняли её секреты много веков, а сейчас это делают они. Тебе не нужно опасаться их.

Александр кивнул им, не проронив ни слова, и они ответили тем же, слегка улыбнувшись. Взяв Александра за руку, Мерит пошла следом за жрецами по высоким ступеням вверх, к входу. Рука её дрожала от волнения, то крепко сжимая ладонь, то резко расслабляя её. Совершенно непонятное волнение охватило и самого Александра. С каждым шагом оно поглощало все больше и больше. Поднявшись, Александр увидел в свете факелов вход в эту величественную пирамиду. Сразу за входом длинный узкий коридор спускался вниз. По его стенам висели зажженные факелы. Жрецы по-

смотрели на Мерит и Александра, молча спрашивая, готовы ли они идти дальше. Один из жрецов пошел первым вниз по коридору, а второй замыкал цепочку. Коридор был узок, и шли они друг за другом.

Всё то время, пока Александр шел по лабиринтам пирамиды, первоначальное волнение пропало так же внезапно, как и появилось. Только легкое головокружение и легкость в своих движениях чувствовал он. Но стоило оказаться в камере, как волнение с новой силой пробило его вновь. Вибрации волнами накатывались на ничего не понимающего Александра, тряся его и передергивая.

— Это камера Фараона, — сказала Мерит.

В камере уже все было готово к какой-то церемонии. Лежал египетский крест, называемый анхом, как узнал Александр из папирусов, и еще приспособления, которые он видел в письменах, но не помнил их названия и значения, стоял саркофаг. Камера была ярко освещена двумя факелами, в свете которых были отчетливо видны рисунки на её стенах, и звезды на потолке. Молчащие всю дорогу жрецы отошли в дальний угол камеры и ожидающе смотрели на Мерит. Несмотря на то, что происходящее казалось Александру странным и не находило место в его привычном миропонимании, ощущение пребывания здесь раньше преследовало с того момента, как он оказался внутри пирамиды. Сейчас, войдя в эту камеру, к этим ощущениям прибавились еще состояние легкого опьянения и беспричинной паники, с кото-

рой Александр даже не пытался бороться, а только лишь воспринимал как неизбежное.

Мерит встала напротив царя и, с трудом сдерживая волнение, начала свою речь.

— Александр, эта чудесная ночь навсегда изменит твою жизнь, придав ей новую призму, сквозь которую ты будешь наблюдать за этим прекрасным миром. Ты божественен! И ты должен всегда помнить это, идя по миру со своей сакральной миссией, — голос её дрожал. — Сейчас ты должен пройти инициацию, время для которой уже пришло.

— Нет, Мерит! — категорическим отказом ответил Александр.

Он не стал объяснять причину, но для него она была предельно ясна. Еще от своего учителя Аристотеля он знал, что при помощи ритуалов можно воздействовать на поведение человека, и где как не в Египте с его многовековой историей магии знать, как это лучше сделать. Он боялся быть поработленным и впасть в зависимость от желания египетской подданной, готовой пойти на все ради сохранения целостности своей страны.

Ощущение легкого опьянения накатилось с новой силой, и паника едва не вырвалась из груди.

— Нет! Нет! — вскричал он сквозь бьющую по телу вибрацию.

Сознание помутилось и отошло на второй план, пропустив вперед нечто, не зависящее от его желания. Невидимая

программа поведения взяла его в свою власть, повелевая через него и действуя как посчитает необходимым.

— Я согласен, — обреченно сказал Александр, повинувшись заложенной до рождения программе.

Мерит кивнула и обратилась к жрецам на их родном языке. Стражи пирамиды подошли к иницилируемому и, взяв под руки, подвели к центру камеры. Александр в полуобморочном состоянии едва стоял на ногах в ожидании дальнейших событий.

Пока жрецы держали его под руки, Мерит взяла анх и встала напротив. Она что-то говорила, но Александр не мог разобрать её слов сквозь окутывающий вакуум. Поднеся анх ко лбу и держа его на расстоянии ладони, она продолжала шевелить губами, смотря иницилируемому прямо в глаза. Закончив говорить, она коснулась анхом лба Александра...

...Яркая вспышка взорвалась, и чувство небывалой прежде легкости мощным взрывом растеклось по всей его сущности и сознанию...

...Шарообразный предмет, приближающийся к нему в черном бескрайнем пространстве. — Это была Земля с повернутой к нему Гондваной, он знал это точно. Сквозь толстое стекло иллюминатора видел он, как покрывающая всю её поверхность вода оставляла немного места для одиноко блуждающего материка...

...Жаркий спор с себе подобными существами о необходимости оставить в неприкосновенности созданных рабов,

после того как их задача выполнена...

...Черно-красные деревья грустно стоят у подножья скалистых гор... заходящее солнце бросает лучи на планетопутник, делая воздух золотистым... и болезненное чувство сожаления о неизбежности финала деградирующей расы, обреченной почти на полное исчезновение...

...Страшное зрелище стремительно надвигающегося темно-синего потока, грохочущего и отделяющего его от привычной жизни... падение... прозрачные вертикальные воронки, повсюду появляющиеся в пространстве и беспощадно поглощающие в себя всех живых существ...

...Огромная пирамида... саркофаг... блаженное единение с Вселенной в усеянном миллионами звезд Космосе...

Очнулся Александр лежащим на каменном полу. Рядом с ним стояли Мерит и жрецы, проводившие инициацию. Как не пытался Александр, ни одна крупица воспоминаая произошедшего с ним в это время не отразилась в его памяти. Ощущение было превосходным, от предшествующего недомогания не осталось и следа, словно он выполнил свой долг, и совесть его очистилась.

— Поздравляю, — произнесла Мерит, — ты закончил то, что когда-то начал!

После увиденного божественное происхождение гордостью воссияло в нем. Назначив себя фараоном, сыном Амона и возведя в пантеон богов, он требовал воздать себе почести, которых удостаивались лишь боги. Резко вострепнувшаяся в

нем гордыня удивила в первую очередь близких друзей, которых теперь царь держал на расстоянии и требовал от них почестей и уважения, которых чуждался прежде. Много конфликтов разжигало его высокомерие, пока он, наконец, не переосмыслил свое положение и не вернулся к прежнему образу жизни и поведения, однако след божественной природы и принадлежности к созданию людей остался, проявляясь во вспыльчивости и критике.

Причина его появления в волшебной стране Нила была решена, и в скором времени войско македонцев продолжило свой долгий и опасный поход в покорении мира. Проходя через Месопотамию, македонскую армию встретила поджигающая армия Дария.

Разбив лагерь близ Гавгамел, уставшие от утомительного пути воины отдыхали, а Александр со своим ближайшим окружением — Парменионом и его сыном Филотом, Антигоном, Пердиккой, Леонидом, Неархом, Палисперхоном, Кли- том, Птолемеем и Гефестионом — укрылись в палатке обсудить план предстоящей битвы.

Одержав множество славных побед, Александр со своим войском вышел к казавшейся для многих кульминационной битве против персидского царя Дария, захватившего половину мира, известного Александру.

Огромная и многонациональная наемная армия Дария внушала ужас. В том числе и македонцам. Сто восемьдесят тысяч хорошо обученных наемников, вооруженных неви-

данным оружием, встала на пути сорокатысячного войска до сей поры непобедимых македонян. Ни Дарий, ни Александр не знали горечи поражений.

Беседа затянулась до самого вечера. Опечаленный непониманием своих решений Александр покинул палатку. Проблема поколений дала знать о себе. Парменион и Антигон, два взрослых и опытейших воина, не поддерживали его точку зрения. Александр чувствовал и понимал, что армия персов — это группа наемников, сражающихся за золото, а не за свободу и не за собственную честь. Смерть Дария приведет их в замешательство. Поняв, что Дария нет и платить им не будут, они разбегутся сами. Парменион, Антигон и некоторые другие, не поддерживающие Александра, настаивали на перегруппировке и пополнении армии, чтобы уже потом, когда численность армии будет увеличена, одолеть персидское войско. Александру было непонятно, почему эти взрослые люди не понимают таких элементарных вещей: зачем идти напролом, если можно обезглавить армию и наблюдать со стороны за её бегством.

Погруженный в собственные мысли, он не заметил, как дошел до края лагеря, глядя на слабо выраженный горизонт. Облака закрывали большую часть звезд, а без пяти дневная луна затаилась высоко в небе, освещая большой кусок неба вокруг себя.

— Вот ты где, Александр! — сказал подошедший сзади Гефестион.

Александр обернулся. Юношеское лицо его друга было украшено шрамами, полученными в сражениях. Он помнил, как Гефестион получил каждый из них. Помнил свои переживания в тот момент. Завернувшись в шкуру, Гефестион смотрел на него глазами, полными грусти и сочувствия. Александр не понимал, как такой искусный юноша мог быть безжалостным воином на поле боя. Его доброта и человечность едва уживались с жестокостью в бою.

— Они стары, Александр. Прости им их непонимание! — сказал Гефестион.

— Зачем проливать кровь невинных людей, пытающихся заработать деньги на нужды своих семей, если можно посредством меньших жизней убить их хозяина и дать им возможность спастись бегством? — взмолился Александр.

— Ты добр и великодушен! Но не требуй и от других того же! Ими движет любовь к богатству и славе. У тебя все это уже есть, и ты ищешь другие ценности в жизни.

— Только ты понимаешь меня, мой друг Гефестион! Раньше я хотел стать царем всего мира, но сейчас, видя цену моих желаний, я не хочу больше этого. Я хочу видеть одно огромное государство, неважно, как оно будет называться, или Греция, или Македония, или еще как-то, главное, чтобы оно было едино. Не будет в нем войн и насилия. Править в нем будет мир и гармония. Доброта и справедливость будут в сердцах людей, уставших жить в страхе. Я не хочу видеть смерть моих воинов так же, как и смерть персов. Чем они

хуже нас? Они такие же люди, как ты и я, Гефестион! — и он потряс друга за плечи.

— Боги благосклонны к тебе, Александр. Они позволили тебе прийти сюда и помогут пройти дальше, — сказал Гефестион, когда они шли по лагерю.

Воины занимались своими делами: некоторые, особенно мечтательные, уже придавались мечтам о богатствах Вавилона, но основная часть армии грелась вином, завернувшись в пледы возле костров. Увидев своего царя, они вставали, выражая почтение и уважение.

— Мы с тобой, Александр! Приведи нас к желанной победе! — говорили они.

— Сражайтесь завтра так, чтобы отцы ваши гордились вами, и тогда мы одолеем Дария, — ответил Александр, похлопав одного из них по плечу.

— Мы сделаем все, наш царь, — сказал Никанор.

Никанор сидел у огня, завернувшись в плед. В последнем бою он проявил смекалку и небывалое мужество. Когда его меч был выбит, он голыми руками стал уничтожать врага, вырывая им горло и выцарапывая глаза.

— Вам нужно хорошо отдохнуть, прежде чем наступит битва. Вы должны быть полны сил. Доброй вам всем ночи, свободные жители Македонии! — попрощался Александр и отправился медленным шагом в свою палатку, в сопровождении Гефестиона.

— Доброй ночи тебе, Александр! — попрощались воины.

— Завтра нас ждет славное сражение!

Александр еще раз кивнул головой и пошел дальше. Гефестион следовал рядом.

— Они любят тебя!

— Надолго ли эта любовь, мой друг? — вздохнул Александр.

Следующий день предстоял быть жарким от кипящей крови и сверкающих на солнце клинков. Когда друзья оказались рядом с палаткой, Александр обнял Гефестиона и попрощался. Зашел в свою палатку, медленно сел на землю. Слезы покатались по его щекам. Он закрыл лицо ладонями и просидел в таком положении, пока не уснул.

Проснувшись рано утром от сильного волнения, Александр вышел на улицу. Алый рассвет вставал над полем предстоящего сражения. Немного постояв на утреннем воздухе, он вернулся в палатку и достал маленький ларец с восковыми фигурками, изображавшими его врагов. Когда-то давно этот ларец передал ему Аристотель. Он сам сделал его и научил Александра пользоваться им. Будучи уверенным в собственных силах, Александр крайне редко прибегал к силам, идущим извне, однако сегодня он достал ларец и, вытащив фигурку Дария, преподнес её к губам. Нашептывая заклинание, он в мыслях представлял образ Дария, как Дарий со своей армией гибнет под натиском храброго войска македонцев, и заключал эти образы в фосфорную фигурку. Ощувив, что фигурка заполнена образами смерти и пораже-

ния, а в душе Александра на месте перенесенных образов появилась временная пустота, он, желая закрепить, положил фигурку Дария на землю и пронзил её мечом, представляя, что на месте восковой фигурки находится настоящий Дарий. Из своего прошедшего опыта он помнил, что приемы черной магии всегда срабатывают при правильном их выполнении, и сейчас он очень на неё рассчитывал.

Размявшись перед предстоящей битвой и вскочив на Буцефала, Александр поскакал вдоль солдат, выкрикивая подбадривающие слова. И вновь что-то жалостливое больно кольнуло в груди. Боясь показать слабость, он набрал полные легкие воздуха и резко выдохнул. Стало немного легче, но надолго ли? Подъехавшему Леониду, Александр с болью отдал приказ построить войско, а сам направил коня к армии Дария. Многотысячное войско виднелось издали. Остановив Буцефала, он внимательно всмотрелся вдаль. Среди множества собиравшихся в бой людей были те, чьи жизни ему придется сегодня забрать. И, кто знает, возможно, из этой огромной массы чужеземных воинов найдется тот единственный, кому по силам сразить до сей поры непобедимого царя.

Вернувшись к войску, Александр произнес последнее перед боем напутствие и повел свою армию на Дария. Две армии двигались навстречу друг другу, готовые умереть за свои идеи и чужое богатство. Сердца стучали под железными доспехами. Кто-то уже знал, что это их последнее сражение.

«Они или мы!?» — вызывающим кличем Леонид воодушевлял воинов.

Руки Александра уверенно держали поводья Буцефала, однако внутри по-прежнему царило отчаяние, готовое отразиться на лице. Приблизившись к надвигающейся армии, Александр опустил забрало и... Отчаяние сменилось яростью, чувством непобедимости и переполняющей жаждой крови. Он гнал Буцефала на врага, отдавая команды своим воинам.

Ворвавшись в самую гущу сражения, Александр щедро раздавал удары мечом, рубя персидских наемников. Кровь брызгала во все стороны. Меч Александра пробивал насквозь доспехи противника. Силу руке прибавлял Буцефал, скакавший навстречу судьбе. Александр увернулся от летевшего навстречу копья и, сходу ударив по руке одного из сотен тысяч персов, поскакал дальше. Кровь багровыми каплями брызнула в лицо и на доспехи, а враг остался где-то за спиной умирать от потери крови, если смерть не пришла к нему раньше от руки македонца. Крики, боль, стоны, окружили Александра со всех сторон. Они надвигались на него и прерывались, затмеваясь другими. Подняв голову он увидел страшную картину: огромная армия персов неслась прямо на его небольшой отряд. Македонская армия выглядела каплей в море по сравнению с противником.

— Вперед, за Македонию! — закричал Александр, придавая храбрости и сил своим воинам.

Этот клич должен был воодушевить воинов на героизм и заставить вспомнить о женах и детях, оставшихся на родине.

Жажда разрушения вырывалась из его нутра, карающим мечом обрушиваясь на головы врагов. Эмоции, переполнявшие животную сущность, диким воплем вырывались из горла. Рука без устали махала мечом, рубя руки и головы, пронзая тела чужеземцев. Кровь, пыль, грязь — все смешалось в одно. Огонь внутри Александра не знал пощады ни перед кем. Ярость вызвала на помощь невидимую силу, отводившую в сторону удары дарийских наемников. Ярость призвала неведомую физическую силу: необыкновенным по силе ударом разрубил он грудную клетку врага сверху вниз, перерубив ребра и органы.

Казалось, огонь вырывался из под копыт разбушевавшегося Буцефала, когда он летел на врагов, топча их под собой. Играя со смертью, они оба, и Александр и Буцефал, словно насмехались над богами, показывая свою непобедимость, наводя ужас и панику на врагов. Последние взгляды тускнеющих глаз собирал великий воин в свою душевную коллекцию, которую он жаждал пополнять снова и снова новыми экспонатами. Прилив сильного возбуждения каждый раз топил в себе подступающую усталость.

Только движение помогало бесстрашному правителю жить в этом другом мире, мире боя, совершенно непохожем на его внутренний. Только вперед без оглядки назад двигался он, ведя за собой свое немногочисленное отважное вой-

ско, оставляя после себя безжизненную территорию. Жестокая рука сеяла мучительную смерть, отправляя десятки душ на небеса в объятия Аиду и Танатосу.

Его лица никто не видел, он не любил, не ненавидел, всего лишь гениально и неподдельно исполняя свою роль подобно талантливейшему актеру. Неведома пощада и страх в его глазах, спрятанных за забралом. Пролитая кровь врагов покрывала доспехи. Испачканный кровью Буцефал чувствовал ярость своего хозяина и, перенимая её, мчался вперед, сбивая и калеча врагов.

Попав в кольцо окружения, свирепый Буцефал яростно брыкался, лягнув нескольких стоящих позади воинов. Александр с трудом удерживался на нем, когда тот крутился на месте, калеча врагов. Сильное возбуждение волнами накаtywало на них.

Александр ощущал себя центром мира, вращавшегося вокруг него в диком танце «жизни и смерти». Померкшее сознание исказилось до нечеловеческого состояния. В океане глаз отражалась безысходность и чувство неминуемой гибели. Размахивая мечом, Александр продолжал искать в толпе Дария — человека, посмеявшего назвать себя царем мира.

Все они — македонцы и персы — кровью и мечом писали историю мира.

В этот день Зевс и Ника были на стороне Александра. Терпя многочисленные потери, Александр все же обратил Дария в бегство и после непродолжительного преследования вер-

нулся туда, где совсем недавно шла жестокая битва.

Ушедшее на время боя во мрак сознание стало возвращаться. Спрыгнув с коня, он напрягал память изо всех сил, но не мог вспомнить целостной картины произошедшего на поле брани. Лишь отрывочные фрагменты сохранились в его памяти. Александр оглядел поле сражения, и холодный ток прошел через уставшее тело. На поле места не было, где бы не было крови. Боль звериным криком вырвалась из груди и перешла в горестный плач. Жалость и страх больше тысячи острых стрел пронзили его. Как белое изваяние стоял он на коленях среди изуродованных трупов, и слезы катились по щекам. Десятки тысяч изувеченных тел лежало на песке, пропитанном кровью. Македонцы и персы оказались лежащими рядом. Только смерть смогла уровнять их. Оставшиеся в живых македонские воины, измученные усталостью и полученными в бою ранами, искали оставшихся в живых товарищей.

Убитый горем Александр с трудом поднялся с колен и с душевной болью побрел к навесу с ранеными, переступая через изуродованные трупы. Болезненное ощущение выражалось на его бледном лице. Скорбь опечалила его взгляд.

Переступая через тела, он услышал тихий голос, молящий о помощи. На песке, прямо у его ног, среди изувеченных тел, лежал истекающий кровью воин Дария. Он был смертельно ранен, но еще жив. Александр сбросил мешавший шлем и, взяв на руки персидского воина, понес под навес.

— Помогите ему! — скомандовал Александр, положив перса на песок. — Несите сюда всех раненых воинов, как македонцев, так и персов. Всем им оказывайте должный уход.

— Это люди Дария, мой царь! — с трудом произнес молодой воин после неловкого молчания. Он лежал на песке, его рука была окровавлена в результате битвы с персами, и ему, разумеется, было неприятно помогать им после того, что с ним сделали.

Александр обернулся в его сторону.

— Ты правильно сказал, Адриан! Это люди! Чем же этот перс хуже наших воинов? Он тоже человек, как ты, я и все сражавшиеся сегодня! Он отважно сражался! Помоги ему! — Адриан с трудом поднялся и стал помогать персу. — В груди нужно иметь сердце, мягкое, нежное, чувствительное, а не камень! — переполненный болью Александр изливал свои чувства, обращаясь уже ко всем воинам. — Неважно, кто вы, воины или ремесленники, слуги или цари, каждый из вас влияет на судьбы других в той или иной мере. Только люди с добрым сердцем и чистой душой оставят след. Это будет не след в истории, это будет след намного важнее и значимее — след в душе человека!

Все воины стояли и внимательно слушали своего полководца. Александр видел в глазах многих из них понимание. Своей короткой речью ему удалось достучаться до сердец, и это, пожалуй, была более важная победа, чем та, которая была добыта ценой многих тысяч жизней.

Александр окинул взглядом всех находившихся под навесом. Боязнь не увидеть живыми своих друзей заперлась в душе, как и после каждого сражения. Но все обошлось. Гефестион стоял под другим концом навеса. На его руке был виден глубокий порез, но судя по его виду, чувствовал он себя хорошо. Встретившись глазами, губы Гефестиона едва заметно растянулись в улыбке. Александр кивнул ему в ответ. Клит помогал кому-то из раненых. Филот, Неарх, Леонид и Пталимей носили раненых с поля боя наравне с остальными воинами. Все те, с кем Александр планировал этот бой, — выжили.

— Я вижу твою боль, Александр. Она безжалостно терзает тебя, — сказал подошедший Гефестион. — Ты слишком близко к сердцу принимаешь естественный ход истории и события.

— Убийца не достоин другого! — с болью ответил Александр.

Не теряя времени, Александр направился на поле боя искать раненых. Он понимал, что ему сейчас надо быть чем-то занятым, чтобы слезы не хлынули из глаз. Каждый из воинов был занят своим делом. Кто-то носил раненых под навес, кто-то снимал доспехи, чтобы промыть раны, кто-то занимался лечением. В гуще воинов со всех сторон доносились стоны. Предсмертные муки добивали смертельно раненых.

Облокотившись на подпорку, придерживающую навес, Вукол лежал на коленях своего брата Аксентия. Его грудь

была пробита, и из раны сочилась кровь. Аксений прижимал голову младшего брата к себе и со слезами на глазах молил Зевса даровать ему жизнь. Александр подошел к ним и взял Вукола за руку. Агонический припадок тряс его смертельно раненое тело. Вукол смотрел на брата, вскинувшего голову к небесам. Из последних сил эти глаза пытались зацепиться за уходящие секунды жизни. Аксений опустил голову и взглянул на умирающего брата. Взгляды их встретились. Попытавшись что-то прошептать, Вукол резко оборвал себя на полуслове и взгляд его зеленых глаз остекленел. Смерть забрала его жизнь через красивые зеленые глаза. Крепко обхватив тело брата, Аксений плакал и молил простить за то, что не уберег его. Наверняка, уходя в поход, он дал матери слово оберегать младшего брата и заботиться о нём, но желанию матери увидеть своего младшего сына не суждено было сбыться. Чувство виновности в смерти Вукола ощутил Александр.

Александр поднялся. Таких, как Вукол и Аксений, было множество. Семьями уходили на войну. В сражениях братья теряли друг друга, сыновья теряли своих отцов, а отцы безвременно ушедших сыновей. Нет и не было на свете ничего страшнее, чем ситуации, когда родители хоронят своих детей.

— Сегодня вы сражались как верные дети Македонии! Как отважные львы, защищающие своих львят от хищников! Об этом сражении будут писать легенды, и вы будете их ге-

роями! Сегодня на всем белом свете не было людей храбрее и лучше вас! После сегодняшней победы никто из вас не канет в Лету! — Александр надеялся, что эти слова будут хоть небольшим утешением. — Герой должен жертвовать всем, даже собственной жизнью, ради блага общества. И после сегодняшнего боя вы все вознеслись в ранг Героев, делом доказав, что достойны этого! — заключил он.

Сейчас, когда Азия пала к его ногам, она была ему не нужна. Он не чувствовал гордости за себя, понимая, что победил не он, а всё войско. Он был горд только одним — его армия была мала по сравнению с войском Дария, но, несмотря на численность, она обратила Дария в бегство своим упорством и волей.

Несколько дней остатки армии оставались еще недалеко от поля сражения. Немного залечив раны и соорудив носилки для тех, кто не мог самостоятельно передвигаться, оставшиеся воины собрались в свой новый город, оставив тела убитых на съедения воронам и шакалам.

— Великая персидская империя, о которой мы слышали с самого детства, разрушена. Мы стали на шаг ближе к объединению мира! И теперь можем идти смотреть наш новый дом. Дом, о котором так много сказано, но никто из нас его не видел до этого момента. Великий город Вавилон ждет вас, смелые воины Македонии! — объявил Александр, стоя перед своим войском.

Легендарный город предстал перед победителями во всей

красе. Александр вошел в главные ворота города впереди колонны. Чуть позади него шел Гефестион, а за ним все остальное войско. Армию Александра встречали как освободителей. Самого же Александра закидывали цветами и пели песни в его честь. На какое-то время он даже забыл о душевных мучениях и был счастлив. Он видел радость освобожденных людей и их слезы счастья. Улыбки на лицах детей согревали сердце. Такие минуты были редки, но только в них он оправдывался перед самим собой за свою жестокость. «Предназначение воинов сражаться и умирать за благополучие других», — успокаивал он себя. Но проходило некоторое время, и вновь уныние овладевало им — слишком высока была цена счастья других людей.

Город показывал себя во всех красках перед новыми хозяевами. Никогда прежде армия македонцев не видела такой красоты.

— За этот город стоило биться! — крикнул идущий позади Клит.

Александр повернулся, и Клит увидел улыбку на его лице. Улыбку, которую он не видел уже несколько месяцев.

— Вот мы и дома, мой храбрый Клит! — сказал Александр.

Ему было все равно, какой город станет столицей нового единого государства. Главное, чтобы он справлялся с поставленной задачей. Но для многих воинов это было неприемлемо. Они по-прежнему ощущали себя жителями Греции,

и видели свой дом только там, у горы Олимп. Для них признание Вавилона новым домом было равно измене.

Высокий каменный дворец со свисающими по фасадам яркими растениями пленил глаза и души воинов-победителей. Красные, желтые цветы и зеленые растения словно паутиной опутывали это чудо архитектурного творения. Мраморные лестницы, ведущие во дворец, под яркими лучами солнца отражались золотистым светом. Сад, полный диковинных растений и цветов, расположился у стен дворца, создавая образ легендарного города богов. Внутри весь дворец был выложен мелкой мозаикой: от самого пола до высокого потолка были запечатлены сцены жизни вавилонского царя и других Героев.

Александр зашел в огромную комнату, которая, по всей видимости, была спальней Дария, человека, провозгласившего себя Царем Стран. Следом за ним вошел Клит и закрыл за собой дверь.

— Александр, ты привел нас к победе, и я благодарен тебе за это. Но что ты имел в виду, называя Вавилоном своим домом?

— Теперь Вавилон наш новый дом. Моя цель — создание одного большого государства, в котором я буду правителем, а ты, Пердикка, Леонид, Неарх, Полиперхон и другие будут моими главными помощниками. И именно Вавилону суждено стать главным городом этого государства.

— Это немыслимо! — возмутился Клит. — И как ты со-

бираешься покорить другие земли, когда наша армия ослаблена?

— Я позову за собой наших бывших врагов! Я сделаю из них союзников, — Александр говорил уверенно и спокойно.

Клит усмехнулся.

— И как же ты это сделаешь?

Александр пристально посмотрел на него. Клит смотрел в ответ, не моргая.

— Я покажу им, что они равные нам. Наши воины будут иметь право брать в жены женщин из завоеванных стран.

— Ты хочешь приравнять нас к покоренным народам? — вскричал Клит. — Зачем же мы сражались?!

— Затем, чтобы жить в мире! — закричал Александр в ответ.

— Я вижу мир только во главе с Грецией.

Сейчас Александр понимал, что под его словами «объединение мира» многие понимали «господство над миром».

— Не про тот мир ты мне сейчас говоришь, Клит! Я вижу мир в идиллии и понимании. Я не могу больше смотреть на то, как мы, люди, убиваем друг друга! Ты, Клит, не устал еще нести смерть своим мечом? Скольких детей ты оставил без отцов? Скольких жен ты сделал вдовами? Сколько прекрасных рук, способных строить города и рисовать картины, ты убил?

— Это война, Александр!

— Я не хочу больше войны! Когда я создам одно государ-

ство, в нем все будут равны друг перед другом. Наши воины будут брать в жены женщин из других стран и заводить семьи. Потом у них будут появляться дети, которые будут на половину македонцами. Так мы объединим множество стран в одну. Разве люди одного государства пойдут войной друг на друга?

— Мы силой покорили страны, оставшиеся позади...

— Нет, Клит, ты ошибаешься! — перебил Александр. — Мы их не покорили, мы их освободили, сделав своими союзниками, а не рабами.

— Ты спятил, Александр! Мы силой можем заставить все эти страны, в том числе и Персию, слушаться нас! Нам стоит только вернуться домой и собрать новое войско.

— Теперь здесь наш дом! — голос Александра повисил. — Силой ты, может быть, и сможешь заставить их подчиниться тебе, но ты никогда не заставишь их полюбить себя! Сила, использованная не во имя любви, разрушает!

— Ты и вправду спятил! Давай заберем все, что найдем здесь, и вернемся в Грецию победителями. А Вавилон разрушим.

Брови Александра немного приподнялись.

— Иди сюда, Клит! — сказал Александр и направился на балкон.

— Смотри! Разве можно разрушить этот чудесный город? — и Александр указал на стоящий город, — разве твоя рука поднимется на такое?

Клит смотрел вниз. Прямо под ним расположился круглый бассейн с позолоченными бортами, в котором плавали золотые рыбки. Прекрасные белые скамьи стояли под ровно подстриженными деревьями. Храмы Мардука, Гулы и Нинурты были богато украшены драгоценными камнями. Музей и библиотека городского дворца Новохудоносора хранили множество тайн, сокрытых от чужеземных народов. Акрополь. Весь город, простиравшийся далеко во всех направлениях, представлял собой единую картину богатства и самодостаточности. Дворец, в котором вырос Александр, даже в отдаленных чертах не был похож на это чудо.

— Возможно, ты прав. Его не стоит разрушать. Его строили великие умы, и даже мы не вправе отправлять его в историю. Но мы не должны позволять этим варварам считать себя равными нам.

— Прости, Клит, но мне искренне жаль, что ты этого не понимаешь! Разве эти чужеземцы, построившие такой прекрасный город, намного хуже нас, только и умеющих что убивать и разрушать?

Александр вернулся обратно в комнату и сел на кровать. На душе было немного легче, чем когда он пришел во дворец. По крайней мере, теперь Клит знает истинные причины многих его поступков.

— Ты не сын своего отца, — сказал Клит, зайдя в комнату. Он шел прямо к двери, даже не взглянув на Александра.

— Филипп никогда бы не поступал так глупо! — кинул

Клит напоследок.

— Отец не сумел дойти до Вавилона! — крикнул вдогонку Александр.

Разговор с Клитом оставил неприятный осадок в груди молодого царя.

Вечером этого же дня Александр и близкие ему люди собрались в огромном зале, где в честь победителей был дан пир. На множестве пиров приходилось бывать Александру и его людям, но такого изыска им не доводилось видеть никогда прежде. Огромные наполненные вином кувшины постоянно заполняли кубки. Неведомая дичь, нееденные прежде животные, экзотические фрукты лежали на длинных столах вавилонского дворца. Лучшие кулинары вложили свои силы в приготовление этих продуктов в знак покорности перед македонским войском.

Александр разговаривал с Антигоном, повернувшись в пол-оборота к двери, когда обслуживающие столы слуги преклонили головы. Недослушав Антигона, он обернулся. В его направлении робко шла невысокая девушка в торжественном одеянии и в сопровождении не менее десятка слуг.

Александр поднялся с кресла и пошел навстречу.

— Александр, это старшая дочь бывшего царя Азии Дария, — сказал один из сопровождавших её людей, низко склонив голову. — Она хочет говорить с тобой.

— Я не вправе запрещать ей это сделать, — ответил Александр.

— Благодарю тебя, Александр. Я хочу попросить тебя сохранить жизнь моей матери и моим сестрам, — сказала старшая дочь Дария, робко поглядывая в глаза человеку, изгнавшего её отца из Вавилона.

«Своей победой я сделал счастливым множество людей в Вавилоне, но лишил эту девушку, её сестер и мать, отца и мужа», — размышлял Александр.

Каким-то внутренним чувством, он ощущал исходящую от девушки обиду, страх, неприязнь, отвращение, смешанные между собой в одном горестном чувстве. И это чувство было направленно в его адрес, в адрес Александра. Для него это не было удивительным. Ведь он лишил эту девушку, а вместе с ней и её родных того, к чему она так привыкла: положения, уважения, богатства и, конечно же, самого дорогого — отца и мужа.

— Теперь вы все часть моей семьи: ты, твоя мать и твои сестры. Никто не причинит вам вреда. У вас будет все, что вы захотите, я обещаю тебе, — ответил Александр. — К вам будут относиться как к семье царя.

Опущенная в покорности голова девушки поднялась, и Александр увидел удивленные глаза. Боязнь неправильного понимания его слов, удивление, ожидание подвоха читалось в них. А между тем неприятный шёпот прошел между сидевшими за столом людьми Александра.

Неуверенно поклонившись, девушка уже направилась к выходу, дабы не мешать полководцам, как Александр взял

её за руку и предложил остаться.

— Благодарю тебя, Александр, но меня ждут мать и сёстры, — боязливо ответила она.

— Тогда разреши хотя бы проводить тебя, — предложил Александр и, видя её кивок головой, направился в сторону больших красивых дверей, украшенных барельефным изображением её отца.

— Я хочу, чтобы ты знала: в моем лице ты обрела друга и союзника, а не врага, — сказал Александр напоследок.

Вернувшись на место, Александру не давала покоя холодная атмосфера, царившая за столом. Его отважные воины исподлобья поглядывали на него, будто осуждая его поступок. Назвав семью Дария частью своей семьи, Александр наглядно показал, что он сделал страну союзником, а не захватил её. С одной стороны, он приблизился к завоёванным народам, а с другой — отошел от своего. Приобретая уважение своих новых союзников, он начал терять одобрение своих полководцев. Все больше македонцев считали поступки царя необдуманными и неверными.

Допив вино, Александр поднялся и отправился в свою новую спальню, бывшую некогда спальней Дария.

Стараясь сбежать от переживаний, он, как и часто бывало прежде, погрузился в изучение книг, карт и документов, которые нашел в библиотеке и которые по его просьбе принесли в спальню. Чем больше он изучал документы и карты, тем больше убеждался в высоком культурном развитии этих чу-

жеземцев, прежде принимаемых за слабо развитых дикарей.

После победы над Дарием многие персидские сатрапы стали переходить на службу к Александру. Называя его царем Азии, они оказывали все подобающие почести.

Немного времени провело войско македонцев в Вавилоне и Сузах. Много неприсоединившихся городов было на территории Персидской державы, ожидавших приход Александра, да и сам Дарий, законный царь Персии, был еще жив. В его присутствии, Александр был солнцем, светившимся за спиной законного царя. Пока Дарий был жив, Александру приходилось быть всего лишь узурпатором.

Собрав войско, Александр двинулся к Персеполю, центру исконно персидской земли. Минуя горные переходы, огромное войско, пополненное бывшими сторонниками Дария, вышло к городу, основанного Дарием I.

Первая попытка захватить город не увенчалась успехом, но Александр не остановился. Обойдя с частью своего войска отряды сатрапа Персии Ариобарзана, Александру все же удалось заставить город пасть к его ногам.

Желание узаконить себя на троне Азии гнало Александра дальше, за Дарием, но войско устало от постоянных скитаний, и после долгого обсуждения со своими военачальниками, Александр решил остаться в городе на четыре месяца, дав воинам время на отдых и обустройство личной жизни.

Пробыв в Персеполе до конца весны, Александр собрал войско и вновь двинулся за Дарием.

Миновав Мидии и Парфии, Александру пришло известие, что царь Дарий предан и убит собственными военачальниками.

После смерти Дария одно солнце засветило над Малой Азией, и имя ему было Александр.

Однако не все местные правители в восточных сатрапиях распавшейся Персидской империи поспешили присягнуть на верность Александру. Мечтая объединить всю Азию, как Малую, так и Среднюю, Александр отправился в очередную военную кампанию.

Дойдя до Согдиана, Александр нанес поражение скифам и основал город Александрию Эсхата. Пройдя немного дальше, в Бактрию, на древних развалинах он основал еще одну Александрию.

Узаконенное положение Александра на царском троне немного успокоило его, и, оставшись в Бактрии, Александр решил наглядно, своим примером, уравнивать победителей с побежденными и соединить их в единую монархию.

— Александр, я знаю, что внутри ты по-прежнему открыт для всех нас, но своим внешним видом ты показываешь неуважение к нашей культуре! Посмотри на себя! Ты ведешь себя хуже, чем сибарит! Ты обзавелся гаремом, в котором мешаешь женщин всех земель с нашими женщинами, ты днем и ночью носишь на себе все эти помпезные восточные одежды, совершенно забыв о хитонах, словно они недостойны твоего положения, ну, а все эти персидские придвор-

ные церемонии. Это же смешно! Ты позоришь всех нас! — сказал Клит.

— Лично меня радует пока одно, что ты не требуешь от греков их соблюдения, — добавил Парменион.

— Да, да, Александр, вспомни, как было прежде. Вспомни дружеские отношения между царем и подданными. А сейчас ни один воин не подойдет к тебе, ибо это невозможно. Ты всегда окружен этими придворными льстецами и занят общением с ними. Ты тратишь массу времени на бесполезные церемонии, в которых нет никакого толку. Неужели самолюбие сыграло с тобой эту шутку? — сказал Полиперхон.

— Дело не в самолюбии, Полиперхон. Пойми, мы покорили себе эти народы с их многовековыми традициями и устоями. Но мы не вправе ломать все то, что создавалось веками. Этот мир намного древнее нашего. Этими церемониями, одеждами, я отдаю знак уважения этим землям. Показывая, что они такие же, как мы, — ответил Александр.

— Как мы? — вскричал Клит. — Да мы покорили их! Как мы может быть такими же, как они! Не позорь нас, Александр, повторяю тебе!

Александр резко поднялся со своего трона и принялся метать грома и молнии. Он понимал, что вторгается не в свои земли. Земли с традициями и устоями, отличавшихся от его собственных. На себе испытав тяжесть создания всего великого, ему было больно разрушать эти вековые устои. Он не хотел ничего менять силой в покорившейся ему стране. Его

главным желанием было освобождение мира от персов, и на этом он собирался построить любовь к себе и уважение.

— Ты сам себя позоришь, Клит! В тебе нет ни капли сострадания и сочувствия. Народы знают, что мы сильнее, так давай не будем унижать их еще и своим поведением! Я хочу сохранить их традиции в том виде, который мы увидели. Это мы дикари, а не персы, если наша цель разрушать все, построенное до нас! Я и так слишком часто иду на поводу ваших желаний, вспомни дворец персидских царей в Парсеполе!

— Александр, — начал Парменион, — я очень уважаю тебя за твои заслуги. Ты привел нас в такие земли, о которых Филипп только мечтал, но зачем мы строим города другим народам? Я не понимаю этого!

— Парменион, мы строим города не для других народов, мы строим города для себя, — не успокаивался он. — Теперь это наша земля, и мы строим здесь свои города. Города, в которых будут жить наши люди.

— Наш дом — Греция. Здесь далекая провинция, и какое нам дело до тех, кто здесь живет? — продолжал Парменион. Его прежде не очень миролюбивый тон сменился гневным криком.

— Если мы покорили этот народ, мы должны развивать его. Мы за них в ответе. Теперь мы здесь правители и благосостояние этих земель зависит только от нас.

— Я не согласен с тобой! Наш дом — Греция. Там наши

семьи, мы должны быть там, вместо того, что бы скитаться по земле. Сколько мы уже не были дома?

— Около семи лет, — ответил Антигон, молча подпиравший стену до этого.

— Семь лет, Александр! Семь долгих лет! Возможно, тебя и не тянет туда, но подумай о нас. У большинства из нас там дети. Когда мы уезжали, они были совсем маленькими, а какие они сейчас? Они выросли без своих отцов, — сказал Парменион.

— Парменион, а сколько твоих детей бегают по всей Азии? Каждый из нас наплодил достаточно незаконных детей! Завтра я прилюдно объявлю, что все дети, появившиеся в походе должны получить греческое образование за наш счет.

Возмущению военачальников не было предела. В очередной раз обида кольнула в груди Александра. Его желание помочь жителям завоеванных земель шло вразрез с устоявшимися в Греции традициями и мнением близких ему людей.

— Хорошо, Парменион, ты можешь вернуться в Вавилон и поддержать там порядок, пока мы не завоюем оставшиеся земли, — ответил Александр.

Парменион молча отошел и сел. В зале, где еще пару минут назад кипели споры, воцарилось напряженное молчание. Парменион сидел напротив Александра, опустив голову, Клит крепко сжал кулаки и оперся ими на стол, Антигон по-прежнему подпирал стенку обхватив себя руками, Полиперхон, скрестив руки, на груди сидел на краю стола, Гефе-

стион молча стоял немного в стороне, и голове его не было покоя от терзавших её мыслей.

— Александр, не думаешь ли ты, что твоя женитьба на иноземке выставит нас не в лучшем свете? — спросил Гефестион, прервав затянувшуюся паузу.

— Женитьба на иноземке вызовет расположение к нам со стороны этих народов. Гефестион, вспомни, чему нас учили в детстве. Вспомни слова учителей: «Делай то, что приказываешь своим людям».

Мысли Александра вернули его на 15 лет назад, когда он вместе с Гефестионом, Филотой, Птолемеем и другими друзьями играл в свое удовольствие, совершенно не задумываясь о завтрашнем дне. Они строили свои собственные государства и придумывали в них свои законы. Создавали своим воображением врагов и сокрушали их. С тех пор прошло достаточно времени, но каждый из них по-прежнему остался где-то глубоко в душе ребенком, по-прежнему играя роль своего персонажа. Только вот эта игра, уже не приносила Александру удовольствия, скорее наоборот, только мучения и страдания. Сейчас от его решений зависели судьбы многих людей, а не персонажей его игры воображения. — Своей женитьбой на Роксане я на собственном примере покажу равенство азиатских народов перед нами, греками и македонцами. После моей свадьбы войны последуют моему примеру. Они поймут, что в женитьбе на иноземках нет ничего позорного.

— Ты никогда не дождешься этого от меня! Даже если это будет твоим приказом! — зло ответил Клит и вышел.

Его примеру последовали Парменион, Антигон и Полиперхон. Все они чувствовали себя оплеванными и униженными от того, что их, победителей, ставят в один ряд с побежденными. Только Гефестион остался с другом в эту трудную минуту.

— Александр, в выборе между друзьями и подданными, ты выбрал людей, которых совсем не знаешь! Эти люди не проверены ни боем, ни временем.

— Гефестион! О каком выборе ты говоришь! Я не могу выбирать, у меня нет этого выбора. Как же ты до сих пор этого не увидел! Я игрушка в руках богов! — Александр изливал душу. Все, что годами копилось в ней и чего он не мог никому доверить, бурлящим потоком вырывалось наружу. Все его мучительные страдания и самые страшные предположения горячей лавой выплескивались из кратера потревоженного вулкана. — Величие идет рука об руку с крахом! Моя власть есть одиночество! События всегда складываются так, что я не могу поступить как-то иначе, несмотря на все мои прихоти. Каждое мое важное решение подобно сражению, когда мои трезвые мысли накрывает мрак и на их место приходят чуждые для меня решения, а моей рукой управляет жестокое существо!

«Но без выбора жить ты будешь!» — ярким солнцем в темную ночь вспомнились слова седого старца. Мудрейшие

слова старика еще раз пронзили его нутро. Александр закрыл глаза ладонями и заплакал. Осознание яркой вспышкой ослепило его. В одно мгновение он понял все.

Гефестион подошел и обнял друга, прижав его голову к своей груди. Он понял то, что не хотели понять другие.

Гордиев узел затягивался в отношениях между старыми друзьями все сильнее. Казалось, даже Ариаднина нить была не в состоянии найти выход из жарких конфликтов. Александр понимал, что его товарищи хотят именно господствовать над миром, разграбив побежденные страны, и оставить вместо них голые степи.

Когда ушел и Гефестион, Александр остался в одиночестве. Александр очень любил одиночество, возможно, потому, что пребывал в нем крайне редко. Было уже темно, и вечернее одиночество было тем, о чем он мечтал с тех самых пор, как прибыл в Бактрию. Сегодняшний разговор с товарищами подарил ему не только это ночное одиночество, но и почву для размышлений. Ничего из услышанного от своих военачальников не было для него ново, он знал, что многие из его людей не поддерживают его точку зрения, особенно взрослое поколение, однако легче не становилось.

«В этом-то и заключается беда всех правителей, — размышлял Александр. — Идти совсем не по тому пути, которым хотелось бы, а наоборот, идти вразрез своим желаниям, обрекая себя на душевные муки».

Александр бы отдал все, лишь бы родиться в бедной семье

и не знать горечи господства и ответственности. Он готов был терпеть голод и нищету, только бы не чувствовать себя загнанным в угол зверем, у которого есть только один выход, и этот выход не тот, который его бы устроил. Как бы он не боролся, он осознавал себя пешкой в руках своих же военачальников, и чем яростнее он пытался вырваться из этих цепных оков, тем сильнее они сдавливали его. Проклиная день, когда родился на свет, Александр встал, потушил свечи и придвинул стул поближе к окну. Налив себе кубок вина, он сел на стул и вернулся к своим мыслям. Он мог бы назвать свои мысли путанными, но это было не так. Прекрасно осознавая сложившуюся вокруг него атмосферу, ему оставалось только сожалеть о своей участи. Душевные баталии между «хочу» и «надо» не оставляли времени даже для Любви. Если раньше ему было интересно все, начиная от восхода солнца и пробуждения природы до общения с людьми, и он пытался понять причины, подвигавшие людей на совершение того или иного поступка, то сейчас его это ничего не интересовало. Александр очень устал от всего, однако признаться в этом он мог лишь в минуты откровений, находивших на него значительно реже моментов одиночества. Даже Гефестион, его друг и человек, которому Александр доверял все без малейшего исключения, не был с ним рядом в этот момент.

За окном тоскливо светила луна: Александру даже показалось, что он ощущает её сочувствие. Небосклон упирался в острые вершины практически лысых гор. Однотипность и

монотонность пейзажа удручали.

Спустя несколько дней после напряженного разговора с товарищами Александр проснулся с непривычными для себя чувствами. Его окружили слуги, помогли принять ванну и принесли новую нарядную одежду. Стоя напротив слуг, он надел на себя бордовый халат, покрытый тонкими золотыми чешуйками, и золотую корону.

Выйдя из дворца, он увидел свою будущую жену, ожидавшую его для начала церемонии. Александр мельком осмотрел присутствующих здесь людей. Разбившись на два лагеря, македонцы и жители Бактрии, ждали его одного. Сразу бросилось в глаза, что жители Бактрии были счастливы, в то время как воины Македонии, собравшись в кучу, что-то обсуждали. Отдельной компанией стояли Парменион, Палиперхон, Клит, Антигон и другие. Но Гефестиона с ними не было.

Отдав дань традициям, Александр поднял кубок и выпил за свою, уже законную, жену. Только сейчас он увидел одиноко стоявшего Гефестиана. Задумчивый вид, отрешенный взгляд — все это выдавало его разочарование. После того разговора, прояснившего для обоих многое, они ни разу не разговаривали друг с другом, что бывало крайнее редко. Обычно они проводили вместе много времени, ища выход из проблемных ситуаций, обсуждая предстоящие события и просто, радуясь друг за друга. Только Гефестиону Александр мог доверить свои самые потаенные секреты и поделиться

опасениями. Не было больше на земле человека, которому бы Александр так доверял. Было очень мало людей, во всем поддерживавших Александра, но Гефестион был одним из тех немногих, может, двух, а может, и трех человек. Он поддерживал Александра в его стремлении продолжать покорение земель дальше, он понимал причину иноземных церемоний и принимал их как неотъемлемую часть чужой культуры.

Несколько дней продолжались гуляния в честь свадьбы Александра и Роксаны. Вино текло рекой, но даже эта хмельная вода не могла размыть натянутость в отношениях между Александром и его близкими. И, конечно же, таким моментом не могли не воспользоваться недруги царя.

Однажды, гуляя по своему дворцу, Александр зашел в спальню и попросил вина у одного из слуг. День начался не лучшим для него образом, и только вино могло поднять испорченное настроение. Получив кубок из рук юноши, он уже хотел отпить из него, но невидимая сила заставила его отказаться. Отставив кубок на край стола, Александр устроился поудобней, достал чистый папирус и начал рисовать дворец. Александр всегда возил с собой листы папируса, прихваченного с собой из Египта. Дворцы, скульптуры, мосты — все это зарисовывал Александр на листах, и в дальнейшем архитекторы воплощали в жизнь его мечты. Юноша, принесший вино, стоял рядом с Александром в ожидании чего-то.

— Я принес тебе вина, Александр, — повторил он.

— Я вижу, спасибо, — ответил Александр, продолжая де-

лать наброски.

Юноша не ушел, а остался в комнате, постоянно крутясь поблизости, и то и дело поглядывая на Александра.

Александр весь погрузился в свое воображение, что не обращал ни малейшего внимания на юного слугу, однако его мозг вспышкой притянул момент, когда юноша подал бокал, — что-то странное отразилось в глазах мальчика в тот момент. Александр оторвался от рисования и пристально взглянул на юношу. Тот быстро спрятал глаза и поспешил удалиться.

— Адриан, подойди, пожалуйста, — попросил Александр.

— Да, Александр, — ответил юноша и подошел.

Александр откинулся на спинку стула.

— Мне кажется, что вино не совсем свежо. Как ты считаешь?

— Я не знаю, Александр. Сейчас пойду и принесу тебе другое, — голос слуги дрогнул.

Морозец пробежал по сердцу царя. Он не понимал, как это объяснить: показалось ли ему, или юноша ведет себя так неспроста.

— Постой. Я могу ошибаться. Попробуй ты для начала, — голос Александра звучал требовательно, и юноша не смел послушаться.

Дрожащими руками он поднес кубок ко рту и закрыл глаза. Его губы тряслись. Взгляд Александра был прикован к юноше и не отрывался от него ни на мгновение. Держа кубок

у рта, юноша вдруг заплакал и, уронив кубок, упал на колени.

— Прости меня, Александр! — навзрыд просил юноша.

Гнев и жалость смешались в Александре. Он было бросился на мальчика, но, только оттолкнув его, остановился и сел на край кровати закрыв лицо руками. Сквозь мысли отчаяния пробивался рев юноши. Александр обхватил голову руками изо всех сил и рухнул лицом на кровать.

— За что же вы все меня так ненавидите? — в отчаянии бормотал он.

Предательство сильно опечалило его. Оно забирало много сил, поглощая Александра и не давая возможности отвлечься ни на что другое. Чувствуя резкое недомогание, Александр потерял сознание и очнулся только оттого, что кто-то громко кричал его имя и тряс за плечи. Первым, кого увидел Александр, когда открыл глаза, был Гефестион. Потом он заметил и других товарищей и слуг. Все они склонились над ним с взволнованными лицами.

— Адриан хотел отравить меня! — прошептал Александр, глядя на Гефестиона.

— Его уже схватили, и он во всем признался, — ответил Неарх, заглядывая в глаза друга, отражавшие печаль и усталость.

Александр с трудом поднялся и вместе с товарищами пошел к Клиту, который допрашивал юношу.

Они вышли из дворца и зашли в одну из палаток. Клит беспощадно избивал мальчика.

— Подожди, Клит, — сказал Александр, пошатываясь от волнения. — Кто надоумил тебя, Адриан? — спросил он у слуги, тяжело дыша. — А ведь я считал тебя другом! Я делился с тобой всеми своими мечтами! За что?

Клит не дал возможности произнести юноше и слова.

— Он сказал, что это была его идея и... — Клит бросил взгляд на окружающих и, взяв Александра под руку, отвел в угол палатки. — Александр, он назвал имя еще одного человека, который знал об этом заговоре, — продолжил Клит.

Он говорил шепотом, но сквозь этот шепот слышались печаль и разочарование.

Александр пристально смотрел на него.

— Ну, так кто же это? — нетерпеливо спросил Александр.

— Адриан указал на Филота.

Руки Александра опустились, и боль разочарования опустошило все его нутро.

— Филота? — Александр не мог поверить, что друг детства мог предать его.

— Да, Филота. Адриан говорит, что Филота знал о заговоре, но, как я понимаю, не предпринял ничего, чтобы предотвратить его.

Александр перевел взгляд на своего слугу. Тот лежал на земле, а заплаканное лицо и рваная одежда были перепачканы кровью.

— Найти его? — поинтересовался Клит.

Александр только кивнул в ответ.

— Срочно найти Филота! — приказал Клит воинам.

Филота привели очень скоро, однако прежде привели второго слугу Александра. Он так же, как и Адриан, подозревался в заговоре. Их слова в отношении Филота совпали, и уже ни у кого не возникало сомнений о его осведомленности о готовящемся убийстве.

Филота схватили и доставили в палатку к Александру без объяснений.

— Что случилось, Александр? — спросил удивленный Филота.

Боль пронзала сердце Александра при виде дорогого друга. Он был готов простить ему все, но только не измену. Ведь измена и предательство — одного поля ягоды, которые нельзя простить за умерщвляющий яд, скрывающийся под красивой и сладкой оболочкой.

— Что случилось с тобой, мой Филота? Что я сделал тебе такого, за что ты предал меня?

— Ты что, Александр, говоришь? Я не предавал тебя!

— Они сказали, — Александр указал пальцем на двух избитых юношей, сидевших на полу, — что ты знал о заговоре.

Увидев слуг, лицо Филоты передернуло.

— Это всего лишь дети, что они могут сделать? — начал оправдываться Филота.

— То, что они могут, они уже сделали! — вмешался Клит.

— Я думал, это всего-навсего необдуманные слова двух хвастливых детей, не понимающих смысл своего разговора.

Зачем я буду говорить тебе эти глупости? Ведь ты бы пытал их, а затем убил! А они еще совсем юны!

— Эти дети подсыпали мне в вино яд. Так что тебе лучше признаться во всем, Филота, — с болью сказал Александр.

— Мне не в чем признаваться! Я ни в чем не виновен.

Пытка продолжалась несколько часов, однако Филота так и не признал своей вины, но это было и не нужно. Товарищи Александра единогласно выступили за его убийство. Филота был казнен на глазах войска, а вместе с ним были казнены юные слуги. Филота с доблестью встретил смерть, заявив напоследок, что невиновен, приведя Александра в еще большее уныние.

Несколько дней после казни Филоты Александр не выходил из дворца, закрывшись в спальне. Он пытался придумать оправдание самому себе за убийство друга. Многократно пожалев о своем поступке, он понимал, что принял единственное правильное, как ему казалось на тот момент, решение. Вновь Александр встал на скользкую дорогу выбора между своим желанием и долгом. Ведь оставь он Филота в живых, подобная ситуация могла повториться.

Александр очень тяжело пережил произошедшие события, виня себя во всем происходящем. Прошло много времени, прежде чем он вновь смог трезво мыслить, но это событие наложило отпечаток в его сердце на всю оставшуюся жизнь.

Жизнь каждого из нас раскрашена в черно-белую полос-

ку. За удачами следуют неудачи и наоборот. Но жизнь Александра можно рассматривать как сплошную белую полосу, наполненную победами и славой на военном фронте. И ценой за эту сплошную белую полосу в боях была черная полоса несчастий в личной жизни.

После казни Филота в жизни Александра произошло еще одно трагическое событие, также оставившее след на его израненном сердце.

В тот поздний вечер вино текло как из рога козы Амалфеи. Друзья полностью отдались во власть напитков, дурманивших ум; и песни, высмеивавшие македонских полководцев, недавно потерпевших поражение в боях с местными племенами, кружили в воздухе. Окруженный свитой прислуги и телохранителей Александр заводил все новые песни. Их с одобрением подхватывали, и через мгновение все пирующие заливались веселым смехом. Персы подтравливали своего захмелевшего покорителя к исполнению новых и более «болезненных» для своего войска произведений, вбивая клин и в без того тяжелые отношения между Александром и его ближним окружением. Александр вливал в себя вино кубками в попытке притупить свои душевные страдания, не замечая пристального взгляда. Лишь один человек из всей этой толпы смотрел на пьяного царя, болезненно реагируя на каждый его поступок. Это был Клит. Для него это были выпады в адрес храбрых воинов, сражавшихся во имя царя, который сейчас смешивал их с грязью.

— Прекрати! — вскричал Клит, и его слова утонули в пьяном смехе сотни людей. — Прекрати! — крикнул он вновь и, резко поднявшись с места, с силой толкнул знатного перса, попавшегося ему навстречу. — Да как ты смеешь смеяться над теми, кто погиб ради твоей гордыни, да еще и в присутствии этих ничтожных персов?

Песни стихли, и собравшиеся вдоволь посмеяться персы испуганно вжали головы, зная горячий нрав этого полководца. Своим захмелевшим сознанием Александр пытался оценить происходящее. То, что Клит не шутил, он понимал — слишком натянутыми были их отношения в последнее время. Вызывающий тон Клита задел уязвимую гордость Александра, почувствовавшего себя оскорбленным перед глазами новых друзей. Чувство нестерпимой обиды взыграло в нем, и, подчиняясь спонтанной реакции, он схватил со стола яблоко и изо всех сил швырнул им в обидчика. Гордый, как и все знатные македонцы, Клит с яростью бросился на Александра. Лишь вмешавшиеся Птолемей и Пердикка предотвратили яростный рукопашный поединок, встав между ними.

— Ты достиг того, что сейчас имеешь, лишь кровью македонцев! — кричал Клит, когда попытка прорваться к Александру оказалась неудачной.

— Как ты смеешь так себя вести? — оборонялся Александр, вскочив с трона и стараясь вырваться из сильных рук Птолемея и Лисимаха.

Сейчас, даже находясь в ярости и хмельном состоянии, Александр понимал, что Клит прав, и он действительно перегнул палку, однако его гордость и боязнь потерять расположение персов, которое было весьма скользким, не позволяли оставить все как есть.

— Ты ведь был всегда рядом, когда мы сражались. Ты видел, что я не прятался за спины моих воинов, разделяя с ними все тяготы и страдания! — кричал Александр.

— Это было так давно, что я этого почти не помню. Сейчас ты другой. Ты хочешь слышать лишь похвалу и видеть людей, пресмыкающихся перед твоими персидскими одеяниями! Но ты забыл, что мы, жители Македонии, привыкли к свободе и не умеем льстить и лицемерить! В следующий раз хорошо подумай, кого приглашать за свой стол для пирушки!

Александр метал громы и молнии, а Клит в этот момент сыпал его гордыню и самолюбие аттической солью. Желая погасить внезапно вспыхнувший конфликт, друзья заставили Клита покинуть зал, но не успели пирующие выпить, как Клит вернулся вновь.

— Ты человек, в одиночку забирающий славу побед своих воинов себе! — во всеуслышание заявил Клит, стоя в дверях. — Ты не настоящий царь. Ты никогда не будешь таким, как твой отец! Ты слаб и ничтожен! Боги смеются над тобой, царь персидских дикарей!

Молниеносно, совершенно неожиданно для самого себя,

Александр выхватил копьё у одного из своих телохранителей и что было сил кинул его в своего старого друга. Повисла гробовая тишина. Македонцы и греки, опешившие от увиденного, не могли поверить своим глазам. В тишине огромного зала все хорошо слышали последние слова умирающего Клита, всю жизнь посвятившего храброму сражению за своего царя. Эхо несколько раз повторило: «Вот ты и показал себя, Александр!»

Лишь утром Александр окончательно и ясно осознал произошедшее накануне. Обезумев от горя, он закрылся в комнате и никого не пускал. Он отказывался принимать пищу, и лишь воспоминания о друге кружились у него в голове. Память возвращала его то в дни беззаботного детства, когда Клит нянчился с ним, то в дни беспощадных сражений, где Клит прорубая дорогу мечом и не замечая собственных ранений, спешил на помощь.

...Это была кровавая битва при Ганике, на заре победоносного вторжения в Азию. Персидские воины старались пробиться к царю, выделявшемуся среди остальных воинов прекрасными доспехами и великолепными белыми перьями, украшавших шлем. Двум персидским военачальникам — Спитридату и Ресаку — удалось это сделать, и они бесстрашно бросились на Александра. Царь увернулся от первого удара Спитридата, и ударил Ресака копьем, которое переломилось, не причинив персу вреда. Выхватив меч, Александр снова бросился на Ресака. В этот момент Спитридат

развернул коня и, подкравшись со спины, ударил отвлекшегося Александра мечом по шлему. В то мгновение боги были на стороне Александра, направив меч по поверхности вскользь, позволив срубить лишь султан из перьев. Хитрый перс взмахнул мечом вновь, надеясь нанести роковой удар, но в этот миг Клит, пробежав через поле сражения, налетел на врага, пронзив копьем. В это самое время и Ресак рухнул на поле, пронзённый мечом царя...

И подобных ситуаций было много. Клит всегда приходил на помощь, когда дамоклов меч поднимался над головой Александра.

Если бы не Клит, солнце Александра закатилось бы, не успев взойти. Сколько хорошего сделал для него этот человек, друг отца, заменивший его после внезапной кончины. И какой монетой Александр отблагодарил его. Царь проклинал Диониса, споившего его своим вином и сыгравшего столь злую шутку, в очередной раз втолкнув в колею своей жестокой судьбы.

Лишь спустя несколько дней, проведенных в горестном одиночестве, проклиная себя и моля друга о прощении, он вышел из своей комнаты, похудевший и ослабленный. На мгновение Александр понял, что родные греки и македонцы важнее персов, ведь именно им он боялся смотреть в глаза, опасаясь увидеть в них презрение.

Прошло несколько лет. Время слегка залечило старые душевные раны, нанеся новые. Отдохнувшие воины все чаще

возвращались в своих мечтах в родную Грецию, и все чаще Александр слышал вопрос: «Когда мы вернёмся домой?»

Не в силах больше удерживать в себе накопленное, Александр позвал к себе Гефестиона, чтобы излить ему свои чувства.

— Знаешь, Гефестион, возможно, я и хочу вернуться в Грецию, возможно, я не хочу видеть Роксану своей женой, но я должен это делать. Я должен поступать именно так, потому что я в ответе за освобожденные земли. Я должен идти дальше, в непокоренные страны!

— Почему? Не делай этого, если не хочешь.

— Я не знаю. Я просто чувствую, что должен это делать, и это чувство очень упрямо давит на меня. Это мой долг, моя обязанность, возложенная на меня неизвестно кем.

Александр осторожно подошел к кровати и сел на неё. Гефестион обнял друга, но так и не нашел, что ему ответить, кроме: «Что бы ты не решил, Александр, я буду с тобой до конца».

— Спасибо, Гефестион. Я хочу, чтобы ты тоже знал, мне будет спокойнее, если я буду знать, что ты рядом. Ты стал для меня единственным человеком, которому я доверяю, и я отправлюсь за тобой в любую сторону света и тьмы, пусть это будет даже мой последний путь. Меня это не пугает.

Несмотря на все свои страхи и опасения, Александр собрал войско и двинулся дальше. День за днем армия Александра отдалялась от Бактрии и приближалась к непокорен-

ным землям.

Время быстрой колесницей несло вперед. На смену павшим воинам приходили новые. С оставшимися в живых друзьями, Александр стал проводить больше времени, словно боясь потерять их. Он наслаждался каждым днем, проведенным с ними, как последним. Тем временем войско победоносным шествием прибыло в Экбатаны. Очередные пиры и игры занимали большую часть времени. Пир, развлечения длились без остановок, и Александр уже проводил не так много времени за книгами. Он сильно изменился.

Наутро, после очередного пиршества, Александр зашел к своему другу. Тот лежал на кровати, и по его лбу катились горячие капли пота — жар продирает его изнутри. Вызвав врачей, Александр не отходил от больного все время, пока Гефестиону было плохо, моля богов о его здоровье. Но Гефестион был сильным человеком, и поборол свой недуг, быстро пойдя на поправку. Александр был так счастлив что на радостях оставил Гефестиона одного, а сам поспешил на проходившие в Экбатанах игры, чтобы во всеуслышание заявить о выздоровлении друга.

Александр дождался окончания одного из турниров, и уже собирался выйти с речью, когда к нему подбежал слуга и сообщил, что состояние Гефестиона резко ухудшилось. Александр бросился на помощь другу, но не успел. Когда он вбежал в комнату, распугав всех слуг, он увидел только бездыханное тело. Гефестион, которого он совсем недавно

оставил одного, ошибочно полагая, что все обошлось, лежал мертвым на кровати.

Еще никогда и никто так не переживал потерю друга, как Александр. Никогда брат так горестно не оплакивала своего брата, а жена мужа. Горе его перешло все человеческие границы. Обезумев, он закрылся в комнате с расprostертым на кровати мертвым телом и не выходил из неё три дня, лежа рядом с ним, забыв о сне и еде. Душа его рвалась подальше от этого мира вслед за безвременно ушедшим другом.

— Зачем боги забрали тебя так скоро, Гефестион? — стоял Александр, стоя на коленях перед кроватью, обхватив руками остывшее тело. — Даже Зевс не знает, как мне сейчас тяжело. Я запутался еще сильнее, и никому, кроме тебя, я не могу довериться! У меня было много друзей, но никто из них не понимал меня, как ты. Никто из них не умел любить и ценить меня за мой внутренний мир.

Горе царя не знало границ. Александр постоянно разговаривал с мертвым телом, бормоча что-то невнятное. Когда через несколько дней тело начало разлагаться и дверь взломали, чтобы вынести его, все посчитали, что Александр лишился рассудка. У него было бледное мраморное лицо, отросшая борода, воспаленные от слез глаза, разорванная одежда. Птолемей, Кассандр и Пердикка подошли к телу и стали стягивать его с кровати, как в этот момент из горла сидевшего на полу Александра вырвался звериный вопль, испугавший всех. Вопль его был ужасен.

В день прощания собственноручно вел Александр под уздцы лошадей, везших останки Гефестиона. Игры были отменены. Музыка надолго стихла в городе. В храмах погасли огни. Зубцы стен были снесены. А Главк — врач, лечивший Гефестиона, — был казнен. Посмертно Александр одарил друга всеми божественными почестями и возвел в ранг божественных Героев, поставив в один ряд с Ахиллесом и Гераклом.

Через несколько дней дошла весть и о смерти Кратера, сидевшего на роковом пиру рядом с Гефестионом и пившего вино с ним из одной чаши.

Смерть Гефестиона стала последней каплей походного горя уставшего от жизни Александра. Он отдал приказ вернуться домой, в Вавилон. Вместе с Гефестионом умер и прежний мир Александра, а также мечта, манившая к себе на протяжении всей жизни. Теперь он ярко чувствовал приближающийся конец. Один лишь вопрос мучил его: «Кто же окажется тем человеком, который поставит точку в его великом существовании?»

Несколько месяцев тяжелого пути — и уставшее войско прибыло в Вавилон. Вечный город, как и в первый раз, встретил Александра со всеми почестями, присущими царю. Вновь войско победным шагом прошло через центральные ворота. Но войско было совсем другим. Многие из проходивших здесь несколько лет назад остались на полях сражений кормить лис и шакалов. Во время первого вхождения в

город, армия Александра состояла исключительно из македонцев и греков, сейчас же это была смешанная, разношерстная армия, в которой персы сражались бок о бок с греками. Александр был тоже не тем сияющим юношей, окруженным своими преданными друзьями и соратниками. За короткий и в то же время показавшийся вечностью период между двумя приходами в Вавилон, Александр потерял Филоту, Пармениона, Клита, Гефестиона, Пердикку и еще много тысяч своих славных воинов, скорбь от потери которых накопилась в его душе, каждое мгновение желая вырваться душевраздирающим криком. Мрачный, разукрашенный блеклыми неестественными красками, Вавилон стоял перед Александром в своем холодном величии. На серых лицах стоящих вдоль улиц людей Александр видел натянутые улыбки. Он сражался и освобождал земли, думая, что освобождает народы из-под гнета варваров, а на самом деле он и есть жестокий захватчик. За притворными улыбками покоренных народов кипели ненависть и жажда мести.

Город городов, жадавший своего царя, празднично встретил Александра.

Прекрасные полуобнаженные девушки и юноши парили в незнакомом танце, при каждом удобном случае бросая робкие взгляды в его сторону. Двигаясь одновременно в такт музыки и внутренних порывов, они кружили босиком на белом мраморном полу огромного дворцового зала, усыпанного цветами и диковинными травами. Гибкие тела танцующих

извивались в ритме танца. Соприкасаясь между собой, они выдавали удивительные па. Грация и изящество переполняли эфебов, приковывая к себе зачарованные взгляды прибывших издалека гостей. Певцы исполняли дифирамбы, восхваляющие победителя и его войско, а винные реки текли по столам, доверху наполняя кубки пирующих. Слуги ходили вокруг стола, поднося все новые, до сей поры невиданные яства, и при каждом удобном случае наполняя кубки гостей вкуснейшим вином из царского погреба.

Птолемей схватил проходившую мимо служанку и посадил рядом, несмотря на её робкие попытки вырваться из крепких объятий. Его руки с силой удерживали её, совершая непристойные действия. Грубость и хамство товарищей выглядело вульгарно на фоне царившей вокруг красоты.

Золотой кубок, наполненный вкуснейшим вином, стоял перед ним. Взяв его в руку, Александр поднес кубок к губам и сделал добротный глоток, продолжая наблюдать за театральными действиями, устроенными в его честь.

Непослушной рукой он попытался поставить золотой кубок, украшенный драгоценными камнями, на стол, но обмякшая рука плетью повисла вдоль туловища, так и не донеся кубок с остатками красного вина. Звонкий звук упавшего на каменный пол кубка пробил слуховую пелену и тут же смолк в тошнотворном головокружении. Холодный пот засочился из ослабшего тела, и яркое убранство зала резко потускнело. Засуетившиеся в комнате люди стали расплываться

ся, пока едва пробивавшийся сквозь мутную пелену свет не сменился тьмой...

Александр открыл глаза. Он лежал на кровати в спальне, некогда бывшей покоями Дария. АхураМазда — зороастрийский символ — висел над его головой, как напоминание о прежнем хозяине. Символ со злой иронией, смеясь над обес-
силенным царем, заявлял о своем главном учении: «Свобод-
ный выбор человека в мировой борьбе Добра и Зла играет определяющую роль».

Вокруг его кровати стояли друзья. Александр всматри-
вался в их лица, пытаясь узнать изменника и ответить на
свой же вопрос: «Кто тот человек, который поставит точку в
его великом служении? Кто же их тех, кого он так любил и
уважал, отравил его?»

Лицо Кассандра было полно скорби. Птолемей сидел на
краю кровати, и слезы текли по его щекам. Роксана держала
его руку, и губы тряслись на опечаленном лице. Остальные
стояли несколько дальше, но Александр слышал их всхлипы
и обращенные к Зевсу мольбы. Несмотря на сложившееся в
последние годы непонимание, они по-прежнему любили его.
Он чувствовал это.

Александр еще раз пробежал взглядом по лицам друзей.
Помимо скорби, еще один вопрос был запечатлен на них.
Все они стояли в ожидании имени наследника. Кому же из
своих приближенных Александр доверит управление своей
огромной империей? Но Александру было важно знать дру-

гое: «Кто его предал?» Он уже не слышал голосов. В его голове звучали только собственные мысли. Они судорожно перебирали возможных виновников его смерти, анализируя и выдвигая версии.

Вдруг яркая вспышка в голове расставила все на свои места. И тут же догадка осенила Александра. Ему все стало ясно и понятно — даже слишком просто все оказалось. Разве мог он представить, что этот человек предаст его? Александр мог предположить кого угодно, но только не...

Неожиданная легкость вмешалась в размышления лежащего на смертном одре царя. Глаза его закатились. Он ощутил, как невидимая сила тянет вверх. Внизу он увидел своих верных друзей, склонившихся над телом, на которых падали его беспочвенные и обидные подозрения. Но среди этих людей был и тот единственный, кому Александр очень доверял на протяжении своего жизненного пути. Александр взглянул в его лицо и убедился в своей правоте. Руки предателя тянулись к его телу, но даже искусно надетая маска скорби не могла скрыть холод и ликование глаз.

Свобода выбора, присущая многим, чужда каждому вершителю судеб. Предначертанный ход истории отвергает всякое волеизъявление, заставляя желания идти вразрез с совершаемыми деяниями, причиняя этим сильнейшую душевную боль.

Мало кто знает, насколько тяжело быть правителем. Ведь от каждого правителя зависит судьба всего мира так же, как

и от каждого из нас зависит существование окружающих нас людей и всего мира в целом. Каждая наша мысль и поступок найдут свое отражение, которое приведет нас к соответствующему результату. Все мы — незаменимые винтики одного огромного хорошо отлаженного механизма.

Энлилль завершил важную роль в Игре под названием Жизнь, узнав, что слава не бывает без страданий.

ГЛАВА 4

РАБ СОБСТВЕННЫХ ДЕТЕЙ

Поток холодной воды хлынул ему в лицо.

— Вставай, раб! — услышал он чей-то грубый голос. — Пора приниматься за работу!

В это самое мгновение мощные руки с силой подхватили его и потащили в неизвестном направлении. Он едва успевал перебирать ногами, поспевая за несущими. Тщетные попытки открыть глаза позволили лишь сделать кратковременные кадры места, где он оказался: решетчатая дверь, изуродованное шрамом лицо, множество тел сброшенных в одну кучу. Со всех сторон на него давили крики, вопли, рев животных, лязганье железных оков, звонкие удары, звериный смех.

«Это ад!» — думал он, кожей ощущая царящую атмосферу страха, безвыходности. Даже воздух был каким-то спертым и неестественно сладким.

Сильный толчок в спину свалил с ног и без того измученного вчерашним избиением парня.

— Ждать! — кто-то выругался, и шаги двух пар ног стали удаляться.

Огромных трудов стоило ему перевернуться на спину и, ощупывая под собой землю, он попятился назад. Каменная

стена, оказавшаяся на его пути, заставила выкинуть из головы всякие мысли о попытке к бегству. Отталкиваясь ногами от земли, ему удалось опереться на этого служителя ада. Голой спиной ощутил он холодную с выпуклыми острыми краями наружу каменную стену. Справа слышались глухие звуки ударов, сопровождаемые грубой бранью и руганью нескольких человек, и чьи-то еле слышные вздохи.

Справляясь с сильной физической болью, он поднес правую руку к лицу и двумя пальцами приоткрыл один глаз. Это и впрямь ад! Ад, нашедший пристанище на земле среди людей. В нескольких метрах, прямо перед ним, в луже собственной крови лежал совсем еще молодой парень. Резанные раны покрывали худое тело, а из груди торчала рукоять короткого клинка. Он был мертв. Пальцы рук обхватывали веревку, затянутую на шее, оставившую глубокий порез. Глаза были широко раскрыты и смотрели в небо. Из бедра правой ноги торчала сломанная кость. «Кто же способен сотворить такое?» — крутилось в голове.

Глухие звуки ударов, доносившихся справа, не умолкали. Боясь увидеть подобную картину, вжавшийся в стену парень медленно повернул голову. Пять или шесть человек, одетых в военную форму, били ногами кого-то, лежащего на земле, лишь изредка вставляя удары руками по голове. Человек, лежавший на земле, уже давно перестал сопротивляться. Он смиренно лежал, принимая удары как наказание, посланное ему свыше, за какие-то грехи. Палящее солнце делало изби-

ение особенно мучительным для избиваемого.

— Хватит с него, — сказал воин, останавливая вошедших в азарт товарищей, — хватит, я сказал! — повторил он, перейдя на крик.

Было видно, что именно он главный из присутствующих.

Воины остановились и, тяжело дыша, отошли от лежавшего в крови человека. Он был так сильно изуродован, что нельзя было даже определить, во что он одет, не говоря уже о его возрасте. Но он был еще жив. Его глаза то открывались, то закрывались, совершенно не выражая никаких эмоций.

— Поднять его! — захрипел главный, выхватывая меч из-за пояса.

Двое солдат рангом ниже подняли человека с земли и, держа его под руки, повернули к старшему.

— Что он на меня уставился? Отвернуть его от меня, — со злой насмешкой приказал главный.

Воины повиновались и повернули изуродованное тело лицом к ошеломленному от ужаса парню. Ноги человека были перебиты, а из груди торчала часть ребра. Он поднял глаза и посмотрел на опершегося на стену парня. Сколько сочувствия было в этих глазах!

— Держать его ровно, — заорал главный, облизывая губы.

Человека приподняли чуть выше, а он отвел глаза от парня и закрыл их.

Правая рука главного замахнулась, уводя меч за левое плечо.

— Сдохни, собака! — прорычал он с дьявольским блеском в глазах, и меч ударил наотмашь по шее беспомощного человека.

Голова отлетела в сторону и покатилась. Парня всего перердернуло изнутри. Он бы закричал, да не мог. Испытанный шок, не давал произнести и звука. Это и вправду ад! Не что иное, как ад!!!

Два воина бросили обезглавленное тело на землю и направились вслед за главным.

— Пора бы уже и поесть, — сказал здоровенный воин, выдергивая на ходу клинок из груди лежавшего в крови молодого парня с затянутой веревкой на шее, убитого им несколькими минутами ранее.

— Тебе бы жрать только! — засмеялся главный. — Лучше скажи, чтобы убрали этих отсюда, — и он показал большим пальцем через плечо на только что убитых людей.

Один из воинов заметил прижавшегося к стене новичка и с самодовольной улыбкой вплотную подошел к нему.

— Вздумаешь послушаться, окажешься на их месте, — сказал воин и больно ткнул мечом прямо в оголенную рану. Рука, державшая глаз открытым, от боли прижалась к телу. Сидя с закрытыми глазами, он слышал, как шаги скрылись в соседнем помещении и тот здоровый воин приказал кому-то прибраться.

Собравшись с силами, он вновь поднял правую руку к лицу и приоткрыл глаз.

Двое жилистых парней вбежали в комнату и, схватив за ноги тело молодого парня, утащили. Потом вернулись за вторым, как ни в чем не бывало взяли под руки обезглавленное тело и, подобрав лежавшую на дороге голову, унесли вслед за первым. Тела этих жилистых парней были покрыты шрамами. А рельефная мускулатура, в которой можно было разглядеть связки мышечных волокон, делали из них адских животных, с которых живьем сняли кожу.

Взгляд человека за мгновение до смерти стоял перед глазами прижавшегося к стене новичка, не понимавшего, куда он попал. Осознавая никчемность и дешевизну человеческой жизни, он закрыл глаза.

«Если он еще жив, значит он кому-то и для чего-то нужен здесь», — думал он.

— Этот? — прервал его размышления грубый голос, раздавшийся над его головой.

— Этот. Этот, — ответили из другой комнаты. — Он там один.

— Встань! — скомандовал первый и, схватив за локоть настрадавшегося парня, отшвырнул его от стены.

Он оказался лежащим на земле в луже крови, где еще недавно убили молодого парня. Хорошая порция выброшенного в кровь адреналина помогла подняться на ноги, несмотря на усталость и болевшее тело, и открыть глаза. Перед ним стоял взрослый мужчина в форме. Меч был вложен в ножны и висел на поясе. На сердце стало чуть-чуть полегче, ведь ес-

ли бы его хотели убить здесь и сейчас, то меч был бы оголен.
— Покажи, что можешь! — и кинул деревянный меч к ногам.

С огромным трудом молодой парень поднял его. Вес меча казался огромным. Видя надвигающегося на себя воина, он поднял меч для удара, но противник одним движением подкатился под него и сразил на землю подножкой.

Теперь сил совсем не осталось.

— Ничего не можешь! — ответил воин на свой же собственный вопрос. — Отнести его в камеру!

Его подняли и куда-то понесли. Ноги волочились по полу. Изредка приоткрывая глаза, насколько это было возможно, он видел железные двери, изуродованные тела, изредка скрипели засовы. Его втащили по лестнице на второй этаж и, затащив в сырую комнату, бросили на каменный пол.

Теперь его, наверно, оставят в покое хоть на какое-то время. Он лежал на полу, а боль все громче и громче напоминала о себе. Но были вещи и пострашнее ее. Это были смутные воспоминания. Молодой человек не мог точно вспомнить, что с ним произошло. Сильный удар по голове привел к потере большей части памяти. Как он не пытался, ничего не получалось. Единственным кратковременным воспоминанием был момент, когда он очнулся и увидел, как его везли под покровом ночи в клетке вместе с другими пленниками. Сколько времени он провел в бессознательном состоянии, он не знал. Ему с трудом удалось приподнять голову и

рассмотреть место, по которому его везли. Никогда прежде он не был здесь. И справа и слева от него возвышались черные скалы, хищно поблескивавшие в лунном свечении. Порой они сближались, и казалось, что они хотят раздавить его своими каменными телами. Он набрал полные легкие воздуха и, не ощутив свежести леса, а только холод ночного воздуха, понял, что находится очень далеко от родных мест. Страх неизвестности пронзал душу, и холодная ночь лежала на коже мурашками. Но даже она была не в силах привести в чувство после сильнейшего удара по голове. Парень был слаб. Он старался изо всех сил остаться в сознании, но все было тщетно. Потеряв сознание, он пришел в себя только уже здесь, в этом жутком месте.

Его сознание вернулось в лежащее на холодном полу тело. «Зачем мне все это? Лучше не сопротивляться. Очень скоро они меня убьют, и все это закончится», — подумал он и тут же отогнал от себя эти мысли. Что-то внутри говорило, что отказ от борьбы за жизнь приравнивается к самоубийству и его вернут к самому рождению, чтобы еще раз провести этим путем. Еще раз таких испытаний он не вынесет.

«Сколько же людей крутятся в таком круге? Рождаются, живут, страдают и умирают, отказавшись от борьбы, а потом опять рождаются, вновь живут страданиями и снова умирают, а потом еще, и еще, и еще... Это может продолжаться сколько угодно. А эти люди все страдают и страдают от рождения к рождению, даже не зная, что топчутся на месте, и их

страданиям не будет конца. Нет. Я пойду до конца! Не дай бог пройти через это еще раз!» — размышлял он.

— Живой? — услышал он незнакомый голос.

Около часу пролежал он на полу, думая, что находится один в этой комнате.

Попытка приподняться и что-то сказать была тщетна.

— Ладно, вижу что живой, — сказал незнакомец. — Добро пожаловать в школу гладиаторов.

— Они убили их! — застонал вновь прибывший. Перед его глазами по-прежнему стояла та жесточайшая картина: молодой парень с веревкой на шее и отсеченная голова второго человека. — За что?! — слеза бы покатилась по его щеке, но сил не было: усталость притупила все чувства.

Сейчас он стал отходить от шока и уже слегка пришедший в сознание начал смотреть на произошедшие события, но от этого ему становилось только хуже.

— Они не объясняют, — сказал все тот же взрослый мужской голос.

Это было на заре долгоживущей эпохи гладиаторских игр, когда к жизни гладиаторов не относились как к дорогому товару. Конечно, это было уже не то время, когда гладиаторы были всего лишь дешевыми рабами, которых были сотни тысяч, и всем было наплевать: или эти рабы погибнут на арене, или на строительстве, или на каком-нибудь еще добывающем производстве, — и жизнь их почти ничего не стоила. Но все-таки это было и не то время, когда гладиаторы вы-

ступали на огромных каменных аренах, хотя все к этому уже подходило. Хорошие гладиаторы были дорогим товаром, на котором зарабатывали большие деньги. Но прежде чем стать дорогостоящим гладиатором, приходилось побыть дешевым товаром, и только в том случае, если ты добивался успехов и мог показать на арене настоящее представление, а не только убить противника, ты мог на что-то рассчитывать. Но таких были единицы.

Видя, как мучается от увиденного лежащий на полу парень, голос резко сказал: «Не жалея никого! Жалость делает тебя слабым. Жалея других, ты показываешь, что они слабы и немощны. Ты недооцениваешь их».

Резкий звук удара железа о решетку двери заставил голос замолчать.

«Неужели за мной?» — парень вздрогнул.

— Имя? — грубо спросил кто-то.

— Август, — как можно громче произнес парень, думая что его могут не услышать.

— Откуда?

— Племя тенктеров с севера Галии.

— Род занятий?

— Охотник, — это было первое, что пришло ему в голову.

Повисла секундная пауза, и лежавший на полу Август услышал, как тот же грубый голос звучал уже где-то дальше.

«Ушел!» — с облегчением вздохнул он.

— А я Мартын, — прозвучал голос, который разговари-

вал с ним о жалости, но сейчас в нем слышались нотки сочувствия.

Могучие руки подняли Августа и посадили на деревянную лавочку. Медленно открыв заплывшие от синяков глаза, он, наконец, увидел хозяина разговаривавшего с ним голоса. Перед ним на такой же лавочке сидел высокий крупный мужчина лет тридцати с короткими светлыми волосами и широко посаженными глазами голубого цвета. Его крепкие руки, изувеченные шрамами, говорили о прошедших сражениях, из которых он вышел победителем.

Август осмотрелся. Справа от него была железная дверь, походившая на те, которые он уже видел мельком. Снаружи виднелся большой двор с доносившимися оттуда криками. Комната была всего около восьми шагов в длину и четырех в ширину, по обеим сторонам которой цепями крепились две деревянные кровати. Несмотря на сияющее солнце, здесь было пасмурно и мрачно.

— Осваивайся. Теперь это твоя комната, — сказал Мартын, глядя прямо в глаза Августу.

— А ты?

— А меня... — и он отогнал воздух тыльной стороной кисти.

Август мог только догадываться, что означал этот жест.

Чей-то бесцветный смех, переходивший в кашель, вновь прервал их разговор. В проходившем мимо дверной решетки воине, Август узнал одного из тех сеятелей произвола. Это

был человек, отрубивший голову бедолаге. Его лицо было увенчано шрамом. Воин остановился. Его взгляд был прикован к Мартыну, но это был уже не тот дикий бесстрашный взгляд, который видел Август, сидя на земле, опершись на каменную стену. Сейчас во взгляде этого человека читались уважение и страх. Он испытывал трепет перед Мартыном. Но за что?

Мартын повернул голову и посмотрел в глаза надзирателю. Его пронзительный взгляд заставил воина отвернуться и уйти. Это была хоть и небольшая, но весьма убедительная победа.

— Почему ты здесь? — спросил Август, понимая, что сидевший перед ним человек, совсем не рядовой посетитель этого места.

— Я больше не могу сеять смерть, — с грустью произнес он. — Еще совсем недавно я был, пожалуй, одним из лучших гладиаторов в Риме. А теперь я устал. Устал не от боязни умереть. Устал не от боязни быть покалеченным. Нет. Нет. Я устал делать боль другим. Я устал приносить в жертву других людей на радость публике, — и Мартын закрыл лицо руками.

— Но у тебя не было другого выбора, — с сочувствием произнес Август.

Страдания этого человека заставили Августа забыть о собственных ранах. Его физическая боль была несравнимо мала с душевной болью Мартына. Все, что делал этот человек, приносило только скорбь и несчастье близким убитого

им гладиатора. Сколько раз в своей жизни, уходя со стадиона победителем, ему приходилось видеть заплаканные лица жен, матерей и детей гладиаторов, оставшихся лежать на арене после его удара. Он убивал не для выживания. Он убивал на потеху орущей толпы, пришедшей на стадион в жажде крови и насилия.

— Выбор есть всегда! Только тогда, я не осознавал этого, — ответил Мартын трясущимся голосом.

«Неужели он плачет?» — думал Август.

— Не смотри, что я плачу. Слезы — это не признак слабости. Просто я понимаю, что никому в этой жизни я не принес счастья. И от этого очень больно внутри, — словно читая его мысли, ответил Мартын. — Запомни, Август, физическая боль не страшна. Душевная — куда опаснее и больнее.

Топот нескольких пар ног раздался на лестнице. Он все усиливался. Август интуитивно чувствовал, это идут к ним.

— Встать, Мартын, — скомандовал властный голос.

Август повернул голову на звук и увидел стоявшего за решеткой воина в окружении вооруженных людей. Это был прокуратор школы. Он был одет в белую хламиду, выглядевшую очень богато и даже как-то контрастно на фоне царящего здесь ужаса и грязи. Среди его окружения был и тот, который, проходя мимо камеры некоторое время назад, столкнулся взглядом с Мартыном. Теперь в его взгляде читалась уверенность и самодовольство. Держась чуть в стороне, он постоянно поглядывал на прокуратора. Третий из этой свиты

отцепил привязанный к поясу ключ, повернув его несколько раз в замке, лязгнул засовом и открыл дверь.

— Выходи.

Не говоря ни слова, Мартын встал в полный рост, едва не задев головой потолок, и вышел из комнаты, бросив Августу прощальный взгляд.

Едва процессия отошла от дверей, Август поднялся с кровати и подошел к двери, наблюдая за своим новым товарищем.

Его вели вниз по лестнице на арену. В каждом шаге Мартина чувствовалась гигантская физическая сила и невидимая внутренняя мощь, готовая выплеснуться в любой момент. Мартын шел в сопровождении нескольких охранников абсолютно спокойно. Ни одно его движение не выдавало страха или беспокойства, и лицо не выражало никаких эмоций.

В авангарде процессии, придерживая меч левой рукой, вышагивал прокуратор, а позади и чуть левее шел воин, лишивший сегодня жизни как минимум одного безоружного человека.

Август наблюдал через дверную решетку, как вся эта процессия двигалась к центру импровизированной арены, построенной внутри школы гладиаторов. На арене уже были выстроены четыре шеренги из учеников этой школы.

Процессия остановилась метрах в пяти от учеников-гладиаторов. Несмотря на направленные на него копья, Мартын

твердо стоял на ногах, заложив руки за спину. Его лицо по-прежнему не передавало никаких эмоций, но вот глаза... Он словно говорил ими, обращаясь к стоявшим напротив ученикам школы: «Одумайтесь!»

Взгляды будущих гладиаторов были прикованы к нему. В глазах людей, от постоянных изматывающих занятий, читалось восхищение и уважение. Мартын был для них не просто примером для подражания. Это был их идеал. То, к чему каждый из них стремился, а стремились они к одному — к свободе. Еще даже не став по настоящему гладиаторами, они уже стремились к свободе. Каждый из стоявших в шеренгах был уверен, что вот сейчас, вышедшего из множества боев победителем, Мартына наградят деревянным мечом, символом долгожданной свободы. Внутри они радовались за него. Каждый представлял себя на его месте, как он сам получает свободу, стоя перед всей школой гладиаторов, и прокуратор объявляет его свободным.

Прокуратор, не проронив ни слова, молча оглядел гладиаторов и, вынув меч, поднял его над собой. Все внимание переключилось на него, и никто не заметил подкравшегося к Мартыну сзади человека со шрамом. Никто, кроме Мартына. Только он почувствовал спиной приближавшуюся опасность и на секунду закрыл глаза. Он не испытывал иллюзий по поводу освобождения. Он был готов принять смерть. Он ждал ее. Для него смерть была освобождением. Освобождением от воспоминаний. Меч резким движением вошел в спи-

ну Мартына. Мартын выгнулся вперед, но остался стоять на ногах. Из его сквозной раны сочилась кровь. Не показывая боль, Мартын попрежнему держал руки за спиной. Он приложил всю свою волю, лишь бы они не видели его страданий. Словно шакал, почуявший слабость жертвы, нанесший удар, хищной походкой обошел Мартына, держась на расстоянии, и, оказавшись напротив, колющим ударом меча, пронзил грудь. С большим трудом, но и сейчас Мартын устоял на ногах, с презрением глядя в его глаза. Растерявшись, наносивший удары посмотрел на прокуратора. Тот тоже стоял в непонимании. Уже первый удар, должен был убить любого, а второй и тем более, но Мартын был попрежнему на ногах. Резким прыжком, вернувшись за спину жертвы, шакал резанул по задней части бедра. Напряженные мышцы лопнули и, потерявший равновесие Мартын, упал на колени, и, постояв на них какое-то время, замертво рухнул на песок.

— Так будет с каждым, восставшим против Рима, — объявил прокуратор, обращаясь к ученикам, и, широко шагая, направился к выходу с арены.

Только сейчас, Август увидел, что, кроме самой процессии и ровных шеренг гладиаторов, на арене было множество людей, наблюдавших за убийством Мартына. Все, кому школа давала работу и хлеб, пришли сюда.

Когда-то ровные шеренги учеников-гладиаторов уже не были таковыми. Поняв, что произошло, кто-то обхватил голову руками, кто-то упал на колени, а кто-то остался сто-

ять на месте, выронив из рук оружие. Они ждали освобождения этого бесстрашного воина, а вместо этого увидели его смерть. Хотя и достойную, но смерть. Люди потеряли своего кумира и пример для подражания, а вместе с ним и веру, хоть в маленькую, но справедливость.

«Конечно это показательное наказание!» — сказал про себя Август. И вот только сейчас он однозначно понял значение того движения кистью, показанное Мартыном во время разговора. Мартын знал, что скоро его убьют.

Август лег на деревянную скамейку. В его голове звучал голос прокуратора: «Так будет с каждым, восставшим против Рима!»

«Наверное, устав приносить страдание людям, Мартын бросил оружие и отказался биться с каким-то из гладиаторов», — думал Август лежа на скамейке. Его мысли то уходили в полузабытое туманное вчерашнее прошлое, когда он был со своей семьей, то возвращались в настоящее. Он и сам не заметил, как заснул.

Проснулся он от звука ключей, открывавших дверь его камеры, и тут же ощутил утреннюю прохладу.

— Выходи, — скомандовал воин, открывавший вчера дверь Мартыну перед его убийством.

Август вышел из камеры и тут же подошедший еще один воин приказал следовать за ним. Вчера он не видел его.

«Сколько же их здесь?» — думал Август.

Следом за воином, он спустился по лестнице, по которой

вели Мартына, и оказался на песке. От вчерашней потери не осталось ничего, кроме мыслей и боли в сердце. Кровь Мартына, брызгавшая из ран и лившаяся на арену, была еще вчера смешана с остальной массой песка. Прокуратор и его воины сделали все возможное, чтобы о великом гладиаторе забыли как можно скорее, и лишь причина его смерти пугающей неизбежностью осталась в головах учеников.

Воин подвел Августа к деревянному столбу, врытому в землю.

— Смотри и запоминай, что я тебе показываю! — сказал он.

Он взял стоявший у стены деревянный меч и начал наносить удары по столбу. Меч трещал в его руке.

— Смотри внимательно! На песке любая ошибка будет стоить тебе жизни, — повторил воин и показал тот же самый удар, что показывал до этого, но уже медленно. — А теперь пробуй ты, — и он протянул деревянный меч Августу.

Взяв его в руку, Август ощутил вес, показавшийся ему огромным. Хотя в руке солдата он был легкий, подобно пушинке.

— Бей! — сказал воин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.